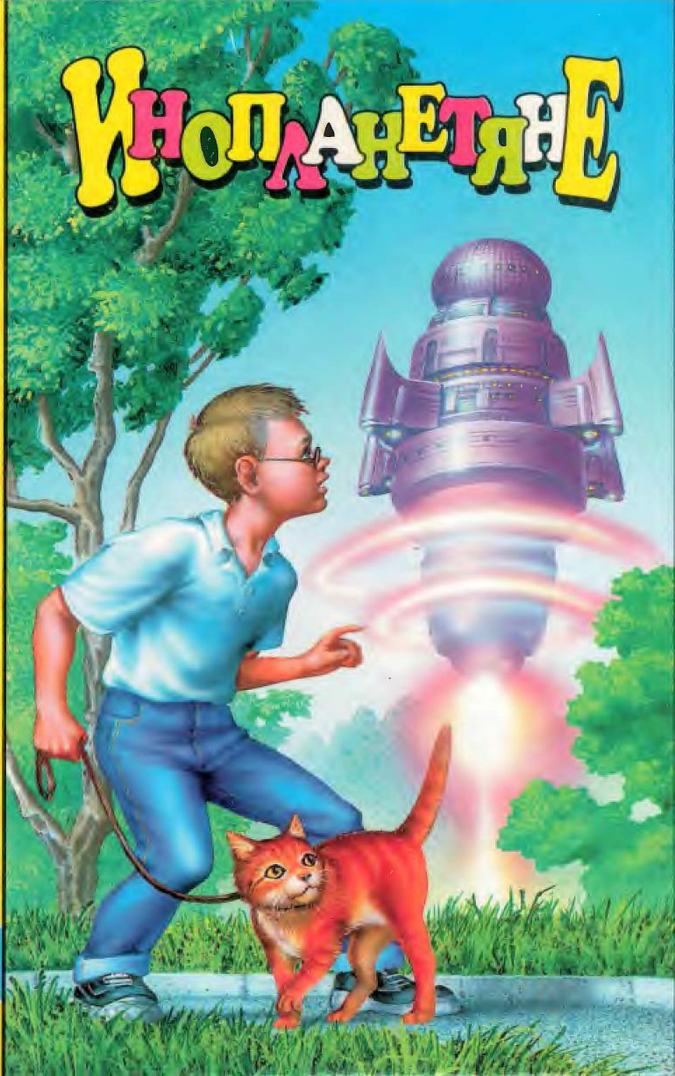
ЗАМОК ЧУДЕС

КИР БУЛЫЧЕВ

ИНОПЛАНЕТЯНЕ



Инопланетяне

Кир Булычев, Игорь Всеволодович Можейко

Аннотация
Кир Булычев. ИНОПЛАНЕТЯНЕ. Фантастические повести
Фотография пришельца
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Черный саквояж
1
2
3
4
5

6
Геркулес и гидра
1
2
3
4
5
6
Инопланетяне

Аннотация

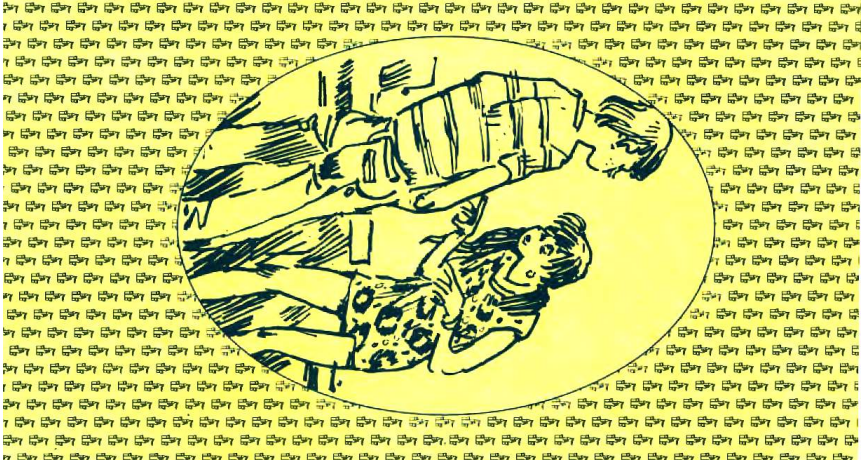
Жизнь — захватывающая штука! На обычной вечерней прогулке можно увидеть высадку инопланетян. По пути в Дом пионеров — встретить невзрачного, угрюмого человека, который и не человек вовсе, а злой пришелец. А самая заурядная покореженная железяка может оказаться потерпевшим крушение космическим кораблем, прилетевшим из будущего... И все эти замечательные приключения случаются не с какими-то чудо-героями, а с обыкновенными девчонками и мальчишками. Такими, как ты.

Художник *Е. Мигунов*.

Рисунок на переплете *М. Калинкин*.









Кир Булычев

Инопланетяне

Фантастические повести

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА
ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ
ГЕРКУЛЕС И ГИДРА
ИНОПЛАНЕТЯНЕ

●

Художник Е. Мигунов

Москва, 1999
АРМАДА
&
«Издательство Альфа-книга»

Кир Булычев
ИНОПЛАНЕТЯНЕ
Фантастические повести



ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА



Фотография пришельца
1

Даша старше меня на десять лет.

Еще пять лет назад разница в возрасте была катастрофической. По дороге в институт сестра заводила меня в школу, помогала снять сапожки и разматывала шарф. Некоторые принимали Дашу за мою маму, бывают же очень молодые мамы. Я ее тоже воспринимала как младшую маму.

Незаметно я подросла, а Даша не изменилась. Теперь все понимают, что мы сестры, не больше. Тем более что ростом я ее почти догнала. Дошло до того, что я стала ее подругой. И даже доверенным лицом. Именно я отметаю назойливых поклонников.

После института Дарья стала работать у нас в ЖЭКе, инженером по благоустройству. У нее был выбор, а так как сильно заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Даша попросилась на работу поближе к дому.

Наверное, нас сблизила мамина болезнь. Еще год назад мы жили под маминым крылышком. Мама была в командировке, попала в автомобильную аварию, и у нее сломан позвоночник.

Притом очень неудачно, так что у мамы отнялись ноги, и когда она придет в норму, неизвестно.

Только, пожалуйста, не думайте, что я — серьезное деловитое создание, вся в заботах, никогда не улыбнется. Жизнь продолжается. Мы уже купили маме кресло на колесиках. Даша окончила курсы лечебной физкультуры, а я умею делать массаж. А если вы видели бы мою маму, то поняли бы, что все обязательно обойдется — никого более очаровательного, чем моя мама, на свете нет, особенно если она улыбается.

На втором месте стоит моя Дарья. К сожалению, Дарья отлично знает силу своего обаяния и им легкомысленно пользуется. Вернее, пользовалась до того момента, когда возник мой любимый Петечка.

Считается, что младшие сестры ревнивы, но я убеждена, что с Петечкой нам повезло.

В отличие от других поклонников, которые возникают в городском транспорте, на улицах, в кино и всяких других общественных местах, Петечка материализовался прямо у нас в прихожей.

Я готовила уроки, мама смотрела телевизор, когда раздался звонок, и, открыв дверь, я увидела странное сооружение — худого человека без

головы. Петечка стоял близко к двери, и голова его скрывалась за косяком. Для того чтобы войти в прихожую, ему пришлось нагнуться. И тогда я увидела, что у него есть самая настоящая голова, рыжая и добродушная. Рыжими были тугие курчавые волосы, брови, ресницы и веснушки. Все остальное было ярко-розовым, а глаза оказались зелеными.

— Здравствуйте, — сказал он, выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок. — Я хочу видеть Дарью Александровну.

Мне бы поздороваться как положено и ответить, что Дарья Александровна еще не приходила, но вместо этого я непроизвольно спросила:

— Какой у вас рост?

— Вы же видите, — сказал рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, достал указательным до потолка.

— Два двадцать пять? — сказала я.

— Два двадцать три, — ответил молодой человек.

— Вы баскетболист? — спросила я.

— К сожалению, — ответил молодой человек, — я не могу играть в баскетбол, потому что все кричат на трибунах: «Рыжий, давай!» А когда я промахиваюсь, все кричат: «Рыжего с поля!»

— Вы заходите, — сказала я, потому что очень захотела показать такого странного человека маме. Хотя не знала, как это сделать, потому что тогда мама еще не вставала, а лежала во второй, маленькой комнате.

— Спасибо, — ответил Петечка, — я зайду попозже.

И тут он представился как Петр Говоров, корреспондент нашей областной молодежной газеты. И никуда не ушел.

Мы с ним разговаривали в прихожей минут десять, потому что он в комнату заходить не хотел, а я не хотела его отпускать, так как боялась, что он потеряется. За эти десять минут я узнала, что он в самом деле играл в баскетбол, но ему было интереснее учиться в университете и писать детские стихи, что он из маленького городка в сорока километрах от нас и потому живет в общежитии, а я ему рассказала про нашу семью, про несчастье с мамой, про то, что я победила на районной исторической олимпиаде, и даже не удержалась и сообщила, что наша Дарья очень красивая. Прислали к нам Петечку из газеты, чтобы написать информацию про детскую площадку, которую придумала Даша… Тут она и вошла.


ADIDAS

Дарья была злая, усталая после какого-то неприятного совещания.

— Чего же вы тут стоите? — спросила Даша, входя в прихожую. — Или Мария вас уже заговорила?

А Петечка ничего не ответил. Он смотрел, склонив голову, на Дашу, и я поняла, что у него отсох язык. И это меня обрадовало, потому что я мысленно уже поселила Петечку в нашем доме и даже придумала, как приставить к дивану журнальный столик, чтобы у него не свисали ноги.

Поэтому, когда вечером, после того как Петечка, спросив все, что надо, о детской площадке, удалился, а Даша сказала: «Это какой-то монстр», я сразу заявила: «Как только мне исполнится восемнадцать лет, я выхожу за него замуж». Даша принялась хохотать, мама, которой мы показали Петечку, тоже начала хохотать, а я сделала вид, что обижена, и пошла мыть посуду. Они ничего не поняли. Меньше всего я думала о замужестве — эти проблемы меня, к счастью, не волнуют. Мне нужно было создать стрессовую ситуацию, шокировать окружающих. Потому что от удивления до интереса один шаг. Если кто-то претендует на человека, который показался тебе монстром, значит, в нем есть что-то, чего ты не увидела. А

это заставит Дарью задуматься.

2

Как я была права! Не прошло и месяца, как Петечка стал у нас дома своим человеком, отпугнул других поклонников Дарьи. Это не значит, что он был агрессивным. По характеру Петечка — щенок, притом застенчивый.

Я не могу назвать отношения Дарьи с Петечкой романом. Это было бы преувеличением. Дарья иногда шутит, что замещает меня до моего совершеннолетия. Но по крайней мере она уже не считает Петечку монстром и не стесняется ходить с ним по улице, хотя сначала стеснялась. А мы с мамой от Петечки без ума. Потому что он, в первую очередь, хороший человек.

Оппозиция существует в лице Аллочки, Дашкиной подруги. Я сама слышала, как она говорит: «Ты с ума сошла, связать свою жизнь с этим бесперспективным уродом! Твоя красота — явление уникальное! Ну, я понимаю, если бы он играл за сборную Союза, это еще куда ни шло. Но он пишет детские стишки, которые никто не печатает». На что я ответила: «Его стихи — завтрашний день детской поэзии. — И процитировала: — «В июне,

в самую жару, в вагоне пропыленном в Москву приехал кенгуру работать почтальоном». «Вот именно», — сказала тогда Аллочка, и я поняла, что первый раунд я проиграла. Но впереди еще немало раундов.

Так что идею с космическим кораблем первой поддержала я и сыграла в ее реализации немалую роль. Мне она была нужна для того, чтобы помочь Петечке.

Во-первых, это значило, что у Петечки с Дашей будет общее дело. А общее дело всегда сближает. Во-вторых, это даст возможность Петечке напечатать в газете большой очерк о ценном начинании — пора Петечке подрастать как журналисту. А в-третьих, это полезно детям нашего двора.

Мне иногда кажется, что взрослые совершенно не в состоянии понять, насколько мы в конце двадцатого века быстрее растем, чем они сами росли лет тридцать-сорок назад. Мы же раньше узнаем слова «телевизор» и «космос», чем «Баба-яга» или «соска». Я в седьмом классе интересуюсь проблемами, которые моей бабушке и даже маме просто не снились. Может быть, я не самая типичная в классе, и потому у меня почти нет подруг. Но ребята меня отлично понимают, и им со мной интересно. Еще в прошлом году в классе

некоторые посмеивались над моей дружбой с Димой Петровым. Но нам друг с другом интересно, понимаете? Причем мы с Димой совершенно разные люди — он весь в технике, для него в слове «транзистор» буквально звучат трубы, как в оркестре. Я устроена иначе. Я люблю историю, я считаю, что если знать и понимать, как люди жили раньше, то можно лучше понять, что будет завтра, по крайней мере не повторять старых ошибок.

Когда у меня возникла идея с детской площадкой, я обсудила ее с Димой, а потом мы оба принесли ее Петечке. Я сейчас уже точно не помню, что я говорила, но примерно так:

— Погляди, Петечка, на нашу детскую площадку. За что мою дорогую сестренку хвалит общественность и ты в том числе? За то, что посреди нашего двора поставлены качели, какое-то глупое сооружение, по которому надо лазить, теремок и пять гномов, вырезанных из бревен, не считая медведя, который непохож на медведя. Что в этой площадке от нашего века?

— Но что ты предлагаешь? — спросил Петечка, который знал, что со мной шутки плохи.

— Я предлагаю сделать детскую площадку такой, чтобы на ней могли играть и воспитываться

будущие обитатели двадцать первого века.

— А чем они будут отличаться от вас? — спросил Петечка. — Они уже совсем перестанут верить в сказки?

Нет смысла передавать все разговоры и споры, которые мы вели. Главное, мы с Димкой их убедили. И убедили настолько, что Петечка сам загорелся этой идеей. Он даже придумал очередное стихотворение, в котором в туманной форме отразил наши споры: «Почему нет городов у слонов? Потому что для печей им не хватит кирпичей».

Глобус Луны мы решили сделать из гипса диаметром в три метра, марсоход — на основе разбитого и разоренного «жигуленка», который уже третий год стоял у соседнего дома, теремок мы договорились перестроить в диспетчерскую космодрома. Остановка была только за кораблем.

Дарья предложила сделать его из фанеры. Я не успела возмутиться, как Петечка меня опередил.

— Как можно ближе к действительности, — сказал он.

— А может, в Звездном городке есть какой-нибудь списанный корабль? — сказала тогда мама, которая за нас переживала. — Детям они его

отдадут.

— Нет, — сказала тогда я. — Списанные корабли — это вчерашний день космонавтики. Нам нужна перспективная модель.

— Я тебя даже музыке не учила, — сказала на это мама. — Я хотела, чтобы у тебя было нормальное детство. А ты сама себя засушила. Ты не девочка, а какой-то робот.

— Мама, ты не права, — ответила я. — Ты видишь меня не такой, какая я есть, а какой ты боишься меня увидеть.

Мама была так потрясена моим силлогизмом, что надолго выключилась из дискуссии.

3

Строительство площадки заняло больше месяца. Где-то к октябрю достали у строителей гипс и начали делать глобус Луны, теремок удалось разобрать только после отчаянной войны с дворовыми бабушками. В теремке пока поместили робота, подаренного нам ребятами из кружка изобретателей Дома пионеров, вездеход помог соорудить Сергей — он шофер такси — с помощью замкнутого человека, который приехал из Норильска и жил временно в квартире Синицыных,

которых командировали на два года в Алжир. Замкнутого человека звали Ричардом. Я думаю, что он был армянином, потому что у армян часто бывают странные имена: Гамлет, Роберт… Он был похож на армянина, у него были тугие черные волосы, резкие черты лица и легкий акцент. Такой легкий, что его сразу не уловишь. И иногда, говоря, он вдруг делал паузу, словно искал нужное слово.

И, главное, нам повезло с космическим кораблем.

Вспомнил о нем Петечка.

Он сказал, что основа для космического корабля стоит в лесу, возле городка, в котором он родился. Еще когда он был мальчишкой, они нашли эту конструкцию в овраге, который проходил по лесу, но тогда они думали, что это остатки самолета, который упал там во время войны. Петечка объяснил нам, что «самолет» представлял собой остов какого-то сооружения немалых размеров, вроде бы основа конструкции сохранилась хорошо, почти не проржавела, так что если обшить ее листами алюминия или пластиком, то получится именно то, что надо.

Главная задача заключалась в том, как эту железяку выволочь из леса и привезти к нам.

Формальности я опускаю, хотя в то время они доставили нам массу хлопот. Под формальностями я понимаю раздобывание автокрана, мобилизацию добровольцев.

Решительный момент наступил в субботу, часа в три.

Петечка с добровольцами и моей сестрой уехали в лес, во дворе дома царило необычное оживление, и бабушки, которые садятся на лавочки обычно после обеда, на этот раз сидели с семи утра, и места для всех не хватало. Поэтому я погнала Димку с его ребятами за стульями в красный уголок.

Конечно, я переживала. Конечно, мне казалось, что наш космический корабль рассыпался, когда его стали поднимать, или ГАИ не пустила его в Москву, чтобы не засорять город. Мало ли что может случиться? Даже авария.

Я так нервничала, что Димка принес мне стул и сказал, чтобы я сидела, а то у меня стресс.

Я села. Рядом сидел Ричард.

Я обратила внимание на то, что он тоже нервничает. Он держал в руке свернутую трубкой газету и обмахивался ею, хотя в октябре достаточно прохладно, к тому же дул ветер и собирался дождь.

Вообще-то он мне казался странным человеком. Если бы не мои переживания из-за Петечки, Дарьи, мамы, космического корабля, я бы более внимательно к нему пригляделась. Он жил в нашем дворе уже второй месяц, вроде бы нигде не работал, по крайней мере появлялся и исчезал в самое неожиданное время дня и ночи, был очень вежлив, его любили дворовые бабушки, со всеми он раскланивался и в то же время ни с кем не был знаком. И никто никогда не бывал в квартире, которую он снимал. У меня создавалось впечатление, что он даже не стал ее обставлять. Квартира была на первом этаже, и если очень постараться, можно было бы его увидеть или под каким-нибудь предлогом — мало ли предлогов у школьника — заглянуть к нему. Но я повторяю: тогда меня это не интересовало. И если бы не эта сложенная газета именно в тот день, когда должны были привезти корабль, я бы так ничего и не заподозрила.

Значит, я сижу на складном стуле и переживаю. Рядом сидит Ричард и тоже переживает. Трейлер все не едет. Собирается дождь.

Димка подходит ко мне и говорит шепотом:

— Обрати внимание на этого Ричарда.

— А что?

— Во дворе только молодежь и бабушки, не считая мамаш с колясками, которые и так бы гуляли. И один мужчина.

— Может, он любит детей? — спросила я не думая.

— Раньше я что-то не замечал.

Ричард не слышал нашего разговора. Он положил газету на колени и что-то стал писать на ее полях.

В этот момент с шумом во двор въехал трейлер, на котором возвышалась конструкция очень грустного вида. Ни на что не похожая, тем более не похожая на космический корабль. Только бурное воображение Петечки могло в ней увидеть будущие законченные формы. Я даже разочаровалась и чуть было не закричала: «Вы ошиблись! Вы притащили не ту железку!» Но сто детей нашего и соседних дворов подняли такой восторженный крик, что я промолчала.

Потом приехал автокран, и после долгих совещаний и споров развалину поместили рядом с бывшим теремком.

Теперь я вспоминаю, хоть тогда совсем об этом не думала, что Ричард, как только развалюха появилась во дворе, вскочил, словно ужаленный гремучей змеей, и кинулся к трейлеру. Он все вре-

мя был в первых рядах зевак, давал советы, и от его обычной задумчивости и следа не осталось.

Дождь пошел, как раз когда основные события завершились. Уже под дождем сестрица поблагодарила помощников, и они с Петечкой побежали домой. Мы с Димкой хотели бежать следом, но тут вспомнили, что складные стулья взяты из красного уголка и надо их вернуть на место. Мы подбежали к стульям и понесли их. А когда мы их поднимали, с одного из стульев упала сложенная в трубочку газета, та самая, которую держал Ричард.

Как известно, все шпионы попадаются на мелочах. Я об этом где-то читала.

Ричард совершил непростительную ошибку, и, может быть, этого никто бы не заметил, если бы не моя наблюдательность.

И эта ошибка ему дорого обошлась.

4

Я потащила стулья к красному уголку, а газета упала на землю. И тут я вспомнила, что Ричард что-то писал на полях газеты. И эти записи могут ему понадобиться. Поэтому только я взяла газету и сунула ее в карман куртки.

Когда мы отволокли стулья в красный уголок, дождь разошелся вовсю. И мы решили его переждать.

Мы обсуждали с Димкой, как сделать корабль похожим на настоящий. Тем временем у меня прорезался насморк. У меня насморк возникает очень быстро — стоит мне попасть под сквозняк или дождик. Я полезла за носовым платком в карман и вытащила газету.

— Надо отдать, — сказала я Димке. — Напомнишь?

— Кому?

— Ричарду. Он ее оставил.

Мы в это время стояли у двери на улицу. Красный уголок у нас в полуподвале, не в нашем корпусе, а в третьем. Нас не было видно. По крайней мере Ричард, когда выскочил из своего подъезда и побежал под дождем, нас не заметил. Он добежал до того места, где недавно стояли складные стулья. Я поняла, что он ищет газету, и хотела ему крикнуть, но дождь хлынул так сильно, что не перекричать. Чтобы не забыть газету, я вынула ее из кармана и развернула. Я не хотела читать его записи — это неприлично, просто газета немного подмокла, и я хотела ее просушить.

И в этот момент мое внимание приковал заголовок:

«ДЛЯ СТРОИТЕЛЕЙ БУДУЩЕГО».

Странное совпадение, подумала я. Только позавчера мы придумали с Петечкой такой заголовок для его статьи. Надо ему сказать, что нас опередили.

Я машинально начала читать статью под этим заголовком.

Статья начиналась так:

> «Тем, кому сегодня двенадцать или четырнадцать лет, молодыми людьми вступят в век двадцать первый».

Это было еще более удивительное совпадение, потому что точно так же начиналась наша с Петечкой статья. И, как вы уже догадываетесь, все, что в ней было написано дальше, тоже было придумано нами. И еще удивительнее было то, что и подписана статья была Петечкиной фамилией. Произошла ошибка. Статья была напечатана раньше, чем закончена детская площадка! А ведь мы с Петечкой решили, что сначала все сделаем, а уж потом будем рассказывать о наших достиже-

ниях. Видно, сегодня утром, когда я перепечатала статью и отдала Петечке, он отнес ее в газету и там, не договорившись с ним, ее напечатали… И тут же я сообразила: так быть не может. Если я сегодня утром перепечатала, значит, раньше чем завтра статья появиться не может.

Тогда я сделала то, что надо было сделать с самого начала: я посмотрела на число, когда вышла газета. И число было даже не сегодняшнее и не завтрашнее, а послезавтрашнее — 14 октября. Мне показалось, что я сошла с ума, Я зажмурилась, потом открыла глаза и прочла снова: «14 октября».

— Дим, — сказала я. — Прочти.

И показала пальцем на дату.

— Четырнадцатого октября, — сказал он.

Дождь молотил по навесу над дверью, Ричард, отчаявшись, видно, отыскать газету, побежал к подъезду.

— Бред какой-то, — сказал Димка.

Дождь ослаб, будто кончилась вода в лейке.

— Пошли домой, там все обсудим, — сказала я, и мы побежали через двор к нашему подъезду.

Мы пробежали совсем рядом с развалюхой. Дождь промыл ее округлые балки и стержни — как будто шпангоут у лодки или скелет у рыбы.

Чем-то мне этот «корабль» не понравился. Во мне была тревога. Я еще не могла сказать, что происходит, но происходило что-то неправильное.

Я постаралась вглядеться в сплетение железных полос и щитков, чтобы понять, что там, внутри. Но внутри развалюхи было темно.

— Ты что? — спросил Димка.

— А почему, — сказала я, — никто из нас не подумал, чем это было раньше?

— Ну, может быть, когда-то строили подстанцию или трансформатор, — сказал Димка.

— В лесу?

Объяснение мне могли дать два человека. Петечка или Ричард. Последний из них встретился мне буквально через минуту. Он, оказывается, стоял прямо за дверью подъезда. Никуда не уходил.

Мы замерли. И молчали несколько секунд. Вообще-то мне показалось, что мы молчим целую вечность.

Потом я спросила почему-то очень тонким голоском:

— Это вы забыли газету?

— Мы ее нашли на стуле, — быстро добавил Димка.



— Газету? — Я убеждена, что он еле сдержал свою руку, которая дернулась к газете. Но мой голос и все мое поведение меня выдали. Он понял, что я видела статью в газете. И подозреваю его. — Нет, ребята, — сказал он, напряженно улыбаясь. — Газеты я нигде не забывал.

— А вы знаете, за какое число эта газета? — спросил Димка.

— Нет, а что?

Ричард как-то ловко взял у меня эту газету, я

даже отвести руку не успела. И сделал это так естественно — как человек, который узнал что-то интересное, а теперь хочет убедиться.

Он развернул газету, поглядел на дату и сказал:

— Очень любопытно.

Лицо его было совершенно спокойно. Но тут же его исказила гримаса. Ему захотелось чихнуть.

Ричард полез в карман, достал большой носовой платок. И чихнул. И еще раз. На мгновение его лицо скрылось за носовым платком.

— Простите, — сказал он потом.

Но насморк его окончательно одолел. Он чихал и чихал — и никак не мог остановиться. Он был вынужден даже вернуть нам газету и уйти к себе. В жизни не видала человека, который бы так часто и оглушительно чихал.

— Вам нельзя под дождь вылезать, — сказал ему вслед Димка.

Дверь за Ричардом закрылась, а тут как раз подошел лифт, и мы, выпустив бабушку с собачкой и зонтиком, вошли в него.

Лифт приехал на наш этаж, и мы позвонили в дверь.

— Петечка, — сказала я, — ты знаешь, что твоя статья о детской площадке уже напечатана?

— Почему? — удивился Петечка. — Я ее только сегодня утром сдал.

— Можешь убедиться, — сказала я и протянула Петечке газету. — На третьей странице.

Петечка раскрыл третью страницу, проглядел ее и сообщил мне:

— Моей статьи еще нет. Все правильно.

— Ты совершенно слепой, — сказала я и отобрала у него газету.

Я проглядела всю третью страницу, потом на всякий случай и четвертую. На месте Петечкиной статьи был очерк о передовом токаре, победившем в соревновании.

Я поглядела на первую страницу. Газета была от сегодняшнего числа.

— Это не та газета, — сказала я Петечке.

— А какая та?

— Та была от четырнадцатого октября, — сказал Димка. — Я тоже видел.

— Ну что ж, — сказал Петечка, улыбаясь, потому что решил, что мы его разыгрываем. — Показывайте мне другую газету.

— Он ее подменил, — сказала я. — Когда чихал, подменил.

— Но я на него смотрел, — сказал Димка.

Дарья позвала Петечку на кухню, и, продолжая

улыбаться, он нас покинул. А мы остались с самой обыкновенной сегодняшней газетой в руках и понимали, что никого и никогда не убедим, что только что видели совсем другую газету.

5

За обедом Петечка рассказывал, как мы хотели его разыграть и как он не попался на наш розыгрыш. А мы не спорили. Никому не хочется казаться дураком. Только в одном я была убеждена: теперь этот Ричард будет под нашим постоянным наблюдением.

Наблюдать можно было прямо из моего окна. Мой стол стоит возле него боком, так что мне достаточно обернуться, чтобы держать под прицелом весь двор. Конечно, Ричард мог выйти из подъезда и проскользнуть, прижимаясь к стене дома. Тогда бы я его не заметила. Но вернее всего, он не будет считать меня за настоящего противника.

После обеда Димка ушел к себе домой, а я уселась за стол, чтобы подготовиться к контрольной по химии в понедельник. Разумеется, химия интересовала меня постольку-поскольку.

Начало темнеть. Я слушала, как в маминой

комнате Петечка вежливо спорит с моими женщинами о творчестве поэта Хармса. Окно было приоткрыто, чтобы не пропустить пушечный выстрел. Дело в том, что у входной двери есть пружина, и потому дверь хлопает, как пушка.

Раз пять мне пришлось вскакивать и высовываться в окно, но это была ложная тревога. И все же я не сдавалась. И дождалась.

Снова бухнула входная дверь. Ричард вышел во двор и не спеша, словно просто дышал свежим воздухом, направился к центру двора, к детской площадке.

Я потушила свет и стала за ним наблюдать.

Ричард остановился возле наших космических сооружений и вдруг оглянулся — быстро и для постороннего человека незаметно.

И тут же он буквально переродился.

Движения его из ленивых и неспешных стали точными и быстрыми. Наверное, так ведет себя взломщик сейфов. Он сделал два шага, остановился перед «космическим кораблем», подтянулся и попытался зачем-то проникнуть внутрь этой конструкции. Железяки мешали ему, и когда не удалось это сделать сразу, он начал отгибать один из погнутых металлических стержней.

И тут я решила, что пора действовать.

Я громко сказала:

— Петечка, погляди, там какой-то хулиган в нашем корабле возится. Выгони его.

Говорила я, зная, что в вечернем воздухе звук моего голоса наверняка донесется до «корабля». В то же время не хотела, чтобы Ричард понял, что его узнали.

Как я и ожидала, Ричард тут же отскочил от «корабля» и метнулся за него, затаился.

Я молчала, прислушалась.

И услышала, как по ту сторону «корабля», застучали шаги, плеснула вода в луже. Потом зашуршали кусты у забора.

Теперь мне надо было что-то предпринять.

В самом деле позвать Петечку?

Нет, он слишком серьезен. Он может написать фантастические стихи, но в жизни не поверит в завтрашнюю газету.

Я подождала у окна еще минут пять. И не зря. Через пять минут громко бухнула дверь. А так как никто не входил и не выходил из подъезда, то нетрудно было догадаться, что Ричард прокрался обратно, прижимаясь к стене дома.

Тогда я решила, что в ближайший час-два он на улицу не высунет носа. А так как окна его квартиры выходили на другую сторону, то ему не

видно будет, что происходит во дворе.

Тогда я позвонила Димке и сказала:

— Привет, ты мне нужен. Через пятнадцать минут у подъезда.

Мужчинам нельзя давать времени на размышление. Иначе они придумают предлог, чтобы не действовать.

Потом я пошла в чулан и начала там шуровать. Взяла с собой фонарик, веревку, плоскогубцы и отвертку. Я подумала, что сейчас этот самый Ричард, может, тоже мечется по своей пустой квартире, разыскивая плоскогубцы.

Но мы его опередим.

6

Димка покорно ждал меня у подъезда.

— Что случилось? — спросил он.

— Ричард выходил во двор, ходил вокруг «корабля» и даже начал в него лезть.

— И что?

— А ничего. Я его отпугнула. Думаю, что теперь он будет ждать ночи.

— Мало ли зачем он ходил к «кораблю».

— Он ходил таинственно. И очень испугался, когда я его заметила. И убегал от «корабля»

скрываясь.

— А что это значит?

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — сказала я. — Мы знаем, что он не тот, за кого себя выдает. Достаточно вспомнить о газете…

— Ну, может, это нам с тобой показалось?

Я просто диву далась, насколько человек может сам себя убедить, чтобы не видеть очевидного, если это очевидное ему непонятно.

— Двоим показалось? — спросила я.

Димка решил со мной не спорить. Он спросил:

— И что ты решила?

— Тайна Ричарда каким-то образом связана с «кораблем».

— С каким «кораблем»?

— С тем самым, который сегодня притащили из леса.

— И что мы должны делать? Лезть туда в темноте?

— Не совсем в темноте, — сказала я. — Я взяла с собой фонарь и плоскогубцы.

— Ты хочешь туда лезть?

— Не бойся, полезу я одна. Ты останешься внизу и будешь меня страховать.

— Слушай, — сказал Димка, — давай завтра.

Когда светло будет.

— Завтра будет поздно, — сказала я. — Эту вещь он вытащит сегодня ночью. Я уверена. А мы с тобой не можем всю ночь сидеть возле «корабля» и стеречь его.

— А если он сейчас выйдет?

— Мы не в лесу, — сказала я. — Мы с тобой у себя во дворе. Стоит крикнуть — полдома сбежится.

— Это так… — Последний мой аргумент его сразил. И в самом деле, приключение было не очень опасное. Петечка наверняка услышит, если что. Я специально окно не закрыла.

— Пошли, — сказала я. — Покажу тебе, как он туда лез.

Мы подошли к «кораблю». Было совсем тихо.

В темноте корабль выглядел совершенно не так, как днем. Днем он был скучным и ржавым. Ночью — загадочным и почти живым.

— Вот тут он лез, — сказала я, зажигая фонарь. Луч фонаря сразу провалился в темноту, отразившись от погнутой балки.

Димка подсадил меня, я схватилась за стержни и подтянулась. Физически я развита хорошо, не жалуюсь. Правда, художественную гимнастику пришлось бросить, времени не хватает, а быть средней или даже второй я не люблю. Или пер-

вой, или никакой.

Я понимала, что надо попасть внутрь, в сплетение конструкций и щитов, непроницаемое глазу даже днем. И уж, наверное, Ричард шел по самому верному пути — он-то заранее все высмотрел.

Но это было нелегко даже для меня. Уж очень узко и как-то неловко проходил тот лаз. Фонарик мало чем помогал — его лучу все еще не во что было толком упереться.

Мне казалось, что я уже целую вечность ползу между железных конструкций, и тут еще, как только я остановилась, чтобы передохнуть, сзади, совсем близко, раздался громкий шепот Димки:

— Опасность!

Я потушила фонарик и сказала:

— Отойди от «корабля», мне сразу не вылезти.

И замерла.

Потом я услышала, как приближаются быстрые шаги.

Буханья двери я не услышала, значит, тот человек вышел не из нашего подъезда. Ничего, подумала я, Димка с тем, неизвестным мне человеком, если нужно, поговорит, отведет его. Меня же снаружи без прожектора не увидеть.

И вы представляете, как я удивилась, когда услышала голос Ричарда:

— Дима? Ты что здесь делаешь?



Я думаю, что Димка тоже очень растерялся, потому что в нормальном состоянии он никогда бы не спросил:

— А вы почему не через дверь вышли?

— А я еще не вошел. — Ричард коротко засмеялся. — Из гостей возвращаюсь, вдруг вижу — ты стоишь.

Лжет, сказала я себе, он вылез через окно и обошел вокруг дома. И сделал это по одной простой причине: не хотел, чтобы я услышала, как стреляет дверь. Значит, он очень спешит. Теперь все зависит от Димки. Только бы он меня не выдал.

— А я хотел проверить, — послышался голос

Димки. — Мне показалось, что кто-то там ходил.

— И проверил? — Мне показалось, что в голосе Ричарда слышно раздражение. Я бы тоже на его месте раздражилась. Все время срывается его неизвестная операция.

— Да, — сказал Димка.

— Тогда иди домой, спать пора, завтра в школу.

— Завтра воскресенье, — сказал Димка.

— Все равно у детей и подростков должен быть режим. Непонятно, о чем думают твои родители.

— Они хотят, чтобы я дышал свежим воздухом, — сказал Димка. — Вот я и дышу.

Они помолчали. Вдруг мне стало так смешно, что я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Я вспомнила, как однажды к нам пришли сразу два поклонника Дарьи. Они оба согласились пить чай, я им все поставила на стол. И они натужно молчали, стараясь пересидеть друг друга.

— Ну ладно, — сказал наконец Ричард. — Пойду, поздно уже.

— Идите, — сказал Димка, — а я еще погуляю.

Потом снова послышались шаги, на этот раз куда более медленные. Бухнула дверь.

Я снова включила фонарик.

И увидела впереди как бы стенку. Но не стен-

ку, как в комнате, а стенку большого ящика. Погнутую с моей стороны. Я поднесла фонарик поближе и поняла, что посреди этой стенки есть тонкий, будто волосяной, круг. Очень точно в нее был врезан люк. Диаметром с голову.

Я толкнула его. Ничего не произошло. Я стала нажимать с разных сторон, потом постаралась подцепить отверткой. Ничего не вышло. Потом я пыталась заглянуть по ту сторону ящика, но там было такое сплетение металлических стержней и проводов, что от этой мысли пришлось отказаться.

Но у меня появилась идея. Я приложила ладонь к холодному металлу и стала медленно двигать круг. Сначала по часовой стрелке, а когда из этого ничего не вышло, то против часовой. И вдруг круг послушался меня. Это было потрясающее чувство — чувство победы! Круг начал двигаться, словно смазанный, и с каждым поворотом он выдвигался из стенки все больше и больше. И потом начал отваливаться так, что мне пришлось вжаться в железки, чтобы дать ему место рядом со мной.

За кругом была темнота. Я посветила туда фонарем.



Внутри была ниша, как будто сейф. В ней лежал небольшой плоский ящичек.

Я взяла его. Ящичек был прохладным и довольно тяжелым. Больше там ничего не было.

7

Ящичек я спрятала у себя под кроватью, а сама вымылась, переоделась и даже напилась чаю. Все приключение начало мне самой казаться забавным и совсем нестрашным.

Но этим вечер не кончился.

Сказав всем, что пошла спать, я вернулась к себе в комнату, но спать, конечно, не могла. Я вытащила ящичек, осмотрела его, поняла, что сейчас мне его не открыть, потом потушила свет, но спать ложиться не стала, а подошла к окну. Мне казалось, что все еще не кончилось.

И я не ошиблась. Я стояла у окна минут двадцать, не больше, когда возле «корабля» снова появилась темная фигура. Ричард. Он был на этот раз куда решительнее, чем раньше. Видно, уже отчаялся.

И тоже принес с собой фонарик, которого не было в прошлый раз. Или в прошлый раз он не успел его зажечь.

Лучик фонарика обскакал «корабль», вспыхивая на металлических частях. Потом Ричард подтянулся, именно там, где влезала я, и ловко забрался внутрь. Свет фонарика вспыхивал, как будто там, внутри, летал светлячок.

Что он делал, мне было не разглядеть, но должна признаться, хоть это и нехорошо, что у меня возникло злорадное чувство — карабкайся, говорила я себе, ты уже опоздал, голубчик.

Ричард сидел внутри «корабля» минут десять. Я даже возвратилась к столу, посмотрела еще раз на ящичек. Было тихо, и мне было слышно, как поскрипывают конструкции, и на фоне темного облачного неба можно было угадать, как железки покачиваются, вздрагивают от движений внутри. Ричард был как муха, попавшая в паутину.



Мне была видна черная тень Ричарда, которая появилась рядом с «кораблем». Вылез, несчастненький. Не нашел ничего. Вот он даже обходит «корабль», глядит на землю, думает — а вдруг его черный ящичек выпал нечаянно. Так он мог выпасть где угодно по дороге. Он мог даже в лесу остаться. Я, как умный человек, могу предположить, что завтра нам надо ждать гостя. Придет Ричард и начнет выяснять, где был «корабль» первоначально. Чтобы поехать туда и перерыть все вокруг. Ладно, думала я, глядя, как Ричард понуро бредет к подъезду. Подождем до завтра.

Я еще раз взвесила на руке ящичек. Он был тяжелым.

Бухнула дверь. Потом ко мне заглянул Петечка, чтобы попрощаться.

— Когда статья будет? — спросила я.

— Разве это от меня зависит? — Петечка развел руками и чуть не сшиб горшок с цветком, который стоял в двух метрах от него.

8

Наступило воскресное утро. В обычный день я бы спала часов до десяти. Я обожаю спать. Но тут меня в семь часов подкинуло как по будиль-

нику. Я нащупала под подушкой таинственный ящичек. Вытащила его. Он был матовый, чуть скругленный по углам, и тонкая нитяная полоска показывала, как его можно открыть. Чем мы сейчас и займемся.

Я вскочила, быстренько вымылась, позавтракала и позвонила Димке.

Он, конечно, еще спал, как будто ничего особенного в жизни не произошло. И при всей моей настойчивости поднять я его сразу не смогла.

Заявился он ко мне только в десять. И притом был недоволен.

Он поворачивал в руках ящичек, словно это была мина, а потом спросил:

— Что будем делать?

— Будем открывать, — сказала я.

Димка положил коробочку на стол и вдруг родил ценную мысль. Он спросил:

— А вдруг там пленка? Может быть, какой-нибудь микрофильм?

— И что?

— Тогда надо открывать в темноте.

— Молодец, — сказала я. — Пошли к тебе.

Димка фотограф, и не без способностей. Дома у него мы пошли в чулан, где у него фотолаборатория.

Димка устроился поудобнее и принялся открывать ящичек так, как открывают ракушку. Но нож никак не входил в узкую щель. Тогда я взяла ящичек у Димки и стала открывать его с помощью рассуждений. Так как никакого отверстия для ключа в нем нет, то, значит, ящик не заперт. Конечно, бывают всякие там магнитные или электронные ключи, но вспомним, что люк в «корабле» я открыла тоже без всяких ключей. Поэтому я начала нажимать на ящичек с разных сторон, стараясь в то же время повернуть его или сдвинуть. Димка смотрел на меня со скукой во взоре, она была очевидной.

Все эти попытки заняли у меня минут двадцать, не меньше.

И наверное, я бы плюнула, выбросила этот ящичек или отдала его кому-нибудь, хотя бы Петечке, но рядом стоял Димка и тосковал. И я должна была ему доказать, что в конце двадцатого века женщины не только добились равноправия, но и завоевали его, сравнявшись с мужчинами интеллектом. Вот это соревнование мужчин и женщин кончилось, разумеется, моей победой. Мне удалось сделать так, что верхняя половинка ящичка повернулась на сорок пять градусов и тут же отъехала в сторону.

Я сделала вид, что ничего особенного не произошло. Как говорится, это у нас может сделать каждый. Я положила ящичек на лабораторный стол и сказала:

— Можешь заглянуть.

9

В ящичке не оказалось ничего интересного.

Там умещалось несколько дисков. Каждый диск чуть побольше пятака и чуть потоньше. Даже при тусклом свете можно было разглядеть, что диски не сплошные, а свернутые из очень тонкой проволочки. Я поддела внешний виток ногтем, и он чуть-чуть подался. Все диски были одинаковыми, и всего их там оказалось шесть.

— Все? — спросил Димка разочарованно, словно в ящичке должно было быть сто золотых дублонов и скелет мертвеца.

— Все, — сказала я. — Можно зажигать свет.

Я взяла в руки крышку ящика и хотела его закрыть, и в этот момент дверь в чулан неожиданно начала открываться.

Почему-то я вскочила и прижала к груди ящичек. Мне показалось, что это Ричард, который нас все-таки выследил.

Димка тоже вскочил и налетел на меня, потому что ему наверняка пришла в голову та же мысль.

Но это была его мать.

Она спросила, разглядев нас:

— Вы что здесь делаете?

— Что за шум? — спросил Димкин отец, тоже появляясь в дверях чулана.

В чулане и так тесно, только-только два человека помещаются — теперь же там было как в автобусе в час пик.

— Вот, — сказала Димкина мать, — не завтракал, а уже заперлись в темноте — фотографы!

— И в самом деле, — сказал Димкин отец голосом хорошо выспавшегося человека. — Не гуляешь, спортом не занимаешься — черт знает что! А ну вылезайте из вашего подвала, пошли гулять. Раз-два-три-четыре.

И он принялся хохотать, а я старалась спрятать ящичек.

И через пять минут, несмотря на Димкино сопротивление, мы были отправлены сначала за стол завтракать, а потом на улицу.

10

Великое открытие я сделала уже во дворе. Мы вышли с Димкой на улицу, погода была пасмурная, но без дождя, кое-кто из мам и бабушек уже гулял с детьми. Наш «космический корабль» казался при утреннем свете консервной банкой, которой играли в футбол лет пять подряд. Мы сели на скамеечку, спрятанную в кустах, и я снова достала из кармана ящичек. Я хотела посмотреть, нет ли чего в нем под дисками, и случайно взглянула на внутренность крышки.

И обнаружила на ней картинку. Цветную фотографию.

Картинка изображала пейзаж: лес из невысоких растений. На фоне этих растений стоял человек.

Все было бы хорошо, если бы растения и человек были нормальными.

Но растения были фиолетовыми и похожими на бутылки с колючками, а человек был в синем костюме, обтягивающем тело, с крылышками на плечах и в черном шаре на голове — скафандровом шлеме.

Я ничего не сказала. Я просто протянула Димке крышку фотографией вверх и ждала, что он скажет.

Димка смотрел долго, переваривал информацию. Потом сказал очень правильно, сказал то, что я уже продумала.

— Пейзаж, — сказал он, — не наш. Не земной. Скафандр не наш, не земной. И ботинки зеленые.

Ботинки я не сразу заметила. Они были не только зеленые. У них были вытянутые вперед, уродливые носки, которые загибались кверху.

— Так, — сказал Димка. — Лучше всего осторожненько положить эту коробку на место. Пускай берет и улетает к себе.

Все-таки Димка не дурак. Все правильно сформулировал.

Лучше, если Ричард оказался бы шпионом или каким-нибудь преступником. Со шпионами и преступниками ясно как поступать. И есть специальные люди, которые ими занимаются. А кто занимается пришельцами с другой планеты?

Значит, когда-то у нас на Земле потерпел крушение корабль. Вот они и ищут. Чтобы взять с него бортовой журнал или какие-нибудь еще секретные данные. И не дай бог кому-нибудь оказаться на их пути.

А мы оказались.

Представляете, мы прибегаем в милицию и говорим: имеем в руках секретные сведения с другой планеты. Кому сдавать? А нам отвечают: дети, перестаньте играть в фантастику.

— Возможно, он здесь не один, — сказал Димка.

— У них есть все возможности, — сказала я. — И документы достают. И маскируются.

— Понял, — сказал Димка, — самое главное, чтобы ящичек не попал в лапы Ричарда.

— И судьба всей Земли теперь зависит от нас.

— Пошли к Петечке, — сказал Димка.

— Только Петечка сейчас в редакции. Он при-

дет к нам обедать.

— Будем ждать до обеда?

— Ты с ума сошел! Едем к нему немедленно.

— А разве по воскресеньям газеты работают?

— Ты еще спроси, ходят ли по воскресеньям поезда, — сказала я с сарказмом. — Петечка сегодня дежурит по редакции. Новости не знают воскресений.

И мы пошли к автобусной остановке, чтобы поехать к Петечке в редакцию.

Мы уже вышли со двора и повернули к автобусной остановке. Нам оставалось несколько шагов до улицы. Но сделать их мы не успели. На нашем пути стоял Ричард. Он был серьезен и бледен. Он не улыбался. Но по его глазам я поняла, что нам не уйти.

Димка пошатнулся, как пошатывается бегун, который должен начинать дистанцию с высокого старта. Но его остановило то, что я никуда не побежала. Я понимала, что бежать бессмысленно. В руке Ричарда было что-то темное и небольшое, похожее на курительную трубку. Мне достаточно было мимолетного взгляда, чтобы понять, что это не курительная трубка. Это бластер, да, тот самый бластер, которым в романах обычно вооружены пришельцы и космические пираты.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал Ричард.



— Я это поняла, как только вас увидела, — сказала я.

— Давайте отойдем. Куда-нибудь в тихое место.

— Нет, — сказала я. — Тихое место нас не устраивает.

— А какое вас устраивает?

— Вон тот сквер.

Сквер находился посреди небольшой площади. Он проглядывался со всех сторон, и по ту его сторону, где проходила магистраль, был виден милиционер. Я понимала, что милиционер не успеет прийти к нам на помощь, если Ричард примется нас расстреливать, но все же и пришелец трижды подумает, прежде чем начинать стрельбу. Ему, наверное, приказано не рисковать.

Ричард сделал вид, что ничуть не удивился. Он первым пошел через переход к скверику, будто не сомневался, что мы не убежим. Я поняла, что гордость заставляет меня идти следом и никуда не бежать. И даже не дать убежать Димке, у которого чувство гордости развито слабее.

Ричард подошел к скамейке и сел. Я села рядом и посмотрела на его бластер, похожий на курительную трубку. Он проследил за моим взглядом, покрутил бластер в руке, потом сунул его в рот, и

я поняла, что это все-таки просто трубка. Ричард достал из кармана пиджака кисет и набил трубку табаком, потом раскурил. Я смотрела на улицу, как бегут мимо машины, как милиционер регулирует движение, То, что бластер оказался все-таки трубкой, меня ни в чем не убедило. Настоящий бластер мог таиться у него в кармане.

— Лазили? — спросил Ричард.

— Куда? — спросила я.

— В ту развалину, которую ваша сестра привезла из леса.

— А вы лазили? — спросила я.

— Мне надо было, — сказал Ричард.

— Знаем, — сказал Димка.

— Я был неосторожен, — сказал Ричард. — А куда вы дели контейнер?

— Какой контейнер? — удивился Димка.

— Контейнер с пленками, — сказал Ричард.

Я принюхалась. Я думала, что его табак пахнет как-то особенно, но он пахнул медом.

— Коробочку? — спросил Димка, прежде чем я успела его остановить.

— От перемены названия суть дела не меняется, — вдруг улыбнулся Ричард. — Вы уже наигрались?

— Мы вас не понимаем, — сказала я твердо.

— Чего уж там, — сказал Ричард. — Давайте не будем играть в прятки. Отдайте мне контейнер. Вам он совершенно не нужен.

— А вам зачем нужен? — спросила я.

— Мне он очень нужен, — сказал Ричард. — Я за ним специально приехал.

— Мы знаем, зачем он вам нужен, — вмешался Димка. — Мы догадались.

— Вернее всего, вы догадались неправильно, — сказал Ричард. — Я работаю в институте, мы производили запуск метеорологической ракеты, и неудачно. Она упала в лес, и мы ее потеряли…

— Сколько же лет назад это было? — спросил Димка.

Я решила подождать, не вмешиваться в их разговор. Ричард неумело лгал, и я ждала, пока он запутается посильнее.

— Несколько лет, — сказал Ричард.

— А почему же, — спросил Димка, — вы искали ее, эту ракету, не в лесу, а на нашем дворе? Странно, правда?

— Случайность, — сказал Ричард. — Если вы хотите, я могу вам заплатить за этот ящик.

— А нам ваши деньги не нужны, — сказал Димка.

И разговор зашел в тупик.

— Но, может, не деньги? — голос Ричарда звучал неуверенно.

Вторжение на Землю явно срывалось ввиду упрямства двух молодых землян, которых нельзя подкупить или запугать. Я подумала, что это неплохо звучит.

— А что? — спросил Димка.

— Какие-нибудь ценности… Например, велосипед или моторную лодку.

— Ого, — сказал Димка, — по велосипеду или один на двоих?

— Даже по моторной лодке каждому.

А так как мы молчали, переваривали информацию, Ричард спросил:

— А что вы собираетесь делать с контейнером?

— Отдать его в милицию, — сказал Димка.

— Жалко, — сказал Ричард.

И тут я не выдержала. Уж очень мирный шел разговор, как на базаре к вечеру, когда покупателей уже немного и можно поторговаться не спеша.

— А вам нас не жалко? — спросила я. — Нет, не улыбайтесь, мы вас раскусили. И не подумайте сейчас стрелять или нас похищать. Контейнер спрятан в надежном месте.

— А почему я должен вас жалеть?

— А потому, что вы готовите вторжение на Землю, — сказала я. — Мы видели портрет вашего сообщника. Лучше скажите, с какой вы планеты? А потом улетайте.

— Любопытно, — сказал Ричард. — Кого вы имеете в виду под моим сообщником?

— Того, зеленого, — сказал Димка.

— Честное слово, не понимаю, — сказал Ричард. — Какого еще зеленого? Покажите мне, что вы имеете в виду?

— Показать не можем, — сказала я. — Контейнер спрятан. Вам его не найти.

— Почему не найти? — спросил Ричард. — Он же у вас в кармане. Еле поместился.

Я непроизвольно схватилась за карман, а Ричард снова принялся раскуривать свою трубку-бластер.

— Не дергайтесь, — сказал он. — Я не готовлю вторжения. Я всю жизнь прожил в Москве. На Волхонке.

— И завтрашнюю газету там купили?

— Нет, — сказал Ричард, — я ее в архиве взял.

— В архиве? — Я вложила в это слово весь свой сарказм.

— Ладно, — сказал Ричард, — чтобы вы не наделали глупостей, я должен буду вам все рассказать.

Вы производите впечатление неглупых людей, хотя и склонных к авантюрам и поспешным обобщениям.

Не верю ему, уговаривала я себя. Сейчас он придумает новую ложь, чтобы выманить контейнер.

— К вам случайно попал в руки бортовой журнал автоматического катера с корабля «Эверест», который стартовал с Земли к звезде Барнарда в две тысячи сто тридцать четвертом году.

— Ага, — сказала я, потому что была готова, что он соврет. Но нужно признаться, что эта фраза прозвучала очень внушительно.

— Корабль не вернулся в назначенный срок, — продолжал Ричард обыкновенным голосом. — Однако направил к Земле, как и принято в таких случаях, автоматический катер с бортовым журналом. И катер пропал тоже. И если я не получу бортового журнала, мы не сможем найти «Эверест» и помочь нашим товарищам.

— И мы должны вам поверить? — перебила я его, потому что мне очень хотелось поверить в такую романтическую и невероятную ложь. И мой верный Димка, который никогда не смеет мне перечить, вдруг грубо сказал:

— Помолчи, Машка! Не мешай.

И я поняла, что ему тоже хочется в это пове-

рить.

— И случилось то, что теоретически предсказано, но в самом деле еще не случалось. Во время прыжка через гиперпространство автоматический катер сместился во временном потоке и исчез в прошлом. В далеком прошлом.

— Это мы-то далекое прошлое? — не выдержала я.

— Нет, он попал на Землю за тысячу лет до ваших дней, — сказал спокойно Ричард. — Мы смогли примерно вычислить время и место его падения, но в той точке катер не нашли. Тогда мы стали искать какие-нибудь сведения о нем в книгах, архивах, в газетах… Ведь бесследно катер исчезнуть не мог. Была, конечно, опасность, что он попался кому-то на глаза в ваше время или сто лет назад, и тогда его попросту разобрали на металлолом. К счастью, библиотеки в наше время оборудованы очень совершенными компьютерами, и когда мы подняли индексы всех статей, опубликованных во всех газетах мира, то, на наше счастье, нам попалась статья вашего друга Петечки о том, как создавалась детская площадка. По описанию обстоятельств находки «корабля» мы поняли, что это, скорее всего, то, что нам нужно. И вот я прилетел к вам…

— Так вы уже месяц здесь живете!

— Правильно, — сказал Ричард. — Мы же не знали, какого числа и откуда привезут наш катер. Значит, надо было поселиться здесь заранее и ждать. И изъять бортовой журнал. Первыми. Потому что, когда «корабль» будут переоборудовать, обязательно кто-нибудь найдет контейнер, и тогда следы его исчезнут. Если контейнер попадет в руки к ребятишкам, они, не зная, что это такое, могут разорвать записи.

— Дарья, — сказал Димка, — отдай Ричарду контейнер.

— Погоди, — сказала я. — А почему там картинка инопланетянина?

— Понятно почему! — сказал Димка. — Они его там сфотографировали!

Я была в меньшинстве. И никому не хочется прослыть ретроградом, то есть человеком, который ни во что не хочет верить.

Я достала контейнер. Я видела, как Ричарду хочется его у меня отобрать, но он сдержал себя, что говорило в его пользу.

Я открыла коробочку и показала Ричарду картинку. Он всмотрелся в нее и сказал:

— Это такой же инопланетянин, как и мы с вами. Это мой брат. Только в скафандре.

— А туфли! — сказала я. — Какой космонавт будет ходить в таких туфлях?

— Мне ваши моды тоже кажутся странными, — ответил тихо Ричард.

Димка протянул руку и достал из контейнера один из маленьких дисков.

— А это записи? — спросил он.

— Это то, что нам очень нужно, — сказал Ричард. — И я могу вам это доказать, чтобы вы не думали ни о каких вторжениях.

Он достал из верхнего кармана пиджака небольшую плоскую коробочку, как из-под пудры, взял двумя пальцами диск и поставил его внутрь.

И тут же мы услышали тихий, но внятный голос:

— Внимание, говорит «Эверест». Привет вам, наши друзья и родные. Мы достигли системы звезды Барнарда, но возвращение невозможно. Нам нужна помощь. Сообщаем обстоятельства…

Ричард выключил диск.

— А дальше? — спросил Димка. — Нам же тоже интересно.

— Простите, — сказал Ричард. — Я очень благодарен вам за помощь и за доверие. Но поймите же, я не могу вам много рассказать. Ведь это случится через сто пятьдесят лет.

— Понятно, — сразу согласился Димка. — И разумно. Только очень жаль.

— Мне бы тоже на вашем месте было жаль. Дай-ка сюда.

Я послушно отдала ему контейнер. Ричард осторожно подцепил ногтем тонкую фотографию на крышке контейнера. И протянул ее мне.

— Разумеется, я нарушаю правила, — сказал он. — Но мне хочется, чтобы у вас осталась память… — Он перевернул фотографию «инопланетянина», посмотрел и добавил: — Ведь это принадлежит мне… лично.

Я взяла фотографию и на другой стороне увидела аккуратную надпись: «Дорогой Ричард! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Привет от нас с Ниной. Твой брат Василий».

— Спасибо, — сказала я. — Вы простите, что мы вам не поверили.

— А поверить трудно, — сказал Ричард. — Я благодарен вам от своего имени и от имени тех космонавтов, к которым мы завтра же пошлем помощь…

— Через сто пятьдесят лет, — поправила его я.

Ричард выбил трубку, поднялся, мы поднялись тоже. Он попрощался с нами. Потом сказал:

— Я очень прошу оставить все между нами.

— Нам бы никто не поверил, — сказал Димка.

Ричард повернулся и пошел прочь.

Он перешел улицу на зеленый свет, свернул за угол. Он не обернулся.

Мы смотрели ему вслед.

Больше мы его, разумеется, никогда не видели.



Когда мы пошли обратно, Димка сказал:

— Фотография будет храниться у нас с тобой по очереди. Всю жизнь. И у наших детей. Чтобы можно было ее вернуть Ричарду через сто пять-

десят лет.

И я согласилась с Димкой. Фотографию надо будет возвратить. Второй у Ричарда нет.

11

Когда я вернулась домой, Петечка уже пришел к нам.

— Мария, — сказал он мне, — завтра моя статья будет в газете. Главный обещал.

— Я знаю, — сказала я. — Я ее видела.

Петечка не понял, что я имею в виду.

— Там справа от твоей статьи, — не удержалась я, — будет еще фотография прядильщицы Сидоровой. Очень красивая женщина.

— Угадала, — засмеялся Петечка. — Как странно! Сегодня как раз наш фотограф вернулся с прядильной фабрики и привез оттуда снимки. А я написал новые стихи. Хочешь послушать?

— Читай, — сказала я, подходя к окну.

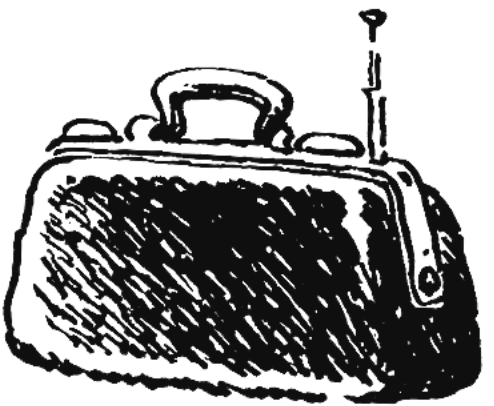
Корабль стоял посреди двора, и требовалось немало воображения, чтобы представить себе, каким он был тысячу лет назад, то есть каким он должен быть через сто с лишним лет.

«И еще», — подумала я, — только мы с Димкой знаем, что вот те железки видели просторы дале-

кой-далекой планеты у звезды Барнарда. А мои правнуки полетят на звезду Барнарда».



ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ



Черный саквояж
1

Я сначала увидел саквояж, а потом человека. Саквояж — это древний гибрид сумки, чемодана и портфеля, такие носят доктора в исторических фильмах. Теперь их, по-моему, не делают.

Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным.

Приходил чеховский доктор, велел открыть рот, давал капли или микстуру — тогда даже еще уколов не умели делать.

А этот саквояж мне не понравился.

Саквояж спускался в подземный переход. Его нес небольшой человек, совершенно непохожий на доктора. Ни на кого не похожий человек, потому что он был похож на всех сразу.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Я смотрел на саквояж и почти догнал их.

Спина сутулого мужчины дергалась передо мной, потому что он все время сбивался на бег, а потом тормозил, стараясь забежать вперед владельца саквояжа.

Неожиданно тот, кто нес саквояж, прибавил шагу, его преследователь тоже прибавил шагу, а я не стал спешить. Мало ли какие бывают у людей проблемы.

Но получилось так, что из подземного перехода мы не вышли.

Погода была ветреная, солнечная, но ненадежная. Фиолетовые тучи выскакивали, как из засады, и плевались короткими ливнями. Очередная туча таилась за крышей высокого дома и выскочила, как раз когда я выглянул из перехода. С неба упала стена ливня.

Я отступил на несколько шагов в глубь перехода и услышал злой громкий шепот:

— Верните немедленно.

Я оглянулся. Те же двое. Мужчина в маленьких очках теснил того, что с саквояжем, к стене. Незаметный человек елозил спиной по тусклому кафелю стены и повторял со злостью:

— У вас нет доказательств. Вы никогда не докажете…

— Отдайте саквояж. Я все понял.



Этот странный разговор тянулся, как затертая пластинка, которая застряла на одной фразе: «Степь да степь кругом… степь да степь кругом…»

Вдруг они прервали разговор и как по команде посмотрели на меня.

Я увидел очень холодные, светлые глаза незаметного человека и растерянные добрые, окруженные оправой очков глаза плотного. Я невольно отвел взгляд. Получилось, что я подслушиваю.

И тут же ливень оборвался, так же незаметно, как начался. Толпа бросилась наверх, разъединила меня со спорщиками, и я потерял тех людей из виду.

Я не думал, что когда-нибудь их еще увижу. Но увидел.

Сначала я увидел незаметного человека с черным саквояжем.

Примерно через полтора часа.

Я заскочил домой, пообедал, потом побежал в кружок.

Надо сказать, что я всегда бегаю. Во-первых, это очень помогает поддерживать тонус — ведь проводим в классе полдня в сидячем положении. А потом собираемся еще всю жизнь сидеть

— в институте, на работе, на пенсии… Так что единственное спасение от ранней старости, от ожирения и лени — это бег. Я не признаю бег трусцой по утрам. Лишняя потеря времени. Да и неудобно как-то в трусах носиться по улицам. Из автобусов на тебя смотрят как на сумасшедшего. Бежать надо по делу. В булочную послали — беги, в школу — беги, из школы — беги. Экономия на времени, на транспорте и бодрость духа.

Я примчался в Дом пионеров в половине четвертого. У меня было полтора часа времени до встречи с Сорокалетом. Сорокалет, если вы случайно не слышали, великий изобретатель. У самого сорок авторских свидетельств, а у его учеников — более трехсот. Я считаю, что это очень достойная пропорция. Встречу с ним мне устроил наш руководитель, Стасик. Он сам занимается у Сорокалета на семинаре изобретателей и считает его гением. А я единственный из наших кружковцев, насчет которого он попросил Сорокалета, чтобы он со мной поговорил.

Я не хочу хвастаться, это не в моих принципах, но я согласен со Стасиком. Наверное, это вызвано тем, что мои работы отличаются от работ других ребят. Я всегда иду от того, что нужно человечеству. Вы можете возразить: разве не нужна

человечеству машина времени или вечный двигатель? Но разумный человек ответит: подобные забавы антинаучны и, хоть даже у нас в кружке есть братья Симоны, которые строят уже восьмую модель вечного двигателя, это означает лишь, что они хотят выделиться и плохо знают теорию. Есть другая категория юных изобретателей — те, кто изобретает всем известное, потому что это легче сделать. Например, три года у нас делали робота. Робот ходит, мигает лампочками, двигает руками, но все равно это игрушка, хоть его всегда показывают на вечерах и все хлопают в ладоши и кричат: ах, какие умные подростки!

Я уже сейчас занимаюсь проблемами окружающей среды. Я придумал проект судна, которое может очистить от нефти и других отходов большую акваторию, и действует это судно по принципу промокашки. Или, может, тех машин, которые подметают улицы. Представляете круглую щетку, которая вертится, собирая грязь с мостовой и загоняя ее внутрь кузова? Такого рода пластиковым пористым валом я снабжаю мои суда. Грязь с поверхности воды впитывается в вал и подается в цистерну. Над цистерной вал прижимается, отдает содержимое и вновь готов к употреблению.

В тот день я должен был встретиться с самим Сорокалетом и потому, сами понимаете, волновался больше, чем перед экзаменом. У меня была робкая надежда, что Сорокалет согласится взять меня в свой семинар. Правда, там занимаются как минимум студенты и семиклассников он, конечно, не брал. Но я хотел доказать Сорокалету, что возраст таланту не помеха. Известно, что Моцарт уже в три года играл на скрипке.

Поэтому неудивительно, что весь день у меня пошел наперекосяк. Я умудрился получить двойку по истории, чего со мной не случалось уже полгода, хотя я историю не люблю и считаю ее пустой наукой — часы, которые мы тратим на нее, можно было употребить с пользой — учить побольше математики.

Дома я тоже вел себя не лучшим образом. Во-первых, забыл заплатить за квартиру, потом сжег яичницу, наконец, когда позвонил Артем, я забыл передать ему, что Настасья будет ждать его у кино в половине седьмого. Правда, этот мой грех был самым незначительным, так как они все равно друг друга отыщут, даже если во всем городе перегорит свет или сломаются все троллейбусы. У этих влюбленных какое-то шестое чувство. Мне иногда просто смешно на них смотреть. Настасья

совершенно забросила учебу в техникуме. Артем бросил заниматься боксом, потому что у них не хватает времени на свидания. Я считаю, что любовь такая же вредная штука, как история. Она отвлекает от производительного труда и увеличивает энтропию. Я уверен, что оптимальное состояние моей сестрицы и Артема — оцепенение. Они бы рады просиживать друг перед дружкой целыми сутками, пожирая партнера пламенными взорами. Но повторяю: это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Но я убежден, что Руслан разделяет эту точку зрения.

В общем, весь день я находился под ощущением великого перелома в моей жизни и не обращал внимания на обыденные мелочи. Даже удивительно, что я заметил ту парочку — плотного мужчину в очках и незаметного человека с черным саквояжем.

В кружке я провел около часа. Все равно надо было убить время. Я пообщался с братьями Симонами, которые как раз разбирали очередную модель вечного двигателя, убедившись в его нецелесообразности, и собирались использовать некоторые его части для новой, такой же бессмысленной модели. Я знал, что ничего им не докажу, и поэтому не доказывал. Все это время ду-

мал. Ведь мне нужно было доказать Сорокалету, что я как изобретатель чего-то стою. Я мысленно повторял обоснования некоторых моих работ и даже придумывал за Сорокалета возражения.

Все кружковцы знали, что мне сегодня идти к Сорокалету, и очень сочувствовали. Я пришел в мой уголок, где на стенах висели рисунки, схемы и две грамоты, которые я получил в этом году. Вообще-то грамот я не храню — не в грамотах дело.

Из моего уголка, от рабочего стола, видна дверь, которая ведет в коридор. Это маленький коридор к мастерской. Мастерская у нас двенадцать квадратных метров, но в ней умещается токарный станок и верстак. В тот день в мастерской никого не было.

2

Коридор был слабо освещен, одной лампочкой. Под лампочкой стоял стул. На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

И вдруг я испугался. Даже не знаю почему. Вообще-то я не очень трусливый, но очень уж странным мне показалось это совпадение. К тому же в коридор можно было пройти только через нашу комнату, а через нее за последний час никто не проходил.

Наконец незаметный человек справился с застежками, саквояж распахнулся. Внутри что-то блестело. Потом послышалось тихое жужжание, которое странным образом отразилось в моей голове. У каждого человека есть свой невыносимый звук. Я, например, не выношу, когда ладонью сметают крошки со скатерти, а Настасья буквально умирает, если кто-то скребет вилкой по тарелке. Так вот это жужжание было невыносимым.

Я боролся с желанием убежать, потому что надо было подойти к незаметному человеку и спросить, что он здесь делает.

Я даже поднялся из-за стола, но потом застыл.

Человек совершенно не обращал на меня внимания. Он что-то подкручивал в своем саквояже, и руки его, утопленные в пасти саквояжа, шевелились, будто он чистил там апельсин.

Наконец я решился. Я сделал шаг к двери и тут услышал голос Женьки Симона:

— Что вам здесь нужно? — Оказывается, Симон

тоже заметил этого человека, но так как раньше он его не встречал, то он не испугался.

— Одну минутку, — ответил человек, не отводя взгляда от саквояжа.

— В самом деле! — услышал я собственный голос. — Что вам тут нужно?

— Все, — сказал человек и захлопнул саквояж. — Я закончил, не беспокойтесь, все в порядке.

Он говорил как зубной врач, который уже поставил пломбу и обещает, что больше больно не будет.

Человек поднялся и пошел от нас к двери в мастерскую.

— А я все-таки спрашиваю, что вы здесь делаете? — вспылил Симон. — Туда нельзя!

Но человек уже открыл дверь в мастерскую.

Потом дверь закрылась. Мы были так удивлены, что потеряли, наверное, целую минуту, прежде чем побежали за ним.

Мастерская была пуста. Все там стояло на своих местах, но ни одной живой души.

Окно было открыто. Оно выходило во двор. Первый этаж, но довольно высокий.

Я выглянул в окно. Внизу какие-то малыши возились в песочнице.

— Ребята! — крикнул я. — Из нашего окна кто-нибудь прыгал?

— Куда прыгал? — спросил один из малышей.

— Вниз.

Но я уже понял, что от них никакого толку не добьешься.

Женька Симон возился за моей спиной.

— Ты чего? — спросил я, обернувшись.

— Проверяю, чего он похитил.

Разумеется, ничего тот человек не похитил. Он приходил за другим. Но в тот момент я еще не понимал, зачем он приходил.

Я бы глубже задумался о том, что же делал незаметный человек в нашем Доме пионеров, но в тот момент я очень спешил — Сорокалет, наверное, уже ждал меня.

Я поспешил к автобусу.

У меня было странное, какое-то опустошенное состояние. Вроде бы все в порядке, я еду к самому Сорокалету, сбывается моя мечта. Но почему-то мне было куда приятнее думать о том, что установилась хорошая погода и облака текут по небу, как льдины по реке весной, что скоро я поеду в Сызрань, к тетке, на каникулы, что Артем собирается жениться на Настасье, как только им исполнится по восемнадцать лет, а я не знаю,

хочу ли я, чтобы моя сестра выходила замуж, или нет. И вот от этих мыслей моя встреча с Сорокалетом уже не казалась мне такой важной, и даже приятнее было думать о том, как я буду рыбачить, чем…

Тут автобус остановился, и я оказался перед пятиэтажным скучным зданием института, в котором работал Сорокалет.

В вестибюле сидел за столиком вахтер, который сразу углядел меня среди прочих людей. Ни у кого этот вахтер не спрашивал пропуска, я даже думаю, что и не нужен пропуск в этот мирный институт, но на меня он сразу сделал стойку. Сейчас закричит: «Мальчик, ты куда?» И чтобы не подвергаться унижениям, я сам к нему подошел деловым шагом и сказал почти сурово:

— Мне к товарищу Сорокалету.

Вахтер, конечно, не ожидал такого тонкого хода с моей стороны и послушно принялся водить пальцем по списку телефонов, соображая, видно, кто такой Сорокалет, хотя ему следовало бы знать наизусть это великое имя. Потому что знаменитый изобретатель сделал бы честь любому институту…

Вахтер не успел мне ничего ответить, потому что мое внимание отвлек человек, спускавшийся

по лестнице. Он был склонен к полноте, сутулился, маленькие толстые очки сползли на кончик носа. Человек был невероятно печален, можно сказать, убит горем. Это был тот самый мужчина, которого я видел в подземном переходе, когда он преследовал незаметного человека с саквояжем.

Тогда, под землей, я был ни при чем и не вмешивался в чужие дела. Но тот, с саквояжем, побывал в нашем кружке, и теперь я имел полное право спросить плотного человека, что за тайна связана с черным саквояжем.

И в этот момент вахтер, завершив мыслительную работу, вдруг громко сказал:

— Сорокалета спрашивал? Павла Никитича? Так вот он идет собственной персоной.

И показал на плотного человека в маленьких толстых очках.

Вот это совпадение было выше моего понимания. Я буквально остолбенел.

Полагаю, что на моем месте вы бы тоже остолбенели.

Сорокалет прошел мимо меня, ничего не замечая, и вышел на улицу.

— Переживает, — сказал вахтер сочувственно. — Как не переживать, если на ученом совете, при всем народе, солидный человек, а прова-

лился.

Мне бы, конечно, спросить, почему такой великий человек, как Павел Никитич Сорокалет, гений изобретательства, мог провалиться на ученом совете, но вахтер перестал для меня существовать. Я уже несся за Сорокалетом.

Я догнал Сорокалета в сквере. Он остановился, как человек, не знающий, куда идти дальше, потом направился к скамеечке. Я глядел, как он постоял возле скамейки, потом почему-то нагнулся, смахнул с нее пыль, осторожно сел и уставился перед собой пустым взором. К такому человеку даже подходить неловко. Но я все же подошел. Ведь он сам назначил мне встречу.

— Павел Никитич, — сказал я, — моя фамилия Бабкин.



Сорокалет очень удивился.

— А почему Бабкин? — спросил он серьезно. — Рано еще.

— Что рано?

— Бабкин. Ты пока Деткин. Или даже Внучкин.

Если бы так пошутил кто-то другой, я бы возмутился и ушел. Но я знал, что у Сорокалета несчастье. И притом я даже догадывался, кто причина этого несчастья. Поэтому я ответил:

— Простите, Павел Никитич. Вы меня пригласили, чтобы поговорить о моих изобретениях. Но я понимаю, что вы находитесь в подавленном состоянии. Поэтому я могу уйти.

Я, конечно, никуда не ушел.

Мои слова не сразу дошли до Сорокалета.

— О чем говорить? — спросил он после паузы.

— О моих изобретениях. Я из Дома пионеров. Занимаюсь изобретениями в области практической экологии.

Я назвал свою фамилию. Она у меня редкая.

И тогда Сорокалет засмеялся.

— Я же говорил, что ты Деткин!

Я понял, что слишком волнуюсь. Перепутать собственную фамилию! Я даже забыл на минутку о человеке с саквояжем. Мне так не хотелось казаться растерянным ребенком.

— Я — изобретатель! — воскликнул я. — Уже третий год я отдаю все силы этому делу. Я не хочу хвастаться, но все говорят, что у меня есть талант. И он не зависит от того, Деткин я или Бабкин!

Нечаянно я раскричался, и люди, проходившие через садик, с удивлением смотрели на мальчика, который машет руками, подпрыгивает перед самим Сорокалетом.

— Прости, — сказал Сорокалет. — Я расстроен. Но если ты изобретатель, расскажи мне, что ты изобрел… Хотя я тебе ничем не смогу помочь.

— Как же так, — сказал я. — Я ждал встречи с вами давно. Моя мечта работать в вашем семинаре.

— Так что же об изобретениях?

— Я хотел познакомить вас с тремя из моих работ, — начал я. Этот текст был подготовлен мной заранее. — Первая моя работа касается очистки водоемов от загрязнения и построена на таком принципе…

И тут вдруг я понял, что не имею представления о том, на каком принципе строится моя работа.

Сорокалет ждал. Он смотрел мимо меня, вдаль, глаза его были задумчивы и печальны. А я в этот момент увидел птицу на ветке, может быть, воробья, я еще не занимался всерьез орнитологией,

и я стал смотреть на птицу и ждать, когда она улетит. А птица не улетала. И больше ни одной мысли в голове не было.

— Ну что же? — спросил Сорокалет. Я не знаю, сколько он ждал.

— Я забыл, — признался я.

— Забыл, расскажи о втором изобретении.

Это была великолепная мысль. Конечно же, мне надо было догадаться самому. Я с облегчением вздохнул и сказал:

— Второе мое изобретение…

Птица, как назло, не улетала с ветки. Ну что, привязали ее, что ли? Я не сомневался в том, что я что-то изобрел. Наверняка изобрел, но в том месте мозга, где должно было лежать изобретение, была громадная гулкая пустота. И неожиданно для себя самого я спросил:

— А этот человек, который с черным саквояжем, он что у вас отнял?

Я спросил это, потому что хотел отвлечь Сорокалета от моих несчастных изобретений, которых на самом деле не было.

Сорокалет сразу ожил.

Он даже вскочил со скамейки. Словно его включили в сеть.

— Ты что об этом знаешь? Говори!

— Я видел вас днем. Вы шли за ним и о чем-то просили.

— Поздно, — сказал Сорокалет. — Я его упустил. Я думал, что ты еще что-нибудь знаешь… Впрочем, откуда тебе знать?

— Я его видел потом, — сказал я. — Он приходил к нам в Дом пионеров. Сидел…

— И что делал? Что он еще делал?

— Сидел и ничего не делал. Открыл свой саквояж, копался в нем, а потом, когда мы его спросили, что он делает, повернулся и ушел. Через мастерскую, через окно.

— Открывал? А близко он был от тебя?

— Ну как вы.

— Стой, Деткин, повтори: ты зачем хотел меня видеть?

— Моя фамилия Бабкин, — сказал я. — Мне сказали, что вы можете со мной поговорить, потому что мои изобретения представляют интерес для науки.

— И ты можешь мне изложить суть изобретений?

— Я же говорил… — И тут меня снова застопорило. И я стал глядеть на птицу.

Сорокалет очень мною заинтересовался. Он приблизил свои очки ко мне, наклонился и пони-

зил голос, задавая следующий вопрос:

— А сегодня утром, даже днем, ты знал, что изобрел?

— Я и сейчас знаю… нет, не знаю.

И вдруг я понял, что в самом деле забыл, полностью. Начисто забыл, что же изобрел.

— Я забыл? Этого не может быть!

Я боялся, что Сорокалет сейчас рассмеется, в самом деле можно рассмеяться — приходит к тебе мальчик, фактически ребенок, который говорит, что хочет заниматься в твоем семинаре, а ничего не знает. И изобретений у него никаких нет.

Сорокалет не смеялся. Он смотрел на меня серьезно, с сочувствием, но мне все равно хотелось ему доказать, оправдаться.

— Если вы не верите, — сказал я, — то можно позвонить к нам в кружок. Там вам любой скажет, что я получил премию. Про меня заметка была в «Юном технике»…

— Я тебе верю, — сказал он. — Больше того, я верю, что у тебя были очень хорошие изобретения, настолько хорошие, что их надо было украсть.

— Кому надо было украсть?

— Тому человеку, с черным саквояжем.

— Как можно украсть? Я же их не патентовал. Я только думал о них.

— Я тоже думал, — сказал Сорокалет. — И когда это случилось, я не сразу сообразил. Но потом все же додумался. Правда, какие-то сомнения у меня оставались до сих пор. И ты их рассеял. Теперь все ясно — надо действовать.

— Пал Никитич! — взмолился я. — Расскажите мне, пожалуйста, в чем дело. Я же ничего не понимаю.

— Садись. — Он сел на скамейку, и я понял, насколько он изменился за последние минуты. Глазки за толстыми стеклами очков буквально пылали, щеки покраснели, и уголки губ приподнялись, отчего его лицо потеряло обиженное и растерянное выражение. Стало обыкновенным и добрым, и даже очень приятным лицом.

Я послушно сел рядом с ним.

— Это случилось сегодня днем, — сказал Сорокалет. — Я как раз собирался обедать, когда он пришел. Он сказал, что должен мне передать привет от моего знакомого, но никакого знакомого в городе Брянске у меня нет. В общем, ему было все равно, верю я ему или нет. Ему нужно было потянуть время. Он сел, раскрыл свой саквояж и сделал вид, что ищет письмо. А я как-то не обратил на него должного внимания. Я собирался обедать, а он мне очень мешал. Я сказал ему, что,

пока он будет искать письмо, я буду собираться. И он был рад. Он возился в своем саквояже. Потом закрыл его и сказал, что письмо он забыл в гостинице. Мы вышли с ним вместе, он молчал. Он мне показался странным. Ты знаешь, что такое интуиция?

— Знаю, — сказал я.

— Так вот, интуитивно я ощутил в нем что-то чужое. Словно рядом со мной идет не человек, а какой-то… какое-то существо. И, может быть, я бы ничего не понял, если бы вдруг, еще на лестнице, не решил мысленно повторить ход моих аргументов. Мне сегодня надо было выступать на ученом совете и защищать одну идею… впрочем, я тебе не смогу сказать, какую идею, потому что ее не помню. Я спускался по лестнице, почти не замечая этого человека, и старался восстановить ход моих аргументов. И тут я понял, что не имею никакого представления о моем собственном изобретении. Я очень удивился и, чтобы проверить, нет ли у меня провала в памяти, переключился на другую мою идею, о которой думал ночью. И оказалось, что и этой идеи во мне нет. Я не знаю, что меня заставило поглядеть на этого человека с саквояжем. Он к тому времени обогнал меня и уже выходил на улицу. У меня не было никаких доказательств,

что он имеет отношение к моей забывчивости. Я только поглядел ему вслед. И вдруг он обернулся и улыбнулся мне. Как улыбаются механические куклы. И похлопал ладонью в черной перчатке по саквояжу. И тогда меня озарило: мои мысли в этом саквояже. Я ему крикнул: «Постойте!» Он прибавил шагу. Я побежал за ним. Я уже не сомневался, что меня обокрали. Если бы я остановился и задумался, я бы понял, что такого быть не может. Нельзя украсть у человека мысли, причем не все, а только некоторые мысли. До этого земная наука не дошла, это я гарантирую. Но я об этом не думал. Я бежал за ним, я просил его вернуть мне мысли, я умолял, я грозил… А он только улыбался.

— Тогда я вас и увидел, — сказал я.

— Вот именно. В подземном переходе? Не помню, может, это было и в подземном переходе. А потом он исчез… сбежал. А я решил, что мне все это померещилось. Я начал рассуждать. Я уговорил себя, что такого не может быть. Я провел целый час над моими записками, и оказалось, что я ничего не понимаю в чертежах. Как будто они написаны каким-то другим человеком. Я торжественно провалился на ученом совете. Я стоял как столб. От моего выступления зависела

судьба не только моего изобретения, но и многих людей, которые должны были его воплощать в жизнь и пользоваться его плодами. Я сказался больным… Бедный мальчик!

Последние его слова относились ко мне.

Но я не был так расстроен, как должен был быть расстроен.

Сейчас объясню почему.

Еще несколько минут назад я был совершенно одинок в этом мире. Ограбленный, ничтожный человек. Никто меня не мог бы понять. В лучшем случае бы отмахнулись от моих жалоб, в худшем — отвезли бы в сумасшедший дом. Особенно если бы я стал рассказывать о человеке с саквояжем.

И вдруг оказывается, что я не один. Что у меня есть союзник. Да еще какой! И не только он мне нужен, но и я ему необходим. И мы должны вдвоем разрешить неразрешимую загадку.

— А может, он шпион? — спросил я.

— Не похоже, — серьезно ответил Сорокалет. — То, что он делает, у нас еще никто делать не умеет. И ни к чему. Наши с тобой изобретения не представляют никакого секрета. Через несколько месяцев или лет о них можно будет прочитать в любом журнале или увидеть их на практике. У меня другая версия…

— Инопланетяне! — сказал я. — Летающая тарелочка.

— Упрощенно говоря, так.

— А я еще вчера с ребятами спорил, — сказал я. — Потому что я противник летающих тарелочек. Я думаю, что это миф двадцатого века.

— Для меня это сейчас не миф, а рабочая гипотеза, — сказал Сорокалет. — Я основываю ее на том, что если нигде на Земле люди не могут красть мысли, то, значит, это делают люди, которые живут не на Земле.

— Тогда пошли, — сказал я.

— Куда?

— В милицию. Поднимем милицию на ноги. Опасный пришелец в Москве! Ворует мысли.

— И знаешь, что они тебе ответят, Бабкин?

Я немного подумал и, как здравомыслящий человек, вынужден был признать:

— Они вызовут врача. Но если я буду не один…

— Тогда они вызовут двух врачей.

Я задумался. Сорокалет был прав. Я бы на месте милиции не поверил бы и десяти свидетелям, если они говорят, что у них украли мысли. Может, мыслей и не было? Я даже попытался еще раз вспомнить, что же такое я изобрел. Оказалось, ничего не изобрел. Птичка наконец улетела.

— Выход один, — сказал Сорокалет. — Найти его и упросить…

— Упросить — из этого ничего не получится, — сказал я. — С ворами так не разговаривают. Он у нас украл. Мы у него — отнимем!

— Что ты! — Сорокалет смутился. — Это же опасно.

— А вы подумали, что он сейчас ходит по Москве и продолжает свое черное дело? Каждая минута опасна. Если так будет продолжаться, то через неделю мы все останемся без мыслей. А вдруг он не один?

— Но как мы отнимем?

— Еще не знаю. — Я понял, что практически я куда лучше приспособлен к жизни, чем великий изобретатель Сорокалет. Он, наверное, и не дрался никогда.

— Сначала его надо отыскать. А потом будем действовать.

Сорокалет печально вздохнул.

— Ты представляешь себе масштабы Москвы? И один человек… всего один. Ничем не выделяется.

— Ничего подобного. Выделяется, — сказал я. — У него черный саквояж. Давайте рассуждать.

— О чем?

— Мы же с вами изобретатели. Мыслители.

— Бывшие.

— Отнимем саквояж, отнимем и мысли. Чудес не бывает. Этот пришелец — вполне реальный. И он не каждую мысль тянет, а только ту, что ему нужна.

— Почему ты так думаешь?

— А скажите, кто-нибудь еще из ваших коллег жаловался?

— Нет, никто… насколько я знаю.

— А я сейчас проверю. У вас двушка есть?

Сорокалет смотрел на меня с уважением. Нет, он не организатор, он только мыслитель.

Я взял у него двушку, и мы пошли звонить. Мы позвонили к нам в Дом пионеров. К телефону подошел Женька Симон.

— Симон, — спросил я. — С тобой ничего не случилось?

— В каком смысле?

— Как твой вечный двигатель работает, ты помнишь?

— Конечно, — сказал Симон. — Мы делаем бесконечную цепь и в ее звенья вставляем полушария, наполненные водой…

— Хватит, — сказал я и повесил трубку.

Потом я обернулся к Сорокалету, который переминался с ноги на ногу, и сказал:

— Моя версия была правильной. Им нужны не все мысли.

— Да, разумеется, — сразу согласился Сорокалет. А я подумал, как мне его жалко. Вот мне куда легче. Пройдет какое-то время, даже если мы и не поймаем этого похитителя, и я снова что-нибудь изобрету. Ведь у меня вся жизнь впереди. А ему трудно. Он уже пожилой, ему под сорок. У него положение, ученики, семинар, на него люди смотрят, а он им ничего ответить не сможет. Нет, решил я, так я этого не оставлю. Расшибусь, а верну доброе имя и великие мысли знаменитому изобретателю.

— Поехали ко мне домой, — сказал я.

— К тебе? Зачем? Я лучше к себе пойду.

— Мы возьмем Руслана. Он нам поможет.

— А кто такой Руслан?

— Мой лучший друг.

3

Сорокалет отказался подняться ко мне. Я не возражал. У меня, как всегда, беспорядок, который создаю не только я, но и Настасья. Моя старшая сестра так глубоко влюблена, что забыла, как моют посуду и подметают пол. Приходится мне

самому, чтобы не было лишних семейных сцен, брать на себя ее обязанности.

Руслан обрадовался мне, соскучился. Мы все в доме очень заняты. Мать на работе, Настасья любовью, а я изобретательством, и ему достается мало ласки. Раньше, когда Руслан был щенком, я его обучал, надеялся, что он научится считать и, может, немного говорить, но все это окончилось неудачей, и потому я занялся другими проблемами.

— Руслан, — сказал я, — ты уже большой и умный пес. Твои сопородники плавают у берегов Ньюфаундленда и спасают рыбаков. Ты же зазря жуешь кости. Теперь от тебя зависит судьба человечества.

Руслан склонил большую черную печальную голову, обидевшись на мой упрек. Но перспектива помочь человечеству его утешила, и он побежал к двери.

Сорокалет маялся у подъезда и при виде Руслана отпрянул, чуть не упал.

— Не бойтесь! — сказал я. — Руслан не кусается.

Сама мысль о том, что можно кусать другое живое существо, была для Руслана настолько же отвратительна, как для меня. Руслан даже ахнул.

— Руслан, — объяснил я, — это товарищ Сорокалет. Он знаменитый изобретатель. Его ограбили. Кстати, и меня тоже. Ограбил нас один человек, который прилетел с отдаленной звезды. Зачем ему это нужно, мы еще не знаем, но он крадет выдающиеся мысли.

— А-ф, — негромко ответил Руслан. Этот сдержанный звук означает, что Руслан в целом проблему осознал.

— У нас, возможно, есть след этого негодяя, — сказал я.

Сорокалет смотрел на меня как на сумасшедшего, потому что раньше он, наверное, не встречал такого понимания между человеком и собакой. А Руслан, он ведь большой хитрец, так смотрел на него, будто умеет говорить и мыслить.

Я отвел Руслана к Дому пионеров, но заходить внутрь не стал, а прошел прямо во двор, под окно, из которого выбрался человек с саквояжем. Окно было на первом этаже, но этаж высокий, я доставал до подоконника, только встав на цыпочки. Руслан, хоть и умный пес, долго не понимал, что ему надо встать на задние лапы. А Сорокалет, хоть за последние минуты и привык к Руслану, помочь ему боялся. С громадным трудом я заставил все же Руслана поднять к подоконнику свою

тяжелую морду, и тут же Руслан от подоконника отпрыгнул и начал обнюхивать землю. Он учуял что-то очень для него неприятное.

В тот же момент из окна высунулся Женька Симон, которого привлек шум, поднятый нами.

— Вы что? — спросил он.

Но я не смотрел на Симона, только отмахнулся. Шерсть на загривке моего пса поднялась дыбом, верхняя губа изогнулась, открыв клыки. Таким злым я Руслана давно не видел.

— Старик, — сказал я ему, — не волнуйся. Возьми себя в лапы. Нам нужно его найти.

Руслан и смотреть на следы не хотел. Как будто они были смазаны нашатырем. Мне пришлось его уламывать как маленького, а это было нелегко, потому что Женька Симон вылез из окна и вмешался в разговор, ничего не понимая, Сорокалет, который вдруг поверил в способности Руслана, тоже начал уговаривать пса, а ребятишки, которые играли во дворе, прибежали и шумели вокруг.

Наконец Руслан сделал мне одолжение и, не скрывая отвращения, пошел по следу. Я не сомневался, что он правильно взял след, потому что он никогда бы не стал кривляться, если бы это был обыкновенный след. Он шел к проходу в соседний

двор, и это было хорошо, потому что на улице следы исчезают под ногами других людей, и тут даже Руслановых способностей не хватило бы.

У прохода в соседний двор я придержал Руслана и твердо сказал всем любопытным, включая Женьку Симона, чтобы они исчезли. Эти уговоры заняли еще минут пять. Но в конце концов мы остались втроем.

Мы пересекли двор, и следы привели нас к небольшой двери в желтом старом доме. Дом был велик, и я никак не мог сообразить, что это такое. Дверь была приоткрыта, и мы вошли в нее. За ней был полутемный коридор. Руслан заволновался, и я понял почему: в коридоре царили различные съестные запахи. Даже мне они напомнили о том, что я забыл пообедать, а представьте себе положение голодного Руслана с его чувствительным нюхательным аппаратом. Но мы преодолели эти соблазны и пошли дальше.

Руслан потянул меня вверх по небольшой лестнице, освещенной маленькой лампочкой без абажура. В этот момент с дальнего конца коридора показался человек в голубом халате, который нес, прижав к животу, ящик с редиской.

— Эй! — крикнул он. — Вы что здесь делаете? Сюда нельзя.

— Скорей, — шепнул я Сорокалету, который хотел было начать объяснения с тем человеком. Я надеялся, что ящик помешает ему преследовать нас.

И в самом деле, обернувшись с лестницы, я услышал, как шаги преследователя остановились. Сейчас он думает, понял я, поставить ящик или забыть о нас.

Дальше я не слушал. Руслан, рыча, как отдаленный гром, тащил меня вверх. Потом мы промчались каким-то коридором, проскочили еще один пролет лестницы. Я всей спиной ощущал тяжелое дыхание Сорокалета, который не привык бегать по лестницам. Затем была еще одна дверь, которая, распахнувшись, вывела нас в куда более широкий и хорошо освещенный коридор, с ковровой дорожкой на полу. По обе стороны шли одинаковые двери с номерами на них. А в дальнем конце коридора, удивленно подняв голову, сидела за небольшим столом полная женщина.

Именно к ней нас и волок неудержимый Руслан.

Женщина грозно поднялась нам навстречу.

— Что-то будет, — сказал я.

Женщина, судя по ее виду, ничего и никогда не

боялась, так что перед Русланом она не отступит.

Но я не мог ничего поделать. Ни остановить Руслана, ни остановить женщину.

И только буквально натолкнувшись на нее, Руслан затормозил.

— Так, — сказала женщина. — Значит, бегаем?

— Простите, — сказал я. — Мы только на минутку. Нам надо найти одного человека. Мы найдем и уйдем.

— Проживание с животными, — сказала женщина, — строго запрещается.

— Но мы не проживаем. Мы не собираемся проживать, — сказал я и обернулся к Сорокалету за поддержкой. Хотя уже понимал, что в житейских ситуациях Сорокалет — плохая опора.

— Мы сейчас, — завякал мой великий коллега. — Мы только одну минутку, мы не знали.

Прозвучали эти слова так неубедительно, что я бы на месте той женщины решил, что мы собираемся украсть у нее шариковую ручку. Даже мой неустрашимый Руслан оробел. Он мог бы встретить грудью пятерых бандитов, но, когда женщины разговаривали с ним таким тоном, моему псу хотелось поджать хвост и уйти под диван.

— И вообще, — голос женщины катался по ко-

ридору, как паровоз, — как вы сюда проникли?

— Снизу, — сказал я покорно. — Через кухню.

Я первым из всех догадался, что мы попали в гостиницу «Мечта» через задний ход. Я часто проходил мимо этой гостиницы, но как-то не задумывался, что сзади она выходит прямо к нашему Дому пионеров.

— Если вы сейчас же не покинете помещение, — сказала женщина…

Но завершить свою фразу она не успела, потому что Руслан нас всех перехитрил. Оказывается, он только притворялся, что перепугался. В самом деле он вертел носом и обдумывал следующий ход. Неожиданно он рванул так, что я выпустил поводок, на полусогнутых лапах проскользнул мимо дежурной и подбежал к двери номер 26. Перед дверью он сделал стойку и два раза гавкнул так, что даже женщина оробела.



— Вот видите, — сказал я, воспользовавшись паузой. — Собака служебная, знает, кого искать. Вы мне лучше ответьте, куда делся тот подозрительный гражданин с черным саквояжем?

Я понимаю, что ростом я не вышел и голос у меня тонкий, но ситуация была такая необычная, что дежурная тоже растерялась. Представьте себе — прибегают два странных человека с громадным водолазом, и громадный водолаз делает стойку именно у того номера, где живет человек с саквояжем.

— Вы имеете в виду Григорянца? — спросила женщина.

— Именно его, — ответил я.

— Так он выписался.

— Давно? — У меня как оборвалось все. Неужели после такого замечательного подвига Руслана мы окажемся ни с чем?

— Да только что. Вы его, наверное, внизу догоните. Только попрошу мне сначала показать документы. По какому такому праву вы меня спрашиваете?

Дежурная опомнилась, и, если продолжать с ней разговор, она, конечно, снова перейдет в наступление. Так что планомерное отступление было единственным выходом.

Теперь у нас было еще одно звено в цепочке тайн — имя, под которым владелец саквояжа находился в Москве.

Но имя само по себе мало что значило. Если человек умеет воровать мысли, то уж, наверное, он умеет и подделать паспорт.

Мы сбежали вниз, в холл гостиницы. Там дремали в креслах командированные в ожидании места. Они поглядели на нас с любопытством. Но куда больше удивился швейцар в синем мундире.

— Как так? — спросил он. — Вы же не входили.

— Неважно, — сказал Сорокалет, который постепенно осмелел. — Мы здесь по делу.

— Скажите, пожалуйста, — сказал я, удерживая Руслана, который вновь взял след и тянул меня к двери. — Такой незаметный человек с черным саквояжем не выходил только что? Он у вас прописан под кличкой Григорянц.

— Григорянц? — Наше появление было таким неожиданным, что швейцар не стал выяснять, как мы сюда попали. Он послушно начал перебирать пропуска, которые выдают тем, кто уезжает из гостиницы, чтобы они не захватили с собой случайно полотенце или ночной столик. Бумажка с фамилией Григорянц была с самого верха.

— Только что покинул, — сказал швейцар.

— Куда он пошел?

— Да только что, — сказал швейцар. — Еще такси не успел поймать.

Руслан тянул меня изо всех сил, и я не успел дослушать швейцара до конца, как оказался на улице.

И увидел, как к тротуару подъехала зеленая «Волга» и незаметный человек с черным саквояжем сделал шаг к ней, потому что машина приехала за ним.

— Стойте! — крикнул Сорокалет, узнавший грабителя. — Никуда вы не уедете!



Как только он увидел похитителя, он сразу изменился. Куда-то делись его робость и неуклюжесть. Он даже обогнал Руслана и первым настиг владельца саквояжа.

Тот резким движением спрятал саквояж за спину и совершенно неожиданно для меня завопил:

— Милиция!

Вы можете вообразить любую сцену, но чтобы пришелец, похититель мыслей, звал на помощь милицию — это выше понимания. Можно было бы рассмеяться, но никому смеяться не хотелось. Меньше всех — мне, потому что я увидел то, что другие не заметили: шофер машины, чем-то очень похожий на похитителя мыслей, поднял руку, и в руке его было черное. Блестящее. Это был пистолет.

Честно говоря, я только потом сообразил, что это пистолет. Но я вцепился в поводок Руслана и закричал Сорокалету:

— Обратно! Ложись!

Но, конечно, Сорокалет меня не понял. Он настиг похитителя в тот момент, когда похититель вваливался спиной в открывшуюся дверь машины. Но тогда же к машине прибежал и милиционер.

Не знаю, откуда он прибежал. Это был молодой,

серьезный милиционер, но я ему не обрадовался. Мне почему-то показалось, что милиционер из их компании, тоже перевертыш.

Милиционер профессионально оценил обстановку. Он сразу сказал мне:

— Убрать собаку!

А сам уже подхватил за плечи Сорокалета и оттащил его от машины.

— Что происходит?

Я сразу ответил:

— У него пистолет, — и показал на шофера.

Милиционер не то чтобы вздрогнул, но насторожился, подобрался как перед прыжком. Все его внимание переключилось на шофера.

А тот спокойно открыл дверь машины с правой стороны — он сидел у самой двери, как бы скользнул в нашу сторону от руля, — и, вылезая, протянул милиционеру пистолет рукояткой вперед. А другой рукой полез к себе во внутренний карман.

Милиционер сразу успокоился. Ясно было, что это не преступники. Зачем преступникам так быстро и спокойно отдавать пистолет?

Сорокалет смотрел на пистолет с удивлением мальчишки.

Милиционер взял пистолет и протянул другую

руку вперед. Шофер вложил в нее удостоверение. И вся эта сцена была такой спокойной, даже солидной, что меня вдруг посетила странная мысль: а вдруг мне только показалось, что у меня украли изобретение? И в самом деле всю эту дикую историю придумал Сорокалет? Вдруг он не очень нормальный?

Пока милиционер читал удостоверение, кося глазом на машину, второй человек, тот самый, с саквояжем, тоже достал удостоверение и тянул его, не вылезая из машины.

Милиционер заметил его движение и взял удостоверение той рукой, в которой был пистолет. Я понял, что в удостоверении написано что-то такое, что успокоило милиционера.

И эту тайну разрешил похититель, который неожиданно тонким и даже дрожащим, как от обиды, голосом сказал:

— Работать не дают. Инкассаторы мы, выручку принимаем. А тут хулиганы. Может, грабители. Вот, посмотрите.

Похититель щелкнул замками саквояжа, и тот приоткрылся. И я увидел, что в нем аккуратными пачками лежат деньги. Похититель тут же захлопнул саквояж. Милиционер кивнул, возвратил ему удостоверение, отдал честь, потом

вернул второму удостоверение и пистолет.

— Ясно, — сказал. — Продолжайте работать. А этими товарищами мы займемся.

Эти товарищи — это мы с Сорокалетом, понял я. И наше дело плохо. Мы не только родных мыслей лишились, но сейчас нас арестуют за нападение на инкассаторов.

Надо было взять себя в руки и быстро думать. И при этом держать как следует Руслана, который просто с ума сходил от негодования — так ему не нравился похититель мыслей.

Только бы мне все не испортил Сорокалет, который не умеет решать житейские проблемы.

Милиционер смотрел уже на меня. В глазах у него отражалась моя печальная судьба.

Я кинул взгляд по сторонам. Сорокалета нигде не было.

Вы не представляете, какое счастье охватило меня. Сорокалет висел на мне мертвым грузом. А если он догадался в суматохе скрыться, считайте, я спасен, уж с милиционером я справлюсь.

— Этот где? — спросил милиционер. — Сообщник где?

— Ну мы поехали, — сказал весело шофер. — Вы уж разбирайтесь, сержант.

— Поезжайте, — сказал милиционер. Сейчас

его интересовали только преступники. — Куда второй делся?

К счастью, дело клонилось к вечеру, улица эта не самая людная, да и борьба с похитителями мыслей заняла слишком мало времени, чтобы успела собраться толпа. Так что немногочисленные прохожие, задержавшиеся неподалеку, ничем помочь милиционеру не смогли — и понятно, — они все смотрели на машину, а не на Сорокалета.

— Дяденька! — завопил я жалобно. — Я-то при чем?

— Это мы не здесь будем разбирать. — Милиционер оглядывал улицу, соображая, куда мог деться Сорокалет.

— Дяденька! — Это слово «дяденька» употребляют беспризорники в кинофильмах, и я полагал, что оно — самое жалкое из возможных обращений к официальному лицу при исполнении обязанностей. Я даже постарался стать меньше ростом, подогнул колени и сгорбил плечи. — Я же с собачкой гулял, а они как побегут! А Руслан испугался, вырывался, а он служебный, он не понял. Он думал, что преступники, а может, думал, что играют… я здесь живу, я с собакой погулять пошел…

Ныл я так жалобно и вид у меня был такой инфантильный, что в сердце милиционера начали зарождаться сомнения. Но все же он должен был принимать меры, а я был единственным возможным объектом этих мер.

И тут мне сказочно повезло. Неподалеку возникла Анна Дмитриевна, наша соседка по этажу. Она меня не очень любила, потому что боялась, что в своей изобретательской деятельности я обязательно спалю весь дом и ее драгоценную рухлядь в первую очередь.

— Коля! — воскликнула она трагическим голосом. — Что ты еще наделал? Вы с Русланом кого-то искусали?

Руслан даже ахнул от негодования.

Появление Анны Дмитриевны было счастливым выходом и для милиционера.

— Вы знаете этого мальчика? — спросил он.

— Этот мальчик сведет меня с ума, — заявила Анна Дмитриевна. — Сплошные опыты. Сплошные взрывы. Я совершенно не представляю, чему их учат в школе! Хорошая семья, все работают, учатся, но никакой организованности. А что случилось?

Милиционер не стал рассказывать ей, что случилось. Я думаю, к этому времени он и сам уже не

очень представлял, что случилось. Но в присутствии Анны Дмитриевны он записал мои данные, адрес и телефон. А затем отпустил, сказав строго, что за собакой надо следить и вообще для прогулок с собаками есть специально отведенные постановлением Мосгорисполкома места.

Я был со всем согласен и даже согласился пойти домой вместе с Анной Дмитриевной, чтобы милиционер видел, какой послушный и тихий мальчик ему попался.

Так что домой мы возвратились без приключений.

4

Дома мной овладели тревожные мысли. Если тот человек был в самом деле инкассатором, то что он делал в нашем Доме пионеров? Это не банк. К тому же разве инкассаторы выходят через окно? Нет, наша версия остается верной. Инкассатору ни к чему жить в гостинице под фамилией Григорянц. И уж если я мог ошибиться, то Руслан никогда бы не ошибся.

— Русланчик, — спросил я, — тот человек с саквояжем, он обыкновенный инкассатор?

Руслан ответил таким рыком, что любой лев бы

ему позавидовал.

Нет, он тоже не верил.

И запах у него был неземной. Я уж отлично знаю, как Руслан идет по следу. Бывает, ему след нравится, бывает — неприятен. Но чтобы след вызвал у него такое отвращение, этого еще никогда не было.

Размышляя так, я прошел на кухню, накормил Руслана, сам поел.

Я был в полном тупике. Сорокалет пропал, похититель пропал. К тому же он оказался не один. А сколько их всего? Может, Земле угрожает страшная опасность? Может быть, скоро у всех нас украдут мысли и будем мы ходить как идиоты? Может, пойти в Академию наук? И искать там человека, который согласится меня выслушать? Какой бы дикой ни казалась моя версия, возможно, мой случай не первый? Не исключено, что по Москве ходят и другие ограбленные люди.

Матери дома не было, она в вечернюю смену. Настасья, судя по всему, забегала и потом убежала куда-нибудь с Артемом. Может, в кино, может, просто совершать бесконечные переходы по набережным.

И тут зазвонил телефон. Вообще-то ничего удивительного. И у меня, и у других членов нашей

семьи есть немало знакомых. Но в вечерней тишине звон его показался мне зловещим. Я даже не сразу взял трубку.

— Я слушаю.

— Коля? — Голос показался мне незнакомым. И понятно — я ведь раньше никогда не говорил с Сорокалетом по телефону.

— Я вас слушаю.

— Неужели не узнаешь? Это я, Павел Никитич Сорокалет! Я их нашел!

Почему-то я задал самый не подходящий к случаю вопрос:

— А откуда вы телефон мой узнали?

— В справочной, — совсем не удивился Сорокалет. — К счастью, ты назвал мне фамилию, а она очень редкая.

— А вы где?

— У парка культуры. ЦПКО. У входа.

— А они где?

— Они в парке.

— А как же вы догадались? — Видно, в моем голосе прозвучало недоверие к способностям Сорокалета.

— Если бы я остался ждать, чем все закончится, я бы уже сидел в тюрьме за нападение на инкассаторов. Я рассудил, что ты что-нибудь

придумаешь.

— Я его уговорил.

— А я побежал за такси. И успел. Выезжай. Нам надо его ловить.

— Без пистолета трудно.

— Нет у них пистолета.

— Почему?

— Жду у центрального входа.

И Сорокалет повесил трубку.

Он был прав. Ответить на все мои вопросы — на это и часа не хватит. А надо было действовать.

Я задумался на минуту — брать ли Руслана. Потом решил, что надо брать. Без него мы их следы наверняка потеряем.

— Пошли, Руслан. Нам предстоят великие дела.



Руслан отвернулся.

— Ты что, струсил?

Руслан вздохнул. Если бы он умел говорить, он, наверное, бы мне все высказал. Бывают ситуации, неприятные для любой собаки. Тем более для такой чувствительной, как Руслан.

— Руслан, — сказал я тогда. — Я все понимаю. Но дело важное. Если ты мне друг, то ты пойдешь.

Руслан лег на пол и сделал вид, что меня не слышит.

— Ну что ж, — сказал я. — Прощай, мой бывший друг. Не знаю уж, как они там вооружены и сколько их. Но боюсь, что живым я не вернусь.

И с этими печальными словами я пошел к двери. Не оборачиваясь.

И тут черная молния пронеслась к двери и легла поперек. Руслан только производит впечатление медленного животного. Когда нужно, он движется быстрее тигра.

— Нет, — сказал я Руслану. — Спасибо тебе за заботу о моей жизни, но она не нужна. Я не могу покинуть в беде другого человека, тем более когда от наших поступков, может, зависит будущее Земли. Оставайся. Кто решил ползать, летать не сможет.

Я перешагнул через пса и вышел на лестницу.

Пес поднялся и исчез внутри квартиры.

Признаюсь, это было для меня разочарованием. Я не ожидал предательства со стороны Руслана. Я протянул руку, чтобы захлопнуть дверь, но в этот момент увидел, что по коридору бежит, возвращается Руслан. Все объяснилось просто — он увидел, что я забыл взять поводок и ошейник. И принес их мне.

— Спасибо, — сказал я ему, и мы поспешили на улицу.

К счастью, у меня было два рубля, и мы доехали до парка на такси.

5

Сорокалета я увидел издали у высоких колонн входа. При виде нас он снял очки, протер их, надел снова, словно и не надеялся нас увидеть.

Уже начинало темнеть. Тени исчезли, солнце село, по небу бежали серые и сизые облака, дул ветер. Хотелось домой. И не только мне.

— Ну где же ты был! — с укором, почти материнским, воскликнул Сорокалет. — Я уж отчаялся.

— Мы даже на такси ехали, — сказал я. — Где они?

— Хорошо, что ты Руслана взял. Без него нам

было бы трудно.

Эти слова Руслану понравились, и он ткнулся тяжелой мордой в бедро Сорокалету, отчего тот покачнулся, но удержался на ногах и даже осмелился положить ладонь на затылок Руслану.

— Может, они просто прошли парком и вышли повыше?

— Все может быть. Но думаю, что они остались в парке и здесь у них рандеву.

— Какое рандеву?

— Встреча. Может, с их кораблем, может, с другими.

— Почему вы так думаете?

— Они оставили здесь машину. И все лишнее. И скорее всего не собираются возвращаться.

Он показал на зеленую «Волгу», стоявшую у обочины.

Я подбежал к ней. Заглянул внутрь. И понял, почему он сказал, что пистолета у них нет. Пистолет лежал на сиденье. Там же плащ похитителя, какие-то пакеты… Руслан зарычал. Их запах был для него невыносим.

— Может, они должны сделать что-то в парке и потом вернуться?

— Не думаю. Я не могу сказать точно, почему я уверен, что они не вернутся сюда. Но я это почув-

ствовал по тому, как они уходили. И если бы им надо было пройти в другое место — удобнее на машине. Ведь никто за ними не следил.

— След, — сказал я Руслану.

Чего уж терять время на разговоры.

Руслан тянул меня вперед, но я не спускал его с поводка, потому что боялся, что он увлечется и убежит вперед. А у них, может быть, не только пистолет, а есть какое-нибудь космическое оружие. Лазерный бластер, например.

Мы пробежали сквозь всю обжитую часть парка, мимо аттракционов, мимо библиотеки и эстрады, мимо пруда, мимо летнего театра. Даже я запыхался. О Сорокалете и говорить не приходится.

Редкие посетители парка глядели на нас с опаской и отходили в сторону. Наверное, казалось им, что мы гонимся за диким кабаном.

Наконец культурная часть парка кончилась, и началось то место, где положено отдыхать.

Мы бежали в гору. Нам уже никто не встречался. Сумерки набирали силу, и все вокруг синело, серело и теряло краски.

И тут я увидел впереди фигуру. В голубом платье. Фигура стояла очень странно — уткнувшись лицом в ствол старого дуба. Плечи ее тряслись.

Мы бежали как раз к ней, а казалось, будто это она к нам приближается, как в кино, когда камера наезжает на героиню.

Фигура мне была очень знакома, и в этом была неправильность. Почему мне должна быть знакома фигура в Нескучном саду, в холодную вечернюю погоду, когда вот-вот пойдет дождь?

Фигура была так занята своими переживаниями, что не обратила на нас никакого внимания. Зато обратил на нее внимание Руслан. Он вдруг остановился так резко, будто налетел на стенку, и я чуть было не кувырнулся через него.

Хвост Руслана поднялся и совершил два неуверенных взмаха, как флажок в руке сигнальщика.

И потом он взвизгнул, словно перед ним поставили блюдо с костями, и бросился к фигурке в голубом платье со всех ног, забыв о следах и своем долге перед человечеством. Но уже в следующую минуту я его понял.

Уткнувшись носом в дерево и рыдая, стояла моя собственная старшая сестра Настасья.

Только Сорокалет ничего не понял, а крикнул мне сзади:

— Это не он!

Я отлично знал, что это не он, но очень испугался за Артема.

При их безумной любви Настасья без Артема никуда ни шагу. И если Артема нет, а Настасья рыдает, значит, случилось что-то ужасное. Вернее всего, на них напали хулиганы и убили Артема.

Поэтому я и закричал:

— Что с Артемом?

Настасья сначала узнала Руслана, потому что он встал на задние лапы и старался лизнуть ее в щеку, а только потом уже поняла, что по другую сторону поводка стою я.

— Вы чего? — спросила она, размазывая слезы. И мне показалось, что она очень рада нас видеть. — Вы меня искали?

— Нет, — сказал я. — Мы тебя случайно увидели. Ты чего ревешь?

— Глупо все, — сказала Настасья. — Вот и реву.

— Простите, — сказал Сорокалет. — Может быть, ваша знакомая нас отпустит? У нас неотложное дело. Каждая минута на счету.

— Это моя сестра, а не знакомая, — сказал я. — А где Артем?

— Что ты ко мне привязался со своим Артемом? — искренне удивилась Настасья. — Я его и знать не хочу.

— Кого? — Тут я даже забыл о своих делах. Такое заявление в устах моей сестры было совершенно

невероятно. — Артема знать не хочешь? С ним в самом деле ничего не случилось?

— Если и случилось, мне все равно.

— Настасья, — сказал я, — опомнись. Наверно, он тебя обидел? Но это недоразумение. Он тебя обожает. Я это точно знаю.

— Чепуха какая-то, — сказала Настасья.

— А тогда чего ревешь?

— Грустно. И страшно немного. Зачем только я сюда пошла?

— Ты, наверно, с Артемом гуляла, да?

— И очень жалею, — сказала Настасья. — А может, и хорошо, что все кончилось?

— Слушай, не сходи с ума, — сказал я. — Конечно, любовь — это твое личное дело и мне ваш роман даже немного надоел, но не бывает же, чтобы утром человек сгорал от любви, а вечером от нее начисто отказался.

— А я утром сгорала от любви? — Настасья даже улыбнулась. Печально, будто и в самом деле старалась вспомнить, было это или нет. В сумерках казалось, что ее зубы светятся.

Она пожала плечами.

— Хорошо, что вы с Русланом пришли. А то неизвестно, как отсюда выбираться.

— Что произошло? — потребовал я. — Отвечай

немедленно.

— Ничего не произошло. Мы гуляли. Сидели на лавочке, говорили.

— О чем?

— Не помню. О всякой чепухе. Даже жениться собирались. А потом он мне говорит, что ему домой пора. Что ему скучно со мной.

— Артем? Так сказал?

— А чего удивительного? Я была с ним совершенно согласна. Смотрю и думаю — и зачем мне тратить время на этого акселерата? Надо учиться, думать о будущем.

— А потом?

— Потом он ушел. Я посидела еще и решила домой идти. А потом вдруг стало страшно одной. И зло взяло на этого Артема. Вот я и заплакала. И ничем он меня не обижал. И хорошо, что он сказал мне, что не любит меня. Я то же самое хотела сказать.

— Девушка, — вдруг спросил Сорокалет, — а это далеко отсюда было?

Настасья только сейчас его заметила. Но она была так подавлена, что даже не удивилась.

— Метров сто отсюда, не больше. Мы на лавочке сидели, над рекой.

— А кто-нибудь к вам подходил? — спросил

Сорокалет.

— Не знаю, мы целовались… — И Настасья вдруг осеклась, будто сама удивилась своему ответу. — Целовались… Странно, зачем? Там проходил один человек. Я даже застеснялась. Он остановился рядом…

Тут я понял, куда клонит Сорокалет, и спросил раньше, чем он успел задать этот вопрос:

— У него был черный саквояж?

— Саквояж? Не знаю. Какой-то чемодан был. Или портфель. Он еще открыл его…

— Руслан! — приказал я. — Оставайся здесь и береги Настасью. Чтобы от нее ни шагу!

И я побежал вперед. Потому что Сорокалет побежал первым и я не хотел оставлять его одного.

6

Шагов через сто мы выбежали на небольшую площадку над рекой. Там стояла скамейка. Пустая. И никого рядом.

Но уйти они далеко не могли.

Сорокалет крутил головой, как будто разыскивал следы. Конечно, я поступил неправильно. Надо было взять Руслана с собой. Настасью и Руслана.

Сорокалет нагнулся и поднял с травы что-то светлое.

Я подбежал к нему.

Сорокалет держал в руке толстую пачку сторублевок. Я оглянулся. Как грибник, который увидел, что его товарищ нашел великолепный гриб и смотрит, нет ли других по соседству. Еще одна пачка лежала в кустах.

— Все ясно, — сказал Сорокалет. — Он выкидывал их, чтобы добраться до приборов. Ему захотелось отнять у них чувства.

— А деньги как же? — спросил я.

Сорокалет вытащил одну из бумажек и посмотрел сквозь нее на свет только что загоревшегося фонаря.

— Никаких водяных знаков, — сказал он. — Типичная липа.

— Значит, они не только мысли…

— Значит, они могут воровать и чувства. Сильные чувства.

— Тем более, — начал я. — Я лучше погибну, но мою сестру обижать не дам.

Сорокалет поднял руку, чтобы я замолчал.

Было очень тихо. Так тихо, что было слышно, как за рекой, очень далеко, гуднула машина.

Потом я тоже услышал шорох в кустах.

Сорокалет пошел туда осторожно. Как будто подкрадывался к бабочке.

Я за ним.

За купой деревьев была еще одна поляна. Там стояли два человека. Было почти темно, и я не сразу догадался, что они делают.

Человек пониже ростом, тот, возле которого на траве стоял черный саквояж, снимал с другого одежду. И это было невероятное зрелище. Настолько невероятное, что мы замерли. Тот, которого раздевали, стоял неподвижно и не возражал. Я вдруг понял, что это шофер инкассаторской машины. Потом он поднял руки, чтобы удобнее было снять с него рубашку.

Его тело странно поблескивало под отсветом далекого фонаря.

Похититель бросил рубашку на траву. Там уже лежали брюки. Стояли рядышком ботинки.

Потом он нажал своему напарнику на затылок, и тот вдруг сложился. Как карточный домик. Раз — и на земле лежит лишь плоская пластина.

Человек поднял пластину, сложил ее вчетверо, открыл саквояж и положил пластину внутрь.

Затем вышел на середину поляны и поднял вверх палец.

И тонкий луч света вылетел из пальца и про-

тянулся вверх.

В тот же момент Сорокалет смело вышел из кустов и в два прыжка добежал до похитителя.

Похититель почувствовал опасность и обернулся, одновременно наклоняясь, чтобы схватить саквояж.

Но тут в схватку вступил и я.

Я знал, что меня сейчас ничем не испугаешь — ни пистолетами, ни космическими бластерами. Мне удалось во вратарском прыжке дотянуться до саквояжа и вырвать его.



— Вы с ума сошли! — закричал тонким голосом похититель. — Сейчас же отдайте! Я позову милицию!

Он потянулся к саквояжу, но Сорокалет встал на его пути.

И тут все вокруг потемнело, потому что сверху совершенно беззвучно начало спускаться что-то черное. Оно закрывало синее, в низких облаках небо. Оно было похожим на шар, точнее я не разобрал.

Внизу открылся круглый люк, и из него выкатилась, разворачиваясь, лестница. Похититель бросился было к ней, потом обратно к саквояжу.

— Отдайте! — кричал он. — Это мое! Я не могу без этого возвращаться!

Он рвался ко мне, и я отступил на несколько шагов. Сорокалет старался остановить его.

Похититель наставил палец на Сорокалета, и тонкий луч света ударил изобретателю в лицо. Тот зажмурился.

— Я знаю тебя! — сказал тогда похититель. — Я понял. Отдайте мой накопитель, и я верну вам ваши мысли.

— Нет, — сказал Сорокалет. — Нам нужно все.

— Я убью вас!

Но тут из черного круга раздался тревожный

звонок. Короткий и требовательный.

И я увидел, как люк начал медленно закрываться.

— Отдайте! — крикнул похититель. — Я вам заплачу! Я не могу вернуться без добычи! Меня ликвидируют!

— Вы не только вернетесь без добычи, — сказал Сорокалет, и я даже удивился, потому что никогда не слышал у него такого твердого голоса. — Вы еще скажете тем, другим, которые хотят поживиться у нас, чтобы Землю они облетали стороной. В следующий раз мы не только отнимем украденное. Мы еще…

Договорить Сорокалет не успел, потому что звонки с «корабля» стали звучать все чаще, короче и настойчивей.

— Спешите, — сказал тогда Сорокалет, видя, как похититель мечется между люком и нами. — Если не хотите остаться здесь и ответить за все, что вы натворили…

Похититель как-то странно пискнул и буквально взлетел в воздух.

Он успел втиснуться в люк в самый последний момент. И тут же черная громада космического корабля начала медленно подниматься к облакам, затем все скорее, скорее и исчезла в них.

Я только тогда понял, что стою с задранной головой.

— Вот и все, — сказал Сорокалет. — Один-ноль в нашу пользу. Но игра еще не окончена.

Он первым пошел обратно.

Я за ним.

Он обернулся.

— Не тяжело? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

Мы молчали. Мы оба очень устали. И я не знал, что делать дальше.

Мы спустились мимо скамейки, где нашли сестру, затем прошли еще ниже, к дереву, где должны были ждать нас Настасья с Русланом. Но их не было. Они уже ушли. Я не беспокоился. Когда рядом Руслан, ей никто не страшен.

Сорокалет прошел еще несколько шагов, до скамейки под фонарем.

И сел.

— Как будто весь день дрова колол, — сказал он. — Давай сюда саквояж, поглядим.

Мне и самому уже не терпелось открыть саквояж. Но я понимал, что Сорокалет больше меня разбирается в таких вещах. Хотя в таких вещах не разбирался ни один человек на Земле.

Сорокалет открыл саквояж, вытащил сверху

тугую пластину и положил рядом с собой на сиденье.

— Очень любопытный тип робота, — сказал он. — Этим мы еще займемся.

Его пальцы легко, словно ощупывая, бегали по кнопкам на панели внутри саквояжа.

— Может, отнесем завтра в институт кибернетики? — спросил я. — А то как бы не сломать.

— Я осторожно, — сказал Сорокалет.

Я вспомнил, что он тоже многое забыл за сегодняшний день. Может, вчера он, как великий изобретатель, разобрался бы во всем, но сегодня он неполноценный гений. Как и я. Смешно даже, шел к изобретателю, как коллега к коллеге, чтобы рассказать ему о моей системе экологической гигиены, о корабле, который собирает грязь, об очистителе воздуха… и тут я представил этот очиститель воздуха с такой ясностью, будто изобрел его только пять минут назад.

Я не сообразил, что же произошло. Но не удержался и сказал:

— Кстати, я вам сегодня хотел рассказать о моей системе…

И я увидел, что Сорокалет смеется.

— Вы чего?

— А система будет работать?

— А почему нет? — спросил я. — Ее принцип прост и надежен…

— Значит, все в порядке, — сказал Сорокалет и еще сильнее повернул рычажок.

И в этот момент я вспомнил все и даже представил себе то, о чем думал последние дни и не мог решить.

— Вот так, — сказал Сорокалет. — Завтра я настою, чтобы вновь собрали ученый совет. И покажу им, скептикам, где раки зимуют!

— Ура! — сказал я негромко. — Мы победили.

— Не обольщайся, — сказал Сорокалет. — Нам еще предстоит трудная работа, чтобы убедить скептиков в опасности, которая совсем не исчезла. Мы не знаем, может, на Земле орудуют сейчас и другие ловцы мыслей и чувств. И наше счастье, что у нас есть этот саквояж. Это называется вещественное доказательство.

— Правильно! — сказал я. — Без него нам никто бы не поверил. А с ним — куда денешься! Вы только не забудьте этого складного инкассатора. Он нам тоже пригодится.

— Любопытно, — сказал Сорокалет, будто и не слушая меня. — Я все ломал себе голову, как они решают, какие мысли им нужны, а какие нет. Какие чувства стоит украсть, а какие можно

игнорировать.

— И что же?

— Тут есть индикатор интенсивности. Чувств и мыслей. Если содержание мысли выше определенного уровня, она уже представляет интерес. То же касается и чувств…

— А они нас не завоюют? — спросил я.

— Ого, — сказал Сорокалет, — интенсивность твоих чувств выше нормы.

— А вдруг они будут мстить?

— Судя по всему, не завоюют. Они избрали, с их точки зрения, самый рациональный путь. Мысли и чувства — самое ценное в Галактике. Эта добыча получше всего золота мира.

Он поднялся и сказал:

— Пора, коллега. Поздно. Парк уже, наверное, закрыли. Придется перелезать через забор. Пошли.

Мы быстро шли по парку. Мы были совершенно одни. Мы все время говорили, потому что нам было о чем поговорить, несмотря на разницу в возрасте и образовании. В одном мы только не сошлись. Я был уверен, что с этими пришельцами надо бороться, как с самыми страшными преступниками. А Сорокалет начал доказывать мне, что, как только они поймут, что нас голыми руками не

возьмешь, мы можем достичь понимания и даже сотрудничать. Мы сможем добровольно делиться с ними мыслями и взамен тоже многое узнаем.

— Нет, — сказал я, когда мы уже подходили к выходу из парка, — это вампиры. И не нужны мне их достижения. Мы сами все придумаем. Только не надо нас грабить.

К счастью, ворота парка еще были открыты.

Мы вышли на площадь. Впереди была видна одинокая машина, оставленная пришельцем. Наверное, ее хозяин с ума сошел, разыскивая ее. Найдет, ничего. И я представил, как сейчас украденные мысли летят над городом, возвращаясь к владельцам, и люди, которых ограбили и которые не подозревают, что их ограбили, вдруг вспомнили забытую формулу или редкий язык, конструкцию станка или план дома. Или смотрят на свою жену и думают — как я мог не любить такую замечательную женщину?

И тут я увидел наших глупых влюбленных.

Они сидели неподалеку, сбоку, на ступеньках, и не заметили нас.

Руслан тоже не заметил. Он спал, вытянувшись во весь рост на асфальте.

Они сидели, обнявшись, прижавшись друг к другу, и тихо ворковали.

Будто расставались на пять лет и случайно встретились вновь.

И мне, хотя я и не одобряю этих нежностей, было приятно на них смотреть.

Руслан почуял нас, проснулся, медленно поднялся и радостно рявкнул. Так, что листья с деревьев полетели. И самое удивительное — Настасья с Артемом этого не услышали.



ГЕРКУЛЕС И ГИДРА



Геркулес и гидра
1

На южном берегу Азовского моря воды мало и удобств для отдыхающих нет. Иначе бы давно застроили эти места пансионатами и санаториями. Может быть, кому-то это бы понравилось, а я рад, что наши места довольно пустынны. Если мне очень захочется цивилизованной жизни, я всегда смогу сесть в автобус и доехать до Керчи или до Симферополя. Это не значит, что я нелюдимый анахорет, прячусь от человечества. Просто не люблю толкотни. После десятилетки я пойду в мореходку. А может быть, в университет, на исторический. То есть еще в прошлом году я был убежден, что пойду в мореходку, а этой весной к нам, на мыс Диамант, в километре от поселка, приехала экспедиция профессора Манина и круто изменила мою жизнь. Кстати, это относится не только ко мне, но и к Макару Семенцову из моего класса. Он вообще не хотел идти в институт. У него масса концепций. Одна из концепций относится к паразитизму. И звучит так: если ты имеешь возможность отрабатывать долг обществу, начинай это делать как можно скорей.

Впрочем, у Макара есть жизненные обстоятельства. Если у меня мать бухгалтер в совхозе, сестра уже работает телефонисткой и отец присылает деньги, то у него только отец-инвалид — почти слепой. Отец-одиночка, редкий случай. И лет с десяти Макар тянет на себе все хозяйство.



Я рад, что у нас здесь вольно. Можно пройти десять километров по степи и не встретить ни

одной души. За соленым озером подняться на высокий пологий холм, где остались каменные плиты древнего татарского кладбища, потом узкой лощиной, где растет несколько старых тополей, добраться до заброшенной армянской часовни, за которой кусок обвалившейся стены. Наши археологи ездили к этой часовне и так и не столковались, кто строил стену. Манин думает, что она осталась от генуэзцев, а Борис уверен, что ее построили готы. Удивительный у нас край. Кто только здесь не жил. Наш поселок Ключи тоже старый. Говорят, что его основали при Екатерине, то есть в восемнадцатом веке, когда Крым присоединили к России и поселили тут солдат-инвалидов. Солдаты научились ловить рыбу, ее тогда в Азовском море было много, стали разводить виноград и давить вино. А Ключами поселок назвали из-за источника. Он испокон века бьет из-под скалы. Это место обложено хорошо отесанными плитами. Лет пять назад неподалеку пробили артезианскую скважину. Только ошиблись. Скважина работает неравномерно, а в источнике воды убавилось. Типичный случай нарушения баланса в природе. Так что у нашего поселка так и не появилось возможностей вырасти и обзавестись санаторием или заводом. Зато

тихо, свободно.

А вот Томат недоволен. Я еще вчера, во время очередного спора, сказал своей сестре Люсе: если не нравится, чего приезжает третий год подряд? Разумеется, Люся отвечать мне не стала. Соврет — я начну смеяться, скажет правду — умрет от стыда. Дело в том, что Люся до сих пор надеется, что этот Томат на ней женится. Честное слово! Ну хоть бы он дал ей понять, насколько пусты ее глупые надежды. А он хитрит. Ему куда выгоднее жить у нас под видом почти жениха. И мать покормит, и Люся бельишко постирает. Только я никогда и ничего для него делать не буду. Это вопрос жизненных принципов, потому что Томат — дутая величина, а я не выношу лжи. Простите, но это так.

Разумеется, в свете истории, которая произошла в последние дни, мои слова могут показаться кокетливым бредом, притворством и лицемерием. Я выступал в ней последним лжецом и подонком. Но разве не бывает так, что человек, который не выносит кипяченого молока, вынужден глотать его, чтобы не расстраивать любимую бабушку? Со мной такое было, в детстве.

Я не знаю, с какого момента вести отсчет этой истории. Может быть, с весны. Может, с приезда

Томата. Так как весна была раньше, я начну с нее.

Манин приезжал сюда прошлым летом, но меня в то время в поселке не было. Я устроился в строительный отряд и уехал на два месяца в Таганрог. Мне было четырнадцать лет, но выгляжу я на все шестнадцать из-за акселерации. Так вот, Манин приезжал на разведку и решил, что они будут копать городище на мысе Диамант, возле которого, спускаясь к морю, и разместился наш поселок. Мыс Диамант вдается довольно далеко в море и обрывается к нему почти стометровым обрывом. Из травы там высовываются углы каменных плит, а внизу под обрывом, который море понемножку размывает, иногда можно найти обломок кувшина или даже монеты. У меня долго лежал довольно красивый обломок амфоры — размером с две ладони. На нем был нарисован почти белый сатир с копытами, он гнался за нимфой; к сожалению, ее голова была за пределами обломка. Люся подарила этот обломок Томату еще в прошлый приезд и мне ничего не сказала. Я, может, и забыл бы о нем, если бы не Манин. Когда весной появилась экспедиция, Манин спрашивал, нет ли у кого в поселке вещей с мыса Диамант. Некоторые принесли. Я тоже

хотел принести, но обломка не было. И тогда Люся сказала, что подарила его Томату. Думала, что мне не нужно. Можете представить, какую сцену я ей устроил.

Наверное, было бы романтичней, если бы экспедиция жила в палатках над морем. Но они предпочли снять здание нашей восьмилетки. Там поставили раскладушки.

Разумеется, мне хотелось поработать на раскопках. Я люблю читать исторические книги и всегда интересуюсь нашим прошлым. Так что для меня приезд экспедиции был везением. А то, что Манин набирал рабочих, стало везением номер два. Ну из кого ему было набирать рабочих в нашем не очень многолюдном поселке? Разумеется, из старшеклассников. Так мы и попали на раскопки Тавманта. Правда, я вам должен сказать, что даже Манин не уверен, Тавмант мы копаем или нет. В Крыму еще много загадок, особенно когда это касается античных времен. Какой-нибудь Херсонес или Пантикапей известны на весь мир, да и тогда тоже были известны. А вот небольшие городки, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, порой не попадали в исторические труды. Или если попали в Перипл, это что-то вроде лоции, их не так уж легко определить. Тем более мы

уже в первые недели обнаружили, что верхние слои городка относятся к периоду Хазарского каганата, а люди ушли оттуда только к концу десятого века. В общем, сказочно интересная работа. И люди мне понравились. Мне с ними было хорошо.

Я понимаю, приезжает на новое место коллектив. В нем старые знакомые, ученые, много студентов-историков. У них общие интересы, они и в Москве знакомы. Поэтому рабочие, такие, как мы, обычно остаются в стороне. Например, Солодко, из соседнего дома, она отработала свои часы и спешит на огород или по дому заниматься. Для нее это только приработок. Но что касается нас с Макаром, получилось иначе. Сначала я сблизился с Борисом, потому что мы друг другу понравились. Хотя он и кандидат наук, но в нем есть молодость души, если вы меня понимаете. Макар не так быстро сходится с людьми, как я. Может, это из-за разного физического развития. Я играю за район в баскет и стометровку проплываю со скоростью вельбота дяди Христо. В общем, у меня нет комплексов. А Макар держится только на чувстве собственного достоинства. Он толстый и мягкий. И близорукий. Ну прямо чудак-ученый из романа. Что ему помогает жить на свете — это

его талантливость. Он удивительно талантливый человек, иногда наши преподаватели просто разводят руками. Но притом он невероятно стеснительный и поэтому бывает очень грубым. Понимаете? Так вот, я через две недели стал в экспедиции своим человеком. Костя, где ты? Костя, сгоняй за пивом на «рафике» (у меня юношеские права). Костя, достань лодку, вечером в море пойдем… Костя здесь, Костя там, но я не обижаюсь, потому что ничего обидного в этом нет. Я сам себя так поставил. Да они и не обижают. В конце концов, я могу большинство студентов положить на лопатки в сорок секунд. Это ничего, что я такой худой. Возрастное. Когда мне не хочется возвращаться домой и глядеть на Томата и слушать его банальные речи, я остаюсь в школьном здании ужинать, потому что вечером начинается самое интересное. И песни под гитару, и споры, и даже танцы. И еще лучше, если разговорится Манин. Совсем необязательно он говорит об археологии. Знаете, он из тех людей, которых все волнует. Он и о летающих тарелочках будет рассуждать, и об охране природы, и о литературе. Его выдвинули в члены-корреспонденты и, может быть, изберут. Я бы его давно избрал, хоть он и сравнительно молодой.



Макар поначалу в экспедиции не задерживал-

ся. Прямо с раскопа, не заходя в школу, шагал домой клепать свой телевизор. Он вроде бы придумал принципиально новую схему, какой еще нет ни на одном заводе. Не знаю, что у него выйдет, но времени он потерял на это месяцев семь. Если настойчивость — свойство таланта, то Макар — самый талантливый человек на Азовском море. И самое любопытное то, что это не только мое мнение. Его разделяет со мной Игорь Маркович. Игорь Маркович Донин — это новое лицо в нашей экспедиции, и личность таинственная. То есть он таким мне показался сначала. Представляете, недели через две после начала работы, когда мы только-только сняли хазарский слой и пошли на антику, приезжает крытый фургон. День был жаркий, парило, море казалось свинцовым, а небо словно выцвело. Работать не хотелось, в раскопе было душно и пыльно. Поэтому, когда приехала машина, мы все полезли наружу.



Из кабины вылез очень высокий изможденный человек в темном костюме и при галстуке — самое нелепое сочетание, какое только можно

придумать. Этот человек постоял под раскаленным солнцем, всматриваясь в пыль. И тут из раскопа вылетел наш круглый, маленький, крепкий Манин, в майке и шортах, понесся по солнцу к машине с диким воплем:

— Игоречек! Игореночек, Игорюшка, ты мой спаситель, я тебя люблю!



Изможденный человек сделал два больших шага вперед и принял нашего профессора в объятия. Голова Манина утыкалась в живот Игоречку, и тело сотрясалось, словно от рыданий. Потом

из раскопа вышел сутулый Борис, поправил указательным пальцем очки на переносице и спросил:

— А как же ты нас нашел?

— Ах, не говори, — сказал Игоречек печальным голосом.

Так в нашей экспедиции и появился Донин с его машиной. Машина занимала весь фургон, ее разместили в пустом школьном гараже. Отец дяди Христо, Константин, стал сторожем при гараже, а монтировали ее сам Игоречек и его техник по прозвищу Кролик, тяжелоатлет с красными глазами и всегдашним желанием улечься в теньке и заснуть минут на шестьсот.

С приезда машины жизнь моего Макара изменилась. На второй день он заглянул в гараж, потому что у него нюх по части всякой техники, и там остался. Я теперь даже не знаю, спит он когда-нибудь, ходит ли домой — он превратился в придаток той машины. Но не в бесполезный придаток, а в самого главного человека. Кролик теперь может спать спокойно — машина в надежных руках. Сам Игоречек говорит, что ему сказочно повезло. Найти пятнадцатилетнего технического гения в деревне Ключи — это и есть сказочное везение.



Макар — человек немногословный, сам о себе ничего не рассказывает. Но если бы у меня были комплексы, я бы убил его из ревности. После Манина Макар стал самым популярным человеком в экспедиции. Тут у нас в прошлую пятницу приезжала корреспондентка из Симферополя написать о перспективах раскопок, что мы найдем

в этом сезоне. Сама задача нелепая — если бы мы знали, то не искали бы. Манин ее уверил, что надо писать не о раскопках, а о Макаре. Только корреспондентка не оценила хитрости нашего профессора, который боится корреспондентов, и всерьез написала целый очерк о Макаре, начиная с его успехов в первом классе. Правда, она больше домыслила, так как от Макара монологов не добьешься.

Поэтому в событиях прошлой пятницы Макар сыграл очень важную роль. Тем более что Кролик, извините за выражение, запил и из фургона не вылезал. И основная тяжесть подготовки нашей установки выпала на Игоречка с Макаром.

Следовательно, мы имеем деревенского гения Макара, меня в роли всеобщего друга и прислуги за всех, Игоречка, Манина, двадцать студентов и столько же рабочих из нашего поселка. И имеем Томата. Тут Томат и выходит на сцену.

Томат появился в нашем доме в позапрошлом году.

Появился он в своих «Жигулях» второй модели, подтянутый и страшно скучный. Он умудрился с первых же слов внушить полное доверие моей матери, трепетание чувств в Люсе и неприязнь во мне.

Все в нем нормально. Бывает же такой нормальный человек. И зубы у него целы, и глаза не косят, и печень не беспокоит. Он сразу сообщил моей матери, что родом он из Подмосковья, по профессии экономист с заграничными перспективами, машину купил на собственные сэкономленные деньги и намерен отдыхать в нашем поселке, так как слышал от надежных людей о нашем целебном воздухе и море, а также узнал о нашей здесь дешевизне на фрукты и овощи. К нам его направили из крайнего дома, так как у нас пустует комната, а мы нуждаемся в деньгах. Он же нуждается в приведении своего тела в бодрое и загорелое состояние (без излишеств, ни боже мой!), отличается добрым нравом, тихим характером, не употребляет спиртных напитков, притом холост и ищет жену из хорошей семьи и с положительными душевными данными. Моя мать была сражена этими сведениями, будто ей предложили сдать комнату ангелу небесному.

Самое обидное, что при всей моей ненависти к этому человеку, я ничего не могу сказать о нем плохого. Томат гладок, ему лет тридцать, он спокоен, в самом деле не пьет и не курит и не терпит, когда в его присутствии это делают другие, он обожает эстрадную музыку, но не современную,

а с опозданием лет на десять-тридцать, ночью не храпит, ловит рыбу на удочку и отдыхает изо всей силы. Отбыв у нас месяц, он уехал обратно на своем сверкающем «жигуленке» с тремя запасными колесами, прислал нам поздравления к седьмому ноября и Новому году, а потом заявился вновь, на следующее лето. И в третий раз — на той неделе.

Больше всего на свете я боюсь, что он в конце концов женится на Люсе и будет жить в нашем доме, или увезет Люсю в свое Подмосковье. Люся не красавица, но привлекательней ее я девушки не знаю. Даже студенты из экспедиции со мной совершенно согласны, а они в Москве видели всяких девушек.

Люся неглупый человек, все понимает и сомневается, но общественное мнение поселка ее уже выдало замуж за Томата, и она тоже с этим смирилась. Жалко мне ее смертельно, но поймите — в нашем поселке с женихами просто катастрофа, не ехать же ей в Симферополь в поисках семейного счастья, если она любит Ключи и хочет здесь жить, а в то же время ей уже двадцать два года, критический возраст, почти старая дева. Томатом я его зову по простой причине. У него фамилия — Пасленов, а помидоры относятся к этому семейству. И щечки у него красные, вот-вот

лопнут. Видите, как я его не выношу. И, наверное, прав Макар, который утверждает, что я не люблю его не за объективные отрицательные качества, а потому, что на каждую мою отрицательную черту у Томата есть положительная.

Все мои минусы в сумме не дают плюса, а все его плюсы превращаются в такой огромный плюс, что он для меня как флюс (каламбур — игра слов).

Но есть у Томата одно отрицательное качество, я его именую вещизмом. Он обожает вещи. Разные. Особенно свои. Он обожает свою машину, она у него лучшая в мире, он обожает денежки, он обожает наш поселок, потому что он в нем отдыхает, и очень дешево, он, боюсь, обожает и мою сестру. Только решить вопрос о женитьбе он не может так вот сразу, за три года. Я думаю, он еще лет пять у нас постолуется, а потом или женится, или найдет себе другое тихое недорогое место.

У него, как у человека бережливого, скажем даже, жадного, есть удивительное умение хвалить свои вещи. Вот он привез с собой пластинку ансамбля «Абба». Большой диск. Дефицитный. Говорит, что купил его в Орле и переплатил три рубля. Все может быть. Он привез эту пластинку в подарок Люсе, но, как и все свои подарки (а их

накопилось уже штук пять), бережет так, будто от их порчи с ним случится инфаркт. В прошлом году привез банку французского крема, самого лучшего, по его словам. А сейчас приехал и спрашивает: «Как мой крем, пользуешься?» Люся покраснела и отвечает, что крем весь кончился. Вы бы видели его физиономию. Он, наверное, думал, что Люсенька будет всю зиму этот крем нюхать — и только. Люся так смутилась, что принесла ему пустую баночку. Он долго вертел ее в руках, будто удивлялся, какая Люся транжирка, она чувствовала себя преступницей, но молчала. А он ничего больше не сказал, только взял пустую баночку с собой на море, там ее тщательно вымыл и чистенькую поставил на полку в своей комнате.

Раз вы теперь понимаете, какой человек Томат, то тогда понятней будет мое смертельное легкомыслие.

В общем, в четверг вечером, как раз перед тем, как проводить испытание установки Игоря, был день рождения у Шурочки Андреевой. Она аспирантка у Бориса, милое создание, только мне совсем не нравится, потому что шумна и жутко разговорчива. Мы в экспедиции решили, что устроим большой праздник. Манин не возражал,

а я думал, что бы такое сделать для ребят, и потом притащил им целое ведро черешни, а когда уходил из дома, увидел, что пластинка лежит прямо на столе — наверное, Томат любовался ею перед уходом с Люсей в кино. И я решил ее прихватить. Все равно будут танцы, а пластинок всего пять штук и все надоели.

Вечер прошел неплохо. Тем более что была очень хорошая погода, а назавтра предстояло испытание машины Игоречка, и Макар с утра не вылезал из гаража, его даже на праздник еле приволокли. Так что настроение у нас было приподнятое, как перед запуском в космос. Это не значит, что все мы в тот момент представляли, как работает машина, — Манин и Игоречек люди, как ни странно, суеверные, и оба, как оказалось, боялись, что опыт провалится, хотя в Москве его уже ставили много раз.

Шурочка танцевала со мной и уговаривала меня поступать в Москву на истфак. Она, как всегда, говорила без умолку, черные, завитые химией волосы падали ей на лицо, и она все время надувала щеки, чтобы отдуть локоны в сторону. Вообще-то она была очень милой. Это вопрос не личной моей привязанности. Хоть я и акселерат, мне еще только пятнадцать лет и женский вопрос меня

практически не волнует.

Потом Манин, Игоречек и, конечно же, Макар скрылись в гараже и там колдовали, но меня это мало интересовало. Мне было хорошо. И было бы еще лучше, если бы не эта пластинка. Я вдруг представил, что Томат вернулся из кино и сразу бросился искать пластинку, а ее нет. Представляете, что тогда поднимется за скандал! Тихий такой скандал, вежливый, лучше утопиться! Я сидел и смотрел, как неосторожно эту пластинку ставят на проигрыватель, но взять ее и унести было неловко. Не могу же я показать, что боюсь какого-то Томата.

Но все на этом этапе обошлось.

Часов в одиннадцать Манин, вернувшись из гаража, приказал нам расходиться, потому что подъем в семь, а в половине восьмого всем приказано быть готовыми к эксперименту.

Я с облегчением забрал пластинку, сунул ее в конверт и, позвав Макара, пошел домой. Мы с Макаром живем недалеко друг от друга, на другом от школы конце улицы. Светила луна, было тихо, даже собаки не брехали.

Макар молчал, был погружен в мысли. Я спросил его, нравится ли ему Шурочка, он даже не понял моего вопроса.

— Игорь Маркович обещал меня взять к себе в институт, — сказал он, и я понял, что любые разговоры с этим чудаком обречены на провал.

Сами понимаете, я свою улицу знаю как свои пять пальцев. Я могу пройти по ней с завязанными глазами в любое время года. И знаю на ней каждую рытвину.

— Ну ладно, — сказал я, — с тобой каши не сваришь.

— И вообще, — ответил Макар, который, оказывается, запомнил мой вопрос о Шурочке, — как ты можешь задавать вопросы о Шурочке, если завтра ты умрешь?

Если бы он при этом улыбнулся или еще что, я бы так не удивился. Но он сказал это неожиданно и так серьезно, что я споткнулся о колоду, лежащую у ворот дяди Христо, и полетел вперед, приземлившись точно на пластинку, и в ночной тишине поселка услышал, как она раскололась. Я лежал в ужасе. А он остановился надо мной и смотрел на меня сверху. И я глупо спросил:

— Почему умру?

— Потому что, — ответил он спокойно. Как будто и не заметил, что я лежу на земле. — Ничего подобного ни ты, ни археология еще не видели.

И с этими словами он повернулся и пошел че-

рез дорогу к своему дому.

А я, про себя проклиная его последними словами, встал, поднял превратившуюся в кучку осколков пластинку и побрел домой, моля бога, чтобы Томат еще не вернулся из кино.

Из кино он вернулся, но уже лег спать и вежливо, аккуратно посапывал в своей комнатке.

Я прошел к себе, спрятал разбитую пластинку под кровать и лег спать. И даже, несмотря на мое расстройство, сразу заснул.

2

Утром Томат встал затемно и отправился с Христо ловить рыбу. Так что пропажи пластинки он не заметил. Я вздохнул с облегчением, потому что умею забывать о неприятностях, если они случаются не немедленно, и пошел к школе.

Хоть было лишь начало восьмого, все уже поднялись. Все были возбуждены, как будто нашли на раскопке статую Венеры. Двери в гараж были широко открыты, там суетились Макар с Кроликом, Игоречек разговаривал с Маниным.

Потом Манин обратился к нам.

— Коллеги, — сказал он. — У нас есть еще несколько минут, и я сейчас хочу сделать вам

сообщение. Давайте пойдем в столовую.

Мы пошли за ним в школьную столовую и расселись на небольших стульях у покрытых пластиком столов. Манин встал у раздачи, где стояли горой еще не мытые тарелки, закурил, потом сказал:

— Не обижайтесь, что я раньше вам обо всем не рассказал. Хотя многие уже слышали об опытах нашего гостя. Но все еще было покрыто туманом неизвестности. Сегодня же он должен рассеяться.

Туман неизвестности — это Манин хорошо сказал. Я люблю таинственные слова. Меня и археология привлекает своей таинственностью. Ты никогда не знаешь, что тебе откроется за поворотом. Сами понимаете, нам всем хочется открыть какой-нибудь храм или богатое захоронение. Все археологи любят посетовать: ах, не дай бог нам богатое захоронение. Мы ненавидим эти золотые украшения и бриллиантовые короны. Сразу приедет фининспектор, надо охрану ставить, и это проклятое золото затмевает чисто научное значение наших раскопок. Одна надпись, даже неполная, дороже всего золота мира. Но я думаю, что они лицемерят. В самом деле, тому же великому Манину всегда приятно, когда про него

говорят: это тот человек, который откопал волшебный клад в кургане Седая Могила. Там было восемь ваз и так далее… А кто читает археологические отчеты? Только такие любители, как я. Кстати, Манин обещал мне осенью прислать свои статьи за последние годы. Думаю, не обманет.

Ну вот я и отвлекся. Я и на уроках отвлекаюсь. Я как-то плыл на МРТ в Таганрог, стоял на палубе, задумался, и мне показалось, что я на берегу. Я сделал шаг вперед и нырнул в воду. Хорошо еще, что плаваю как рыба.

— Принцип изобретения нашего дорогого гостя, — продолжал между тем Манин, — заключается в том, что при изготовлении любого предмета нарушается не только форма исходного сырья, но и неуловимые обычными приборами связи в самих молекулах. Вот эта амфора, которую вчера отыскал наш Костя, — тут я немного покраснел, потому что приятно, когда Манин помнит о твоих скромных заслугах, — когда-то была куском глины. Потом ее замесили, положили на гончарный круг, вылепили, затем сунули в печку, обожгли, раскрасили. В принципе, это все тот же кусок глины. Но в ином облике. По химическому составу амфора не отличается от глины, из которой она сделана. Но эта глина помнит,

какой она была когда-то.

С философской точки зрения тут что-то было. Я так и сказал, хоть не к лицу простому рабочему, не достигшему совершеннолетия, перебивать профессора. Но у нас демократия.

— Давайте не будем углубляться в философию, — сказал Манин, выслушав меня. Шурочка почему-то хихикнула, можно подумать, что вчера вечером она со мной вовсе не танцевала. Ну я и закрылся в себе.

— Мне важен принцип, — сказал Манин. — Я хочу, чтобы вы его поняли так, как его понял я. Технических деталей процесса мы не поймем.

Это вы не поймете, хотел было я добавить, но, разумеется, промолчал. Хватит с меня Шурочкиных улыбок. Но ведь Макар-то понял лучше любого профессора. Иначе бы эту установку готовил к работе Манин, а не Макар.

— Каждая вещь, — сказал Манин, — имеет память. Это не память в понимании живых существ, а память молекулярная. Моя рубашка помнит, что была когда-то коробочкой хлопка, этот стол помнит, что рос в лесу, даже песчинка на берегу помнит о том, что была частью расплавленной магмы.

Эта идея всем понравилась, и некоторые сту-

денты начали шутить, потому что люди такого склада всегда стараются шуткой скрыть свою растерянность перед сложностью мира. Я замечал это и раньше. Я же становлюсь совершенно серьезен. И сразу перехожу к сути дела.

— Если бы предметы помнили о своем прошлом, то теоретически можно их заставить это прошлое нам показать, — сказал я.

Некоторые засмеялись вслух, а Манин сказал:

— Костя, от того, что Макар тебе рассказал все раньше, не исходит, что ты можешь демонстрировать так называемое знание.

— Чего! — я даже возмутился. — Макар мне ни слова не сказал. Я сам догадался.

Тут все на меня зашикали. В человеческом обществе все теоретически равны, но попробуй только оказаться умнее окружающих. Сожрут. Так что я окончательно и бесповоротно замолчал и даже хотел уйти, но пересилил себя. И остался.

— Ладно, — сказал Манин, — пошли в гараж.

Шурочка подошла ко мне, потому что я отстал. И сказала:

— Скажи, вы, акселераты, обязательно должны свой нос всюду совать?

— Я думал, — ответил я с достоинством, — что нахожусь в демократическом коллективе, и по-

лучил по носу. Заслуженно.

— Демократия не означает неуважения, — заметила Шурочка. — Мальчикам не следует стараться быть умнее, чем академики. Всему свое время. Тебе надо еще учиться, учиться и учиться…

— Ладно, шутки в сторону, — сказал я, потому что не умею долго обижаться.

В самом деле, мне было очень интересно узнать, какое можно придумать практическое приложение идее о том, что все вещи мира имеют память.

Как вы знаете, у меня пятерки по истории, геометрию я тоже люблю, но в математике и предметах, где надо иметь дело с голыми цифрами, я профан. Свет я, конечно, в доме починить могу, но уже приемник для меня всегдашняя загадка. Мне проще прожить без приемника, чем копаться в безымянных проводах и схемах. Так что описание их установки было бы, наверно, смешным, если бы я за это взялся. Они перетащили сюда все, что уместилось в фургоне, и в расположении приборов, ящиков и панелей не было никакой логики. К тому же все было смонтировано неаккуратно. Провода провисали, под один из контейнеров был положен кирпич, а в

другом была вмятина. Разумеется, этого никто, кроме меня, не заметил. Все стояли открыв рты. Гуманитарии, но далекие от искусства.

Манин уже снова забрался на трибуну. В переносном смысле. Он взял в руки нечто вроде подноса, на котором лежал наш Геракл.

— Вот, — сказал он.

Надо снова отвлечься, вы уж меня простите. Геракла нашли при мне. Правда, без моего участия. Шурочка тогда подошла к одной нашей девочке, что обскребывала ножом угол каменной плиты, и вдруг закричала ей: «Стоп!».

Все, разумеется, прекратили работу. Такой крик мог означать лишь одно — бесценный клад!

Но это был не клад. Просто зоркий взгляд Шурочки уловил в желтой породе инородное вкрапление. Это большое искусство. В первые дни мне могла попасться какая-нибудь ценная керамика, и я бы ни за что не догадался, что это не обычная порода. У тех, кто ездит в экспедицию не первый год, вырабатывается буквально чутье на такое. Чуть потемнее или чуть посветлее. Чуть другая фактура, какая-то полоска, которую вряд ли могла прочертить природа…

Оказалось — голова небольшой статуэтки. Вернее, половина головы — кто-то ударил по ней молотком. Потом показалась рука. Шурочка работала щетками и кистью, а прибежавший Манин почему-то велел собирать на поднос всю пыль, ни крошки не выбрасывать. Тогда я еще не знал, что Манин предусмотрел сегодняшний день. Свойство большого ученого — предусматривать.

И вот сейчас на столе перед машиной лежал поднос. На подносе осколки статуэтки, которую мы отыскали в тот день, и еще кучка породы — крошек мрамора и песка, что лежали на той же плите, что и статуэтка. Состояние ее было настолько прискорбное, что даже такой знаток античности, как Борис, сказал: «Вернее всего, Геракл. Но не гарантирую. Может быть, и Дионис».

Представляете, какой разброс? Воинственный герой или бог виноделия.

— Сейчас, — сказал Игорек, который, почесывая седую бородку, возился в панели. — Одну минутку.

— На что мы надеемся? — Манин воспользовался паузой. — Мы надеемся, что вот эти мраморные крошки и осколки хранят память о своем прошлом…

— О куске мрамора? — спросил кто-то из ребят.

— А почему должна быть только одна память? — ответил вопросом Манин. — Вот вы, например, неужели вы помните только тот день, когда пошли в школу? А первый урок по алгебре, поездку в пионерский лагерь, первый поцелуй под тополем…

Кто-то засмеялся. Умеют у нас ценить профессорские шутки.

— И каждый предмет может помнить несколько стадий своего существования. Серебряная ложка могла раньше быть монетой или несколькими монетами, из которых ее переплавили. А еще раньше она могла быть серебряным кубком… и лишь в самом начале своего существования на поверхности земли она была самородком серебра. Понятно?

Всем было понятно.

— Значит, если у нас появилась возможность, — Манин широким жестом сеятеля показал на машину, — восстановить память предмета и попытаться ее активизировать, то есть вернуть ему ту форму, которую он имел когда-то, то мы должны научиться варьировать эти слои памяти…

Тут машина зажужжала, включилась, Игоречек сказал Манину, что можно переходить к практической демонстрации, Макар был серьезен, словно запускал спутник номер один с любимой девушкой на борту, даже Кролик проснулся.

Игоречек вставил поднос с осколками Геркулеса в печку. То есть это была не печка, но у меня возникло ощущение, что я смотрю на русскую печь. Жужжание усилилось, и Игоречек с Кроликом уселись за пульт и начали колдовать.

Вообще-то времени прошло немного. Наверное, минут десять. Мне они казались бесконечностью. Ведь когда человеку показывают фокус, ему обычно не дают опомниться. Чтобы не увидел ниточек или запасной колоды. Здесь нам ничего не показывали, но и не спешили. Мне все хотелось пошутить, сказать, что у них там лежит запасной Геркулес. Я понимал, что это недозволительная шутка. Еще Борису так можно пошутить, а мне

не простят. Поэтому я молчал. Мать вечером мне рассказала, что напряжение в сети село, видно, Игоречек не учел возможностей нашей станции. Но в основном все прошло незамеченным. У нас происходило событие космического значения, а они, видите ли, ничего не заметили. Хотя, наверное, до сих пор где-нибудь в Новой Гвинее есть племена, которые не подозревают, что люди уже побывали на Луне. Ведь может так быть?

В гараже было жарко, воздух снаружи был неподвижен. Восемь часов, а жарко, как в обед. Я подумал, что завтра-послезавтра погода должна испортиться. У меня на этот счет предчувствия.

Игоречек встал со стула, притащенного из школы, и сказал:

— Вот вроде и все.

Манин погасил папиросу в банку из-под сардин, но остался стоять. Я понял, что он трусит. Для него это открытие важнее, чем для многих других людей.

— Ну, — сказал он наконец. Как будто был обижен на Игоречка.

А Игоречек сказал:

— Макар.

И только Макар вел себя так, словно ничего не произошло. Он спокойно поднялся, подошел к

русской печке, подобрал свой живот, вздохнул и достал поднос. И поставил его на стол.

На подносе лежал на боку Геракл с поднятой дубиной. Он, видно, хотел пришибить этой дубинкой животное на львиных ногах с девятью головами, из которых три головы валялись у его ног на подставочке. Вся эта скульптура была ростом сантиметров тридцать. А чудовище на львиных ногах, как я потом узнал, называлось гидрой. Отсюда и пошла «гидра контрреволюции».

Макар глядел на Геракла, почесывая ухо. Все остальные оставались на своих местах, потому что не знали, что делать.

И, наверное, прошла минута, не меньше, прежде чем начался шум. Он поднимался по кривой, становясь все сильнее, потом уже все кричали «ура!» и, выбежав на улицу, вытащили Игоречка, качали его и уронили в пыль. А Манину и Макару с Кроликом удалось убежать.

На свету мы рассмотрели Геракла получше. Он, к сожалению, оказался не идеальным. Видно, каких-то крошек и кусочков не хватало. Дубинка была обломана, на одной руке не было пальцев, и коленки не хватало. И у гидры не было ноги. Но, сами понимаете, разве это так важно?

Манин объявил, что работы сегодня не будет.

Вы бы послушали, как все возмутились и добились все же от профессора разрешения работать после обеда. И я понял почему. Потому что я и сам требовал, чтобы работать. Каждый из нас надеялся, что именно сегодня он отыщет разбитую чернолаковую вазу или килик, а может, статую Венеры или раздавленный камнем золотой клад.

А пока суд да дело, Манин взял плавки и отправился купаться.

Надо знать Манина. Когда у него неприятно-

сти или какой-нибудь скандал, он всегда таким образом себя успокаивает. Берет плавки и идет купаться. Психотерапия.

Разумеется, сегодня никаких неприятностей не было. Но нервное потрясение такое, что стоило десяти неприятностей.

Я убедился в этом, когда вылез из моря и улегся на песке, раздумывая о последствиях нашего изобретения для науки. Но раздумывать было трудно, потому что неподалеку, вылезши из моря, разговаривали Манин с Игоречком. Они не таились, больше того, двое или трое археологов даже подползли к ним поближе, чтобы лучше слышать. Но я не подползал. Мне и так было слышно.

— Я тоже переживал, — говорил Донин. В его седой бородке набился песок, и он выскребывал его тонкими сухими пальцами. Совсем не похож на научного гения. — Одно дело — испытания в институте. Мы могли их вести еще месяцами. И директор категорически запретил нам вывозить установку на юг.

— Значит, ослушался? — спросил Манин лениво. Он лежал животом кверху, закрыв глаза.

— А твоя телеграмма? — спросил Игоречек. — А твои звонки в президиум? А твои пробивные

способности?

Манин ничего не ответил, и тогда Игоречек заговорил снова:

— В институте можно умом все понимать, а вот почувствовал я только здесь. Знаешь, я смертельно боялся, что сорвется. Мне было бы стыдно. Понимаешь?

— Угу.

— Ничего ты не понимаешь, самодовольный индюк!

— Угу.

— С сегодняшнего дня твоя наука станет иной.

— Сколько же вы делали опытный образец? — Манин вдруг сел и открыл глаза.

— Ну, несколько лет…

— Вот именно, — сказал Манин. — Значит, дождемся мы таких установок дай бог через десять лет. Правда?

— Но ты — раньше.

— Не знаю. Пока наступит то светлое время, когда твои восстановители будут продаваться по безналичному расчету, миллион организаций и десять тысяч ученых прослышат про эти возможности.

— Ну и что?

— А то, что археологов оттеснят на одно из

последних мест. Склеивайте древним способом, скажут нам.

— Преувеличиваешь, Валентин, — сказал Игоречек.

— Не настолько, чтобы отступить от правды.

— А я думаю, что это не так важно. Важны перспективы, — сказал Борис. — Как-нибудь поделимся и с реставраторами.

— Если бы реставраторы только…

— Ты уже завидуешь, — сказал Игоречек.

— Еще бы не завидовать! Как профессионал, я вижу принципиально новое будущее археологии. За исключением редчайших везений, нам попадаются осколки, ошметки прошлого, и мы занимаемся тем, что складываем загадочные картинки по крохам. И потом еще спорим, туда ли положили песчинку.

— Сколько будет целых сосудов и статуй! — сказала Шурочка.

— Узко мыслишь, — сказал Манин. — А текст, смытый тысячу лет назад, чтобы снова использовать лист пергамента? А запись, затертая врагами? А спекшиеся куски ржавчины? А картины, записанные новым слоем краски? А иконы, которые приходится месяцами расчищать? А окислившиеся безнадежно монеты? Я могу про-

должать этот перечень до вечера. Понимаете, наша наука может завтра стать точной наукой, как математика… и теперь мы должны ждать, пока твою установку выведут из бесконечной стадии экспериментов, утвердят, одобрят, пустят в производство, а потом она археологам не достанется.

Манин был разумным пессимистом. Он сам так всегда говорил.

А Игоречек был оптимистом. Поэтому он ответил:

— Паровозов сначала тоже было один-два, и пассажиры на них не ездили. К ним не подпускали.

3

После обеда мы все-таки пошли на раскоп, но никто ничего стоящего не нашел. Так, наверное, и должно было быть.

Потом мы все вернулись в школу и еще минут десять любовались Гераклом, который поражал Гидру Лернейскую. И придумывали, что еще можно сделать с помощью машины. Правда, Игоречек сказал, что после испытания установку надо проверить и снова мы займемся восстанов-

лением вещей только послезавтра.

Я пошел домой один, потому что мой друг Макар, разумеется, остался в гараже — его от установки трактором не оттащишь. Сначала я думал о великом прогрессе науки и о том, что стану археологом, но чем ближе подходил к дому, тем больше у меня портилось настроение. Сначала я даже не мог догадаться, почему оно портится, но потом вспомнил о пластинке и стал уже думать, как бы мне незаметно съездить в Симферополь и поискать ее там в магазине. Но откуда у меня целый день на это? Может, лучше сознаться?

Мои самые плохие предчувствия оправдались.

Томат был дома. Чистенький, гладкий, в джинсах и безрукавке с Микки Маусом на груди. Просто не человек, а мечта о положительном человеке.



Люся еще не возвратилась с телефонной подстанции, а мать возилась в огороде. Мне показалось, что он меня давно ждет. Уж очень у него загорелись глазки, когда я вошел в большую

комнату. Он в тот же момент возник на пороге.

— Здравствуй, Костя, — сказал он ласково. — А я тебя жду. Что, трудный день выпал?

— Обыкновенный день.

Не будь его дома, я бы матери и сестре весь вечер рассказывал о Геракле. Но при нем у меня буквально рот не раскрывался.

— Что задержался?

Он ведет себя у нас в доме, словно жил здесь всегда. Ему так нравится. Я подозреваю, что ему в его Подмосковье некого было угнетать и учить. Вот и приезжает к нам отдыхать таким образом.

— Работал, — сказал я.

Я вдруг понял, что смертельно устал. День-то был фантастически длинным и с фантастическим приключением.

— А я рыбачил, — сказал он. — Гляжу с моря, а вся ваша экспедиция лежит на пляже. Представляешь? Никто не работает, все лежат на пляже. Мне далеко было, я не разглядел, был ты там или нет. Но ведь это все равно? Государство вкладывает огромные деньги в освоение нашего культурного наследия. И если люди, которые отвечают за это освоение, будут лежать на пляже, что станет с государством?

— Рухнет, — сказал я убежденно. Не объяснять

же ему, что у всей экспедиции был эмоциональный стресс?

— А ты заходи, заходи ко мне, — сказал Томат. Вы знаете — он если купается, потом завязывает волосы платочком, чтобы сохранять прическу?

Я зашел. Я понимал, что все эти слова — вступление к войне.

В его комнатке, здесь раньше жил отец, стоял его верстак, странное сочетание девичьего порядка и лавки старьевщика. У Томата страсть к вещам, которые могут пригодиться. Вот он идет с пляжа, волочит шар — стеклянный поплавок, который выкинуло на берег. Зачем человеку может понадобиться стеклянный поплавок?

— Это удивительная находка, — сообщит он нам вечером, за чаем. — Вы представляете, что из этого можно сделать?

Мы, разумеется, не представляем.

Тогда он подождет, насладится нашей тупостью и сообщит что-нибудь вроде:

— Мы прорезаем в нем отверстие и изготовляем светильник. Для нежилых помещений.

Не изготовит он этого светильника, но на весь вечер счастлив: приобрел. И вроде бы не больной человек, почти столичный житель, а иногда ведет себя как провинциальная баба. Садится

в машину (меня никогда с собой не берет), едет в Керчь: там что-то дают — от баб услыхал на базаре. Привозит японские плавки. Ну зачем ему японские плавки? Нет, давали! Он бензина истратит на десятку, еще куда заедет, еще чего возьмет, потом нам же будет говорить, что бензин такой дорогой, хорошо еще, он свои «Жигули» на семьдесят шестой переделал, с грузовиков покупает. И считает, сколько сэкономил. Ну, вы видите, я опять завелся: просто не люблю я такую породу людей. У него внутри все время идет процесс покупки и продажи. Заодно и тебя может продать.

— Вот, — сказал он, заведя меня в комнату. — Я в уголке помыл. Наверняка там есть внутренний слой. Представляешь, сколько это тогда будет стоить?

Он показывал мне на облезлую икону — у какой-то бабки на пути к нам выцыганил. Теперь любовался, скреб в уголке, надеялся, что там внутри есть какой-то шестнадцатый век. Я даже вспомнил слова Манина о реставраторах. Нет уж — скажешь ему, побежит в экспедицию, чтобы ему поглядели, что там внутри иконы. Какой она когда-то была. Неприятностей не оберешься. И стыдно. Все-таки как-никак моя пустоголовая сестра Люся имеет на него планы. И тут позор на

весь поселок.

Я вежливо поглядел на икону — можно угадать, что на ней изображена богоматерь. Ничего интересного.

— Да, кстати, — сказал Томат невинным голосом. И у меня все внутри оборвалось. — Ты случайно не видел мою пластинку?

Вот так он всегда начинает свои допросы.

— Какую пластинку? — Меня тоже голыми руками не возьмешь. Я вообще-то ненавижу врать, да и не нужно. А с ним как будто наступает игра без правил. Вру и не краснею.

— Пластинку ансамбля «Абба», приобретенную мною на пути сюда. Дефицитную пластинку, за которую в Москве дают не менее десяти рублей.

Надо сказать, что когда он начинает волноваться, то почему-то переходит на какой-то античеловеческий канцелярский язык. Это как бы сигнал для меня: «Внимание: опасность!»

— Видел, конечно, — сказал я. — Только не помню когда.

Вот так всегда. Стоит начать врать, дальше приходится врать все больше. Цепная реакция.

— Вчера вечером, когда мы с твоей сестрой Людмилой находились в кинотеатре, пластинка лежала в большой комнате на столе. У меня хоро-

шая зрительная память, Костя.

— Ну и что? — спросил я.

— Достаточно немного подумать, как это сделал я, чтобы прийти к безошибочному выводу, что пластинка была взята тобой для твоих неизвестных мне целей. Ну?

Я пожал плечами. Я на голову его выше, и если бы не мать и Люся, в жизни бы не пустил его к нам в дом. А теперь я злился на него втрое, потому что в самом деле был виноват. Надо было с самого начала сознаться и сказать, что выплачу ему деньги, пускай даже по этой самой подмосковной цене. А вот начал врать, теперь уже не остановишься.

— Более того, — сказал он совершенно спокойно. Так, наверное, удавы разговаривают с кроликами. — Вчера поздно вечером по возвращении из кинотеатра мне слышались звуки музыки, а конкретно именно ансамбля «Абба», доносящиеся со стороны школы, где поселилась ваша так называемая археологическая экспедиция.

— Не брал я вашей пластинки, — сказал я упрямо. Ну что мне оставалось сказать?

Тут я услышал, что пришла мать. Она зазвенела ведром в прихожей. Ну как, подумал я с надеж-

дой, прекратит допрос?

Ничего подобного. Мать догадалась, что я пришел, и прошла прямо к нам.

— Костя, — спросила она, — ты ужинать будешь?

И тут же почувствовала неладное. Она буквально экстрасенс. Все чувствует.

— Костя, — спросила она, — ты чего натворил?

— Ничего я не натворил, — сказал я. — Томат, то есть Федор, спрашивает меня, не видел ли я его драгоценной пластинки. А я ее не видел.

— Тем не менее, — сказал Томат зло и тихо. Видно, его оскорбило прозвище — он никогда еще не слышал, чтобы я называл его Томатом. — Тем не менее пластинка пропала вчера вечером со стола. И если Костя отказывается в том, что он ее похитил, мои подозрения неизбежно падают на других обитателей этого дома.

— Другими словами, — спросил я, — вы хотите сказать, что мать свистнула вашу пластинку?

— Костя! — возмутилась мать.

— Ни в коем случае я не намерен кидать подозрения на Лидию Степановну, к которой я отношусь с близкой, можно сказать, сыновьей нежностью. Я методом исключения доказываю, что пластинку взял ты.

— Или Люся?

— Твоя сестра находилась со мной в кинотеатре.

Нет, у него намертво отсутствует чувство юмора. Это непростительней, чем глупость.

— Ну ладно, — сказал я. — Пойду телевизор посмотрю.

— Костя, — сказала мать. — Ты что сделал с чужой пластинкой?

— Ну вот, — ответил я. — Сейчас еще явится Люся и добавит масла в огонь.

И, как назло, именно в этот момент явилась Люся и подлила масла в огонь.

— Что еще? — спросила она трагическим голосом.

Люси не похожа на нас с матерью. Мы белые, узколицые и легко загораем. А она черноволосая, в отцовскую родню, с большой примесью греческой крови. Заводится она с полоборота.

— Мы о пластинке, — сказал тихо Томат. Ну просто овечка.

Я понял, что, когда я вчера уже спал, он ей плешь проел этой пластинкой.

— Что? Не вернул? — спросила она.

— Я не брал, — сказал я.

— Врешь.



— Ой и надоели вы мне все, — сказал я в сердцах. Вообще-то я выдержанный человек. Но такое вот падение от счастья присутствовать при великом событии — дрязгах из-за пластинки, которой цена два рубля, — кого угодно выведет из себя. Особенно если ты признаешь, что сам во всем виноват.

— Мама, — сказала Люся трагическим голосом, и грудь ее начала судорожно вздыматься, — мама, я не вынесу. Это такой позор!

— Товарищи, — сказал тогда Томат. Он своего добился, муравейник разворошен. — Я постараюсь забыть об этом происшествии. Я полагаю, что пластинка была похищена у Кости и он, как подросток, не приученный к высоким нормам морали, в чем я не упрекаю вас, Лидия Степановна, которой приходится воспитывать детей без помощи отца, боится в этом сознаться. Я переживу эту болезненную для меня потерю…

— Костя, — рыдала Люся, — как ты мог!

Я понимал, ей казалось, что сейчас ее драгоценный Томат соберет свой чемодан — и не видать ей Подмосковья как своих ушей.

На этом этапе беседы я ушел из комнаты и хлопнул дверью. Хватит с меня. В самом деле. Переночую у Макара. А в крайнем случае в школе

с археологами. Они еще пожалеют, что меня выгнали из дома. Хотя я, конечно, в глубине души понимал, что никто меня из дома не выгонял.

Макар еще не спал. Он, к счастью, был даже не дома, а сидел на скамейке у ворот. Я знаю, он любит так сидеть, потому что в доме всегда душно и жарко, его отец боится сквозняков, к тому же за день соскучится дома и начинает разговаривать, вспоминать прошлое, и Макар от этого сбегает. Он на этой скамейке, может быть, уже в общей сложности года три просидел. Дом у них крайний на улице, отсюда со скамейки виден залив и мыс Диамант. Зрелище удивительное.

— Ты чего? — спросил он тихо.

— Пришел просить политического убежища, — сказал я. — Заели.

— Люся?

— Люся, но больше, конечно, ее Томат.

— Потерпи, он скоро уедет, — ответил мой разумный Макар.

— Боюсь, что на этот раз решит навсегда к нам переселиться. Может быть, он даже готовит операцию по моему изгнанию из дома.

— Я бы не удивился, — сказал Макар спокойно, и от его спокойствия мне стало тошно. Я, надо сказать, очень люблю свою мать и сестру. К отцу

я равнодушен, он приезжал к нам в прошлом году на три дня. А так отделывается алиментами и подарками к празднику. Но мать с сестрой я люблю. Поэтому так психую из-за Томата. Люсю жалко.

— Я бы ее за кого-нибудь из археологов отдал. Она красивая, — сказал я.

— Борис женат, — ответил Макар. — Донин тоже. А остальные младше ее.

— Знаю, — ответил я.

— А из-за чего война?

Я ему рассказал про пластинку. Правду рассказал.

— Сам виноват, — сказал Макар, когда я кончил. — Надо было сразу взять огонь на себя.

— Теперь поздно.

— Признаться никогда не поздно, — ответил Макар, а потом стал говорить, что Донин обещает его взять к себе в институт, и о том, какой Донин гениальный. Как будто моя история с пластинкой не имела жизненного значения.

И я слушал его, представлял себе, что творится дома. Как рыдает моя дуреха Люся, как молчит мать. Рожу Томата представлял. Убить его был готов. И вот тогда мне в голову пришло решение. Оно, наверное, сидело у меня в голове уже давно, но кристаллизовалось только сейчас.

— Слушай, Макар, — сказал я. — Ты эту машину уже хорошо знаешь?

— В каком смысле?

— Ты мог бы ее сам запустить?

— Это несложно.

— И мог бы такого Геракла сам восстановить?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Сложность в настройке. Боюсь, мне одному не настроить.

— Ну а если не настроишь?

— Могут произойти ошибки.

— Но вообще-то можешь?

— А что тебе?

— Я понял, что надо сделать. Я сейчас схожу домой, принесу эту пластинку, а ты ее починишь.

— Как?

— Ну, сунешь ее в машину и восстановишь. Ведь пластинка помнит, какой она была недавно.

— Нет, — сказал Макар, подумав немного. — Донин не разрешит.

— Разумеется, не разрешит, — согласился я. — А ты его не будешь спрашивать.

— Ты с ума сошел! Ты что хочешь, чтобы я машину сломал?

Я понял, что надо попробовать другой подход.

— Пойми, Макар, — сказал я. — У тебя такой возможности, может, больше и не будет. Я тебе даю возможность самому провести эксперимент мирового значения. Неужели тебе не интересно самому попробовать?

— Нет, неинтересно.

— Врешь. Я же знаю, какой ты азартный. Я помню, как ты поспорил, что приемник починишь дяде Христо. «Телефункен», трофейный, на который все давно рукой махнули, потому что ламп нет. А ты два месяца возился, так его переделал, что наши лампы подошли. Разве забыл?

— Но приемник мне сам дядя Христо дал. А установку нельзя. Она вообще одна в мире.

— А я что, прошу ее сломать? Я прошу помочь мне и моей сестре Люсе. Ты не представляешь, в каком она состоянии.

Мои последние слова были нечестными, коварными и гадкими. Я бил ниже пояса. Мой друг Макар уже скоро год как безнадежно влюблен в мою родную сестру, но не скажет об этом даже под пытками. Только потому, что я его наблюдаю каждый день, я знаю, что это так. А Люся его не замечает. А как она может его замечать, если она не понимает, что он — технический гений, а для нее он только дружок ее младшего братишки, то

есть мальчик, малыш, младенец.

— При чем тут Люся? — сказал Макар.

— А при том, что этот Томат ее охмуряет. И сейчас, если пластинку мы не вернем, он сделает так, что она станет его союзником против меня. Он — страдалец, понимаешь? А я негодяй! Мы обязаны выбить это оружие из его подлых рук.

Макар замолчал надолго, и поэтому я побежал домой, влез к себе через окно — никто не заметил. В доме было тихо, как бывает, когда пришла беда. Я вытащил из-под кровати пакет с обломками пластинки и побежал обратно, к Макару, чтобы сомнения его не одолели.

4

В школе все уже спали. Экспедиция, если нет какого-нибудь праздника или мероприятия, ложится рано. В школьном дворе не было ни души. Макар мрачно молчал. Он не одобрял наших действий, но ничего не мог поделать. Получалось, как будто его попросила сама Люся, ну и дружба наша тоже играла в этом не последнюю роль.

Правда, операция чуть было не провалилась из-за пустяка. Гараж был заперт, и ключа у нас не было. А идти красть его у Кролика было невоз-

можно. Пластинка такого риска не стоила.

Тогда я нашел выход из положения. Я обошел гараж и увидел, что с обратной его стороны под крышей есть окошко. Я отыскал лестницу, оставил Макара на страже, сам залез наверх и, перебравшись по балкам вперед, спрыгнул на пол у самой двери. На наше счастье, замок в гараже был не навесной. Он открывался изнутри. Я отворил дверь. Макара не было видно.

— Макар, — позвал я его.

Темная тень отделилась от стены школы. Уже почти совсем стемнело, — оказалось, за боями и разговорами прошел весь вечер.

— Ну что тебе? — прошептал Макар.

— Заходи, — сказал я, — гостем будешь.

В этот момент скрипнула школьная дверь. Кто-то выходил на улицу. Я еле успел втащить в гараж неуклюжего Макара и захлопнуть дверь. После этого нам пришлось просидеть больше часа в темноте, выслушивая бред, который нес один из студентов одной из студенток, который, оказывается, был в нее еще с зимы влюблен, страшно ревновал ее к какому-то Ричарду, оставшемуся в Москве, и, кроме того, хотел обсудить с ней вопросы мироздания. Хорошо еще, что его возлюбленную заели комары (которые и нас не

жалели), и в конце концов они ушли со двора.

Настроение Макара упало ниже нуля. Ему хотелось только одного — скорей вернуться домой. Мне почти силком пришлось волочить его к пульту, самому отыскивать поднос. К тому же он боялся зажигать свет, и с каждой минутой ему становилось все более жалко установку и все меньше — меня и Люсю. А я находился во власти упрямства. Мне казалось тогда, что, не восстанови мы пластинку, весь мир обрушится. Я понимаю, как все это нелепо звучит для постороннего человека. Какой-то подросток испугался справедливого возмездия из-за пустяка и ради собственных эгоистических выгод решил под угрозу поставить эксперимент мирового значения.

Теперь-то я и сам это понимаю. Но в тот момент совершенно не понимал. Я был как танк. А Макар попал мне под гусеницу.

Когда машина зажужжала, мне показалось, что она шумит так сильно, что сейчас все прибегут из школы. Макару тоже так показалось. У него буквально руки опустились. Я опомнился быстрее.



— Дурак, — сказал я ему. — Чем дольше мы здесь сидим, тем больше опасность, что нас застукают. Давай действуй.

Макар молчал. Надулся. Он считал меня извергом и мерзавцем. Таким я и был, конечно.

Я высыпал на поднос осколки пластинки, и Макар подошел к пульту, чтобы откалибровать слой воспоминаний.

Свет мы включили не весь, только лампочку под потолком. Картина была зловещая.

Самое трудное оказалось — ждать, пока что-нибудь получится.

Я уж даже смирился с мыслью, что ничего не получится. Я стоял у двери, выглядывал сквозь щель, не идет ли кто-нибудь.

Почему-то на втором этаже загорелось окно. Я замер. Я представил, как Донин встает с постели, спускается во двор… Я смотрел на дверь и ждал, когда она откроется. И даже не услышал, как замолчала установка и голос Макара, хриплый, будто простуженный, сказал:

— Бери свою чертову пластинку и пошли.

Я даже подпрыгнул от неожиданности.

За моей спиной стоял Макар и протягивал мне совершенно целую пластинку.

Я еще сохранил достаточное присутствие духа, чтобы поглядеть на этикетку. Этикетка была в полном порядке. «Ансамбль «Абба», Швеция. Апрелевский завод грампластинок. Фирма «Ме-

лодия». Все как надо. Потом взял со стола конверт с четырьмя певцами, которые одинаково улыбались, осторожно сунул в него пластинку и первым вышел из гаража.

Макар захлопнул дверь и сказал мне:

— Спокойной ночи.

И быстро пошел вперед не оглядываясь. Был зол на меня и на себя. Я его понимал. Но догонять не стал. Мне надо было идти осторожно. Лучше сломать ногу, чем еще раз разбить пластинку, которая так дорого обошлась.

Должен сказать, что никакого раскаяния я не чувствовал. Хотя был вдвойне, втройне преступником. Не только сам, но и друга толкнул на преступление.

Но, наверное, даже у самых закоренелых преступников бывает период морального облегчения. Когда они надеются, что совершили самое последнее преступление, что теперь начнут светлую, чистую честную жизнь. Что небо расчистилось от туч. Но обычно преступник такого рода ошибается. Ему кажется, что о преступлении можно забыть. Но тяжелая костлявая рука прошлого тянется за ним и толкает к новым бедам. Так случилось и со мной.

Я вернулся домой, когда наши пили чай. У нас

чай пьют поздно.

В большой комнате гудели, мирно переливались голоса. Я остановился в прихожей. Наш кот посмотрел на меня строго, потом сиганул на бочку с водой, чуть в нее не свалился. И я тогда еще подумал — ну почему я не свалил преступление на безгласного кота? Ну бросил бы пакет с разбитой пластинкой на пол и стоял бы на том, что виноват кот. Что коту? Коту на наши подозрения плевать. Ну ладно, дело сделано. Куда теперь положить пластинку, чтобы ее завтра нашли?

В прихожей оставлять ее нелепо. Ага, понял!

Я вышел на улицу, подошел к окну комнаты Томата, окно было приоткрыто. Я осторожно растворил его, подтянулся, влез в комнату и беззвучно положил пластинку под кровать Томата. Я вспомнил, что завтра мать на работу не идет, начнет, как всегда, уборку, выметет пластинку из-под кровати Томата и наш жилец будет посрамлен.

Сделав все, как задумал, я вновь вошел в дом, спокойно проследовал в большую комнату и сказал нормальным голосом:

— А мне чаю дадут?

Мое появление заставило их замолчать. Они никак не ожидали, что я вернусь таким спо-

койным и даже веселым. Люся окинула меня уничтожающим взглядом, а мать молча достала из буфета чашку и налила мне. Томат смотрел мимо меня, общение с таким низким существом доставляло ему неудовольствие. Но я-то был спокоен. Ведь я был единственным здесь, кто знал, чем кончится завтра наш детектив. И как человек с дополнительным знанием, мог сдержанно улыбаться.

А матери хотелось, чтобы дома был мир и порядок. Чтобы все друг друга любили. Она всегда устает, она всегда в заботах, даже теперь, когда мы выросли и нет в том большой нужды, она все равно носится по жизни как угорелая и ей кажется, что завтра мы останемся голодными или необутыми.

— Вот я Федору Львовичу предложила, — сказала она, глядя на меня материнским взглядом, — что я с получки отдам всю стоимость. А он отказался.

— Никогда, — сказал Федор.

— Мама, ну что за чепуху ты несешь! — воскликнула Люся, которая почти совсем разучилась разговаривать с матерью нормальным голосом.

— Да не волнуйся, мама, — сказал я. — Найдется эта пластинка.

— Может быть, — произнес задумчиво Томат. — Я уже высказал подозрение, что Костя подарил ее какому-нибудь своему дружку, и если дружок изъявит добрую волю, он может вернуть ее обратно и незаметно куда-нибудь подсунуть.

— С него станется, — поддержала своего кавалера Люся. — А потом, когда Федор Львович после всех переживаний наткнется на нее, мой братишка с чистым взором заявит, что в глаза ее не видел.

Как они были близки к истине! У меня даже пальцы на ногах похолодели. Черт возьми, ведь завтра ее найдут и скажут: мы же предупреждали! И стоило тогда идти на такие приключения! Лучше бы свалить на кота, и дело с концом. Но я взял себя в руки и ничем не показал своего расстройства. И был благодарен матери, которая по своей должности примиренца перевела разговор на наши дела.

— Уж ваша экспедиция, — сказала она. — Договор с совхозом заключили на продукты, а деньги не переводят. Наш Филин собирается в Симферополь писать. У них в экспедиции такой счетовод, просто удивительно, что из Москвы.

— Мама, ты опять о пустяках, — сказала Люся раздраженно.

— А что же тогда не пустяки? — спросила мать.

— Моральный уровень моего брата!

— Ого, чужим языком заговорила, — сказал я печально. Потому что печально слышать такие слова от собственной сестры. Как будто предательство от собственных солдат в разгар боя.

— Я полагаю вопрос исчерпанным, — сказал вдруг Томат. Не знаю, почему он решил нас примирить. — Есть много других тем для разговоров.

Но тем как-то не находилось. Мы пили чай в молчании. Я уже собирался идти спать, как Люся стала при мне рассказывать Томату, что в экспедицию привезли машину, весь гараж заняла. А машина эта будет заниматься склейкой всяких статуй, которые найдут.

— Зачем? — удивился Томат. — Зачем нужна машина, если можно обойтись клеем? — И он посмотрел на меня.

— Не склейкой, — сказал я, — а реставрацией.

— Это очень любопытно. А по какому принципу?

— Вы у Макара спросите, — сказал я, — он на ней работает.

— Ну уж чепуха! — сказала Люся. — Твой Макар малахольный. Он в восьмом классе учится.

— Интересно, что сказал бы Пушкин, если бы ты отвергла его стихи, написанные еще в лицее, — сказал я.

— Пушкин — гений, — ответила Люся. Пушкина она читала только то, что задавали в школе. Правда, память у нее хорошая, лучше моей, и она все это помнила наизусть. И могло показаться, что она и в самом деле понимает. А что он гений, это ей тоже в учебнике написали.

После этого я не стал больше отвечать на вопросы Томата, потому что и не смог бы ответить. Но сказал, что хочу спать. И ушел.

5

На следующий день поднялся горячий ветер, на раскоп несло пыль, работать было совершенно невозможно. Манин посадил нескольких человек в зале на первом этаже, разбирать находки и заниматься описанием. Геракл, поражающий гидру, стоял посреди комнаты на столе, и все могли им полюбоваться. Что удивительно, на нем не было ни одной трещинки. Выбоины были, потому что не нашлось некоторых деталей, а трещин — ни одной.

После обеда, раз уж ветер не кончался, мы

поиграли в шахматы, подождали и разошлись по домам пораньше. Только Макар остался с Дониным у машины. Я весь день опасался, что кто-нибудь догадается, что машиной пользовались. Но никто ничего не сказал. Макар был мрачен, словно туча, и со мной не разговаривал. Ну и я его не беспокоил. В конце концов, он взрослый человек, знал, на что идет.

Домой я возвратился часа в три. Томата еще не было, он уехал в Керчь, наверное, там чего-нибудь давали. На столе в большой комнате лежала пластинка. Мать сообщила мне, что нашла ее под кроватью у Томата, когда убиралась.

— Как хорошо, — сказала она. — А то я беспокоилась. Ведь такая ценная вещь.

Потом сделала красноречивую паузу и спросила:

— Ты ее туда не клал?

Сил врать у меня уже не осталось, поэтому я только отрицательно покачал головой.

Не знаю, поверила ли мне мать или нет, но я пошел к себе, лег на кровать и стал читать третий том историка Соловьева. Очень интересно. Правда, я все время отвлекался. Я думал о машине, о том, какой в общем неплохой человек Макар, и как машину будут использовать дальше. У меня

даже появились кое-какие идеи, и я не услышал, как вернулся мой дорогой Томат.

Угадал я, что он приехал, по его удивленному возгласу:

— Откуда здесь эта пластинка?

И голос матери:

— Федор Львович, какое счастье. Знаете, где я ее нашла?

— Догадываюсь, — сказал Томат. — Костя принес ее обратно.

— Вот и не догадались! — Мать старалась спасти честь нашего семейства. — У вас под койкой лежала. Видно, упала, и вы не заметили.

Томат откашлялся. Я с интересом ждал, что он скажет.

— Возможно, — сказал он. — Возможно, и под кроватью. Но дело в том, что я вчера производил розыски пластинки в разных помещениях. В том числе заглядывал и под кровать. Могу вас заверить, что сделал это тщательно.

— Но она же лежала!

— Как вчера правильно заметила Людмила, — сказал этот негодяй, — в характере вашего сына было подбросить мне похищенную вещь, чтобы избежать справедливого наказания.

— Ну знаете! — Я изобразил возмущение, но оно

было не очень, как вы понимаете, искренним.

Я встал и вышел из комнаты, чтобы лицом к лицу встретить бурю.

Но бури не было. Томат стоял, внимательно разглядывая конверт, в котором была пластинка. Затем подцепил пальчиками ее за край и вытащил на свет. Пластинка приятно поблескивала под лучом солнца, проникшим в окно. Наконец он удовлетворенно сказал:

— Вытер. Надеюсь, что не грубой тряпкой, которая может оставить микроцарапины на поверхности диска.

Я ничего не ответил. Мой ответ он бы тут же объявил признанием вины.

— Ну ведь хорошо все кончилось, правда? — спросила мать, и мне захотелось закричать, чтобы она не оправдывалась перед Томатом, не унижалась перед ним.

— Сейчас проверим, — сказал Томат, открыл наш проигрыватель и включил его. Я смотрел на него как мудрец на ребенка. Пусть он цепляется за свои погремушки. До чего, подумал я, мир разобщен и неправильно устроен. Пройди десять минут по свежему воздуху — и ты окажешься рядом с гаражом, где стоит машина, способная изменить к лучшему жизнь всего человечества.

А здесь сидит мелкий собственник из Подмосковья и сейчас будет проверять, не потерял ли он двадцать копеек на качестве своей пластинки.

Для меня важнее — прогресс человечества. Для него — двадцать копеек.

Мне бы уйти к себе, читать Соловьева, но я остался в комнате. Мать тоже осталась, хотя собиралась готовить обед. Мы были как прикованы к этому проигрывателю. Как свидетели на допросе.

— Мани-мани-мани, — пели шведские певцы. Разумеется, у них, в капиталистическом мире, это и есть основная ценность. Но мы же выше этого!

— Мани-мани-мани…

Томат был недоволен. Я его понимал. Ему приятнее было бы услышать треск и всяческие неполадки. А так даже не пострадаешь… Вдруг звук песни оборвался, и началась бесконечная пауза. Томат прямо подпрыгнул на стуле. Ох, он сейчас начнет страдать. Что же произошло? Вроде мы все делали правильно.

— …Мленное солнце нежно с морем прощалось, в этот час ты призналась, что нет любви, — запел вдруг противный сладкий голос.

— Чего? — спросил Томат и поглядел на меня.

— Не понимаю, — сказал я искренне.

Тут его слова оборвались и снова загремел оркестр на тему мани-мани-мани. Но ненадолго. Почему-то мани начали перебиваться фортепьянными аккордами. Могучими аккордами, а потом совсем отступили в сторону, исчезли и загремел шаляпинский бас. Он сообщил нам, что клевета торжествует по всему свету и справиться с ней нет никакой возможности.

— Это что такое? — почему-то Томат обратился с этим грозным вопросом к моей матери. А мать ничего лучше не придумала, как предположить:

— Может, брак? Заводской брак, ведь это бывает?

— Брак? А кто вместе со мной с первой до последней строчки прослушивал эту пластинку еще два дня назад? Не вы ли вкупе с вашим сыном и Людмилой? Неужели вы забыли, что два дня назад пластинка играла в совершенстве? Бе-зу-ко-риз-нен-но!

Мысли во мне носились, как стая перепуганных мух. Что случилось? Ведь это была та самая пластинка. Никакого сомнения в этом. Я не вынимал из пакета осколков. Только когда высыпал их на поднос. Что говорил Манин о слоях памяти? У вещей есть несколько слоев? Сначала память о том, что было вчера, потом память о более ран-

нем состоянии? Неужели мы ошиблись? То есть это разгильдяй Макар ошибся? Нет, легче всего теперь упрекать Макара. Сам потащил — и сам недоволен.

— Костя, может, ты знаешь? — спросила меня мать. Как ей хотелось, чтобы все обошлось.

— Ничего не знаю, — буркнул я.

— А я знаю, — сказал Томат уверенно. — Константин погубил мою пластинку, а потом нашел где-то другую, бракованную. Именно так. Это не моя пластинка.

— Ваша, честное слово ваша! — Тут я мог дать честное слово. Потому что пластинка и в самом деле была его.

— Мне грустно, — сказал Томат, — мне грустно сознавать, насколько человек может изолгаться в таком юном возрасте. Простите.

И ушел, даже не сняв пластинку с проигрывателя. Как Наполеон после битвы при Ватерлоо.

— Костя, ты в самом деле… — начала было мать.

Я не ответил. К чему все эти оправдания? Я снял пластинку с проигрывателя и понес к свету, чтобы посмотреть, нет ли на ней трещин или швов. Ничего подобного. Наверное, надо смотреть под микроскопом. Правда, мне показалось,

что в некоторых местах бороздки были пошире, в других — поуже.

— Ты чего? — раздался голос под окном.

Там стоял Макар.

— Ты мне и нужен, — сказал я. — Погоди, я к тебе выйду, дома не хочу говорить.

— Он? — спросил Макар.

— В частности.

Я взял с собой пластинку, махнул через подоконник. Я забыл спросить, зачем он ко мне пришел. Так и не узнал.

События начали развиваться с такой быстротой, что было не до вопросов. Наверное, и сам Макар забыл, зачем шел.

Макар как увидел пластинку, сразу понял, что дело неладно, но ничего не спрашивал, пока мы не зашли за сарай, где у нас давно, уже лет шесть, как дружим, было свое потайное место. Там лежало старое бревно, наполовину вросшее в землю. Рядом возились куры, негромко переговаривались на своем курином языке.

Я рассказал Макару, что случилось дома. Он взял пластинку, долго рассматривал ее, поворачивая к свету. Потом сказал:

— Твое предположение верно. Когда мы вели восстановление, шкалу я рассчитал неточно. Сам

виноват. Задели внутренние слои.

— Но почему на пластинке старые песни? Ведь ее делали на заводе совсем недавно.

— Это все шеллак, — сказал Макар. — Очень редкая смола. Мы ее ввозим. Поэтому бой пластинок до недавнего времени сдавали в палатки вторсырья, и из них делали новые. Как книги из макулатуры. Значит, когда-то наша пластинка была другой. Может, в ней были куски пластинок, на которых пел Шаляпин или еще кто. Вернее всего, так и было. А настройка машины — дело нелегкое. И я ошибся. Так что, если хочешь, я пойду к твоему Томату и расскажу ему, что я во всем виноват.

— И что же ты ему скажешь? — спросил я не без ехидства.

— Все. Как ты случайно разбил его пластинку, как мы решили ее починить на установке и как ошиблись. Элементарно.

— Элементарно для другого человека. Но не для Томата. Где гарантия, что он не побежит к Манину и не доложит ему, что мы с тобой фактически совершили преступление?

— Зачем ему?

— От склонности к порядку. А потом меня вышибут из экспедиции, и не видать мне истфака

как своих ушей, а тебя не возьмут в институт к Игоречку. Вариант?

— А что же делать?

— Скажи, вот я подумал, а нельзя ее снова в машину загнать?

— Пластинку?

— Чтобы вернуть ее к самому свежему слою. Понимаешь?

— Понимаю, но бессмысленно. Думаю, пройдет еще несколько лет, прежде чем машина научится гулять по слоям, как по комнате. Это все равно как если бы ты потребовал от токарного станка, чтобы он обточил деталь, а потом обратно вернул нам заготовку.

— Жалко. Придется тогда мне терпеть нападки этого Томата. А он, можешь поверить, еще поиздевается надо мной. И жалко, отношения с Люсей мне испортит. Это он сможет. Знаешь, эти женщины совершенно не так устроены, как мы с тобой. У них вся шкала ценности перепутана…

— Не надо было нам начинать с пластинкой, — сказал Макар.

— Сделанные ошибки трудно исправить, — сказал я умную фразу. Не то сам ее придумал, не то вычитал где-то. — Легче не совершать новых.

И тут мы услышали совершенно спокойный

голос:

— Я тоже так думаю.

Томат вошел в наш тайный закуток. Предвечернее солнце золотило редкие волосы на его голове, лицо его было красным и блестело.

— Вы что, подслушивали? — возмутился я.

— Это далеко не самый тяжелый грех, — сказал Томат. — Я не подслушивал, я услышал. Случайно я проходил мимо сарая и услышал ваши голоса. То, о чем вы говорили, было настолько интересно, что я, сознаюсь, остановился и стал слушать дальше.

— Из-за сарая не слышно, — сказал я, но это были лишние слова. Что будешь делать?

Поэтому я протянул ему пластинку и добавил:

— Конверт остался на столе. Я согласен вам заплатить за нее по любому курсу, по государственному или по спекулянтскому, как вы сочтете нужным.

— Очередная грубость, — сказал Томат, но пластинку взял. Он стоял, нависая над нами, очень чистый, спокойный и неотвратимый, как четвертная контрольная по алгебре.

— Пошли, что ли? — сказал я Макару.

— Пошли, — сказал тот.

— Погодите. Значит, вы считаете, что машина,

которая стоит в вашей экспедиции, восстановить пластинку не сможет?

— Нет, — сказал Макар.

— Помолчи, — сказал я.

— Ваш товарищ прав, — посмотрел на меня Томат. — Он понимает, что дальнейшее укрывательство безнадежно. Если ты не прав, имей мужество в этом сознаться.

— В чем сознаваться?

— В том, что вы воспользовались принадлежащей государству ценной и, вернее всего, секретной установкой в корыстных целях.

— Так чего в них корыстного? — я даже удивился.

— Избежание наказания. Изготовление предмета стоимостью в несколько рублей. Не надо, мне все ясно.

Я тоже поднялся, я был выше его, и оттого, что он в два раза меня старше, мне нельзя было применить насилие. Ну вы понимаете, в каком смысле. Но вид у меня был грозный.

— Вы что, донести собрались? Давайте, — сказал я.

— Вас жалею.

— Нет, доносите, мне нечего терять.

Вдруг он повернулся и ушел. Сам ушел. И это

было совершенно непонятно.

Мы с Макаром буквально обалдели.

Потом я выглянул из-за сарая. Я подумал было, что он отправился в экспедицию. Сообщать. Ничего подобного. Он вошел в дом. Может, сделает это позже?

Настроение у нас с Макаром было поганое. Даже обсуждать эту историю не хотелось. Два мальчика, этакие лопоухие, нашкодили, а дяденька их поймал.

Когда Макар уходил, я сказал ему вслед:

— Даже не представляю, как я завтра на раскоп пойду.

— Я тоже, — сказал Макар.

6

Весь вечер я поглядывал на Томата. И когда он в сумерках вышел из дома, я подошел к забору проследить за ним. Но оказалось, Томат пошел к Федотовым, за молоком. Он пьет молоко только от федотовской коровы, говорит, что в нем выше жирность. Иногда за молоком заходит с работы Люся, но в тот день она снова задержалась. Я стоял у забора до тех пор, пока он не вышел с банкой обратно и не отправился к дому. Нет. Ничего не

произошло.

Но успокоиться я не мог. Тяжелые предчувствия, как пишут в романах, меня не покидали. Этот Томат должен был что-то натворить. Что-то варилось в его гладкой голове. И разумеется, нам с Макаром будет плохо. Я не строил иллюзий.

Раза два вечером я заглянул к нему в комнату. На проходе. Он сидел за столом, разглядывал свою икону, я даже подумал, не хочет ли он ее восстановить? Но восстанавливать там было нечего. Икона его была как новенькая. Он же мне сам показывал. У меня, как видите, уже тогда возникло подозрение, что такой человек, как Томат, захочет воспользоваться информацией. И, может, даже решит меня шантажировать. Но у него, насколько я понимал, не было никакой с собой вещи, которую он мог бы восстановить по ее памяти. Не ехать же ему в его Подмосковье. А раз так, то его замысел заключался в чем-то ином. И самое гадкое то, что я не смог догадаться. Даже голова разболелась.

За ужином не было никаких разговоров о пластинке. И мать молчала. Так что Люся даже и не узнала о том, что пластинка оказалась дефектной. Томат говорил о погоде, о ценах на рынке и потом принялся пересказывать какой-то двухсерийный

индийский фильм, который видел в Москве.

Со стороны посмотришь — все мирно. Идеальная семья сидит за вечерним чаем. Но все во мне было напряжено.

Надо сказать, что у меня есть одно свойство организма. Может, оно иногда бывает полезным, но в тот день оно сыграло со мной дурную шутку. Если у меня нервный стресс, то я хочу спать. Я однажды на экзамене заснул, потому что не знал билета. А когда тетка умерла, я ее очень любил, то я целые сутки проснуться не мог. Так вот, в тот день после ужина я вдруг почувствовал, что меня тянет в сон. Что мне хочется заснуть сейчас, а утром проснуться, чтобы ничего уже не было, чтобы все обошлось.

Я решил — полежу немного, но спать не буду.

Лег и заснул.

И во сне мне все время снилось, что Геракл борется с гидрой, только гидра эта живая и все ее головы похожи на Томата.

А я — Геракл и рублю, рублю эти проклятые головы, а на их месте вырастают новые и что-то мне доказывают с сокрушенным видом, вроде говорят: «Нехорошо, Костя, отрубать головы человеку, который вдвое тебя старше и обитает в Подмосковье».

И тут я проснулся. От внутренней тревоги, которая пересилила сонливость.

Я был почти убежден — что-то случилось.

Я вскочил, натянул брюки и кеды и на цыпочках прошел к комнате Томата. Дверь в нее была закрыта. Я ее открыл. Томата не было. Я и не ждал, что он спит. Я был уверен, что его нет.

Я вышел из дома, тихо, чтобы никого не разбудить. На улице тоже было тихо. Светила луна. Времени было больше часа ночи. От луны по морю тянулась длинная прямая дорога.

Я пошел было к школе. Но через несколько шагов остановился.

Я рассудил, что Томат, даже если решил что-то сделать, один к машине не полезет. Он же не знает, как машина работает. Значит, он побежит к Макару. В случае, если решил воспользоваться установкой. А если нет? Чтобы жаловаться на нас, не надо ждать ночи, чтобы чем-нибудь еще заняться… а чем, простите, можно заняться в нашем поселке в час ночи?

И я побежал к Макару.

Окно в его комнату было открыто. Я прислушался. Было слышно, как вздыхает, всхрапывает во сне его отец. Но дыхания Макара я не уловил. Я подтянулся, заглянул в комнату. Кровать Мака-

ра была разобрана. Самого его не было. Худшие мои предчувствия оправдались. Значит, пока я безмятежно смотрел сны, здесь побывал Томат, каким-то образом заставил Макара пойти с ним к установке, а теперь они восстанавливают… но что?

Пока я пробежал весь поселок, то запыхался, разбудил всех собак, которые подняли истерику — в Таганроге слышно. Поближе к школе я перешел на шаг — зачем будить экспедицию?

Я отлично представлял себе, что между ними произошло. Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом. Мой Макар приблизился к своей мечте. Он увидел настоящую Машину, он встретил Донина. Ему даже обещали, что возьмут в институт. Макар был как зерно в земле, которое лежит, ждет своего часа, ждет, когда пригреет солнце, и потом начинает расти — и его уже ничем не остановишь. И вот к нему приходит этот Томат. Что-то Томату нужно. И Томат ему говорит: если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я тут же сообщаю обо всем Донину. Тебя, голубчик, выгоняют из экспедиции, и так далее. А если сделаешь, никто не узнает и все будут друг друга любить… Вообще-то, как потом выяснилось, в своих рассуждениях я был прав. Именно так и

случилось.

Томат явился к нему в половине двенадцатого. Макар не спал. В отличие от меня у него сонного комплекса нету. Он читал и переживал от неизвестности. Он ждал этого Томата. Он, как и я, рассудил, что тот ушел не зря. Вернее, Макар не знал точно, кого ждать — Томата или разъяренного Донина. В половине двенадцатого Томат постучал к нему в окно и вызвал на улицу. На улице он сказал, что ему требуется от Макара одна небольшая услуга. Запустить на десять минут машину. Макар, естественно, наотрез отказался. Тогда он напомнил Макару, что прошлой ночью он уже ее запускал. «Но ради друга!» — пытался сопротивляться Макар. «И теперь, — сказал Томат, — тоже ради друга и ради тебя самого. Ты знаешь, что достаточно рассказать экспедиционному начальству, что вы с Костей натворили, и придется вам с экспедицией прощаться навсегда. И еще платить за ущерб». Он, Томат, знал, какое плохое денежное положение у Макара, и бил по самым больным местам. Макар все равно сопротивлялся, как спартанец при Фермопилах, но был обречен на гибель. Томат был беспощаден — ему нечего было терять, а приобрести он, как ему казалось, мог много. Я так думаю, что у некоторых

людей в жизни такая ситуация бывает — надо выбирать между своей честью и своей любовью. И Макар, как большинство, выбрал любовь. Видно, ему показалось, что все еще обойдется. Тем более что Томат объяснил ему доступно, что моя судьба тоже в его руках. Вот мой толстый и гениальный Макар покорно поперся к школе.

По дороге возбужденный, трепещущий от предвкушений Томат показал ему свою икону — ну, ту самую, что получил от бабуси и теперь таскал с собой. Он сказал, что убежден, что в этой иконе есть внутренний слой, в смысле старая запись. Может быть, шестнадцатого века, и потому эта икона совершенно бесценная. Он даже при лунном свете показывал Макару эту икону, переворачивал ее обратной стороной и утверждал, что доска очень старая, черная, гнутая. Макар, конечно, ничего в этом не понимал, он шел и проклинал себя. И ничего не мог придумать. И постепенно в Макаре рос гнев. Макар медленно зажигается, но если зажегся — его не остановишь, в этом отношении он как носорог. Томат этого не знал и думал, что он уже победил.

Наверное, вы подумаете, до чего все неинтересно получается. Вы думали, что у Томата какой-то грандиозный план, что он задумал какое-нибудь

преступление. А тут — какая-то сомнительная икона. Но, во-первых, у Томата, кроме этой иконы, не было ничего достойного восстановления. А во-вторых, запомните, что Томат — никакой не преступник, просто не очень приятный человек, корыстный, зануда, но никакой не преступник. Он всегда старается воспользоваться выгодными обстоятельствами. И очень спешит при этом. Потому он так и не разбогател. И не разбогатеет. Масштаба у него нет.

К тому времени, когда я добрался до гаража, самое главнее уже произошло. Машина была запущена, а икона на подносе уже была заложена в нее.

Поэтому когда я заглянул в щель двери гаража, то увидел, что, освещенный лампочкой под потолком, стоит у пульта Макар. По его спине было мне понятно, как он взбешен и растерян. Неподалеку стоял Томат и не отрываясь смотрел на руки Макара, словно мог его проконтролировать.

Я не вошел сразу. Несмотря на то что я все знал заранее, оказалось, что я совершенно не представляю, что надо делать дальше. Вот я угадал, остановился, смотрю на них сквозь щель и не двигаюсь.

Машина щелкнула, и Макар ее выключил.

— Все, — сказал он и обернулся к Томату. И вдруг я увидел, что в его глазах горит опасный огонек. Я бы назвал его огнем торжества. Огнем благородного безумия. И ему в этот момент было плевать на институт, на научное будущее — на все. Он победил.

От удивления я не заметил, как отворил дверь и вошел в гараж. Но все так волновались, что меня не услышали и не заметили. Что же такое удалось сделать Макару, что он победил этого Томата? Чему он радуется?

— Давай! — сказал хриплым шепотом Томат. Его обычно приглаженные волосы растрепались, руки дрожали — он был кладоискателем, который вот-вот откроет крышку сундука. И я понял, что если все у него пройдет нормально, он никогда не остановится. Он будет отыскивать еще и еще для нас задания и каждый раз будет нас пугать…

Макар нажал кнопку, поднос медленно выехал из чрева машины.

Вот это номер!

На подносе лежало небольшое бревно, вокруг — кучка разноцветного порошка.

— Что? — спросил Томат. Он еще ничего не понял.

Я чуть не расхохотался. Как все просто! Если в той иконе и был второй слой, то Макар его игнорировал. Он вскрыл еще более глубокую память иконы — память о том, как она была просто деревяшкой. Бревнышком, из которого сделали доску.

— Где икона? — прохрипел Томат. — Где она, я спрашиваю?

— Вот она и есть, — сказал Макар и имел еще наглость улыбнуться. — Вот ее второй слой.

— Убийца, — сказал Томат и взял бревно с подноса. И даже перевернул его в руке, заглядывая на другую сторону, словно там могла сохраниться первоначальная живопись.

— Чего хотели, то и получили, — сказал Макар.

— Ну нет! — голос Томата вдруг поднялся. — Издеваешься? Или ты немедленно вернешь все на старое место…

— Нельзя, — сказал Макар. — И не кричите, люди спят.

— Ах нельзя! — И вдруг Томат поднял бревно и замахнулся им. — Заговорщики! Вредители!

Макар испугался за машину и бросился к нему, но Томат был сильнее. Он отбросил Макара в сторону и кинулся к машине.

До того момента я стоял, как пришпиленный

к месту. Я был как во сне, как зритель, который знает, что вмешаться в то, что видишь, невозможно. Анна Каренина все равно бросится под поезд. Но когда Макар со стоном упал на пол, а Томат бросился к машине, я пришел в движение. Бессознательно.

Я даже не помню, как мне удалось подставиться под удар, направленный на пульт. Он просто чудом не сломал мне плечо — ведь бил он как сумасшедший, изо всей силы. Рука сразу онемела, но я все равно закрывал собой машину и старался при этом одной рукой вырвать у него дубинку-икону.



Не знаю, чем бы это кончилось, — но на помощь ко мне пришел Макар и сонный Кролик. Оказывается, он услышал шум в гараже и пошел проверить.

Когда мы скрутили Томата, к этому времени уже пол-экспедиции сбежалось к полю боя. Рука болела страшно. Томат никак не мог прийти в себя, он все еще ругался и совал всем в лицо дубинку, крича, что это — Андрей Рублев. Дубинку у него отобрали. У меня жутко болела голова, а про руку и говорить не приходится. Я даже плохо соображал. Как сквозь воду, до меня доносился сбивчивый рассказ Кролика, в котором все получалось наоборот. Оказывается, это злоумышленник Томат ворвался в гараж, а я, оказывается, жертвуя собой, спас эту машину.

Кто-то побежал за врачом, Донин смотрел на меня как на героя, и мне очень хотелось остаться героем, но я понимал, что это уж будет слишком. Поэтому я сказал:

— Да не спас я ее, а чуть не погубил. Я во всем виноват.

— Бредит, — сказал Кролик. — По голове ему дали, вот и бредит. Я сам видел, как он машину спасал.

— Это я уже потом, — сказал я. — Потом, по-

нимаете?

— Такой худенький, а герой, — сказала Шурочка.

— Нееет! — закричал я.

Но они меня не слушали.

Только на следующий день все стало на свои места.

Это был не очень приятный день.

Но два утешения все же были.

Во-первых, из экспедиции нас все же не выгнали.

Во-вторых, Томат уехал. И полагаю, что навсегда. А Люся переживет. Завтра она обещала прийти на танцы в экспедицию.



ИНОПЛАНЕТЯНЕ



Инопланетяне

О том, что прилетели пришельцы, Донат Пронькин узнал первым. И не потому, что верил в них или ждал прилета, а наоборот — у Доника, как говорит химик Волин, трезвый научный ум, не допускающий мистической чепухи, потому что она лежит за пределом опыта. Доник с детства преклонялся перед вольными мыслителями восемнадцатого века, а бабушка говорит, что уже в три года он не хотел слушать сказки и требовал правды о том, как размножаются цветы и куда прячется на ночь солнце.

История про цветы, неосторожно рассказанная бабушкой при гостях, сильно повредила Донику, потому что Катька разболтала об этом всему дому. Даже в свободной стенной газете 7-го «Б» был нарисован букет с подписью: «Групповое изнасилование ромашки».

Катька, хоть ей и замуж пора, верит в любого шарлатана. У нее свой аргумент: «Но ведь его по телевизору показывали». Пришельцы размещаются у нее в области религиозного сознания, о них не надо рассуждать — в них надо верить. А они за это в самый критический момент прилетят

на Землю, погрозят пальчиками и велят нам не взрывать атомные бомбы или не расстреливать в либерийской церкви беженцев.

Пришельцы высадились в среду около десяти вечера в сквере на той стороне 4-й Охотничьей улицы, и все произошло так буднично и тихо, что ни один поклонник инопланетян в это бы не поверил. Для них пришествие инопланетян — это эффектное зрелище с фейерверком, выступлениями на митинге в пользу космического братства, телевизионным репортажем и, конечно же, портретами пришельцев — чем страшнее, тем убедительнее.

Минут за пятнадцать до высадки Доник позвал Барбоса погулять. Барбоса, правда, и звать не надо было, он давно сидел у двери.

Барбос с детства воспитывался как собака, потому что Доник мечтал о щенке, а ему купили котенка. Доник внушил котенку собачьи правила поведения. В частности, вечерние и утренние прогулки. Собак Барбос не боялся, а на котов не обращал внимания, не считая их за людей.

Доник с Барбосом перешли в сквер на той стороне улицы, и в этот момент опустился инопланетный космический корабль.

Если спросить Доника или Барбоса, какой он

был из себя, они бы не ответили, потому что он был темным и его очертания скрадывались ночью и кустами. Нечто огромное и непроницаемое для света беззвучно, но тяжело опустилось на поляну метрах в ста от Доника. Было так тихо, словно это тело намертво отрезало все звуки еще не уснувшего города.

Доник, охваченный тревогой, снял очки и стал протирать их большими пальцами, что служило у него признаком волнения, а Барбос совсем не по-собачьи прижался к ногам хозяина и опустил хвост, лишь подрагивая его концом.

Доник всматривался в темноту, думая, что вот-вот в центре тьмы образуется светящийся квадрат, оттуда и выйдут пришельцы.

Время шло, никакого люка не образовывалось. Донику хотелось уйти, но уходить тоже было страшно, потому что, пока ты неподвижен, тебя могут не заметить, а начнешь двигаться — станешь виден. Это был древний закон леса, и Доник подчинялся ему, хотя и не был лесным жителем.

И вдруг сверху, с той точки, откуда начинались звезды, возник тонкий, как лезвие кинжала, зеленый луч, опустившийся к земле. И тут же Доник услышал то, что услышать было невозможно, — как отворились люки корабля и оттуда

стаей тараканов или других совершенно беззвучных насекомых хлынула волна пришельцев, и он понял, хоть не услышал и не увидел, что пришельцы очень малы размером и что они охвачены страхом, иным, нежели тот, что владел Доником и Барбосом, — но, без сомнения, страхом, заставлявшим их стремиться отбежать от темной массы корабля, прежде чем случится нечто ужасное.

Поддавшись этому страху, Доник и Барбос тоже начали отступать к улице, и через секунду или несколько секунд время перестало быть постоянным потоком, а рассыпалось на отдельные секунды, каждая из которых помчалась в свою сторону, — Барбос, которому невмочь стало терпеть этот страх, взлетел по брючине и куртке Доника, прыгнул ему на плечо, забыв, что Доник не старое кресло, которое можно рвать когтями сколько заблагорассудится. Но Доник даже не стал сбрасывать кота, хоть и было больно. Потому что в этот момент корабль перестал существовать.

Он не то чтобы взорвался — если бы Доника попросили объяснить с точки зрения физических законов, что же произошло у него на глазах, он бы предположил, что произошел имплозив — то

есть взрыв, вся сила которого была направлена к эпицентру, и оттого Доник увидел не вспышку белого пламени как при взрыве, а ужасающую темноту, сверкающую ослепительную темноту, как занавесом отделившую мир от Доника и заставившую зажмуриться…



Звука не было, и в то же время чуть не лопнули перепонки, так сильно метнулся воздух. Тысячи микроскопических ножек, что щебетали вокруг, замерли в ужасе, и потом их бег возобновился.

Вот и все.

Доник и Барбос остались живы.

Как и многие из пришельцев, которые успели убежать с корабля до взрыва…

По улице, за спиной, разрушая колдовство события, проехала машина, и отблеск ее фар скользнул по близким кустам и стволам деревьев.

Барбос оттолкнулся всеми четырьмя лапами, вырвался из рук и помчался к дому. Бросил хозяина на произвол судьбы.

И тут Доник услышал щебет. Почти неслышный — будто маленькие птички разговаривали шепотом, чтобы не разбудить соседей.

Ничего страшного или зловещего в этом щебете не было — но каким страшным он показался Донику! Ведь он, Доник, был сейчас единственным человеком на Земле, который знал, что произошло вторжение инопланетян. Совсем не такое, как предполагали сторонники его и противники, но оно уже факт… Словно ты упал. И сломал ногу. И уже неважно, как это случилось и как можно было предотвратить драму. Вот ты лежишь со

сломанной ногой, и надо вызывать «Скорую помощь»…

Донику следовало уйти — уйти, уехать, убежать, уговорить родителей сесть на первый же поезд и исчезнуть, но он все еще стоял посреди сквера, выполняя роль беззащитной первой жертвы вторжения — именно на нем пришельцы могли испытать свою силу.

Что-то скользнуло по его ботинку, по носку, по ноге под штаниной, словно забрался быстрый муравей. Доник наклонился, чтобы сбросить насекомое, но опоздал — пальцы ничего не отыскали, и тогда Доник понял без всякого сомнения, что это был не муравей, а один из них…

И вот тогда страх сорвал Доника с места и заставил кинуться прочь, через улицу, по асфальтовой дорожке, к открытому подъезду в старом двухэтажном бараке, построенном еще до войны. Его обещали снести, когда жизнь станет лучше и веселее. Но жизнь так и не стала лучше — бараки остались, и в них жили подолгу: семья Доника — мама, бабушка, Катька и он — уже тридцать лет. Мама, Катька и Доник родились в этом бараке, а бабушка провела в нем молодость. Сначала была одна комната, а в последние десять лет — две комнаты. И бабушка радовалась, потому что

помнила, каково было жить с маленькой мамой в одной комнате.

Барбос сидел перед дверью, ждал. Он отвел взгляд, потому что ему было стыдно, что он так позорно бросил Доника. Но Доник его не осуждал. Лампочка на лестнице была слабая, пятнадцатисвечовая, Доник осмотрел себя, даже завернул брюки, но ни одного пришельца не отыскал.

— Если бы ты был собакой, — сказал он Барбосу, — наверняка бы унюхал, взяли меня в плен или еще нет.

Барбос смотрел на Доника круглыми, бессмысленными глазами, потом чуть шевельнул верхней губой и тихо сказал «мама». Он хотел домой.

Доник полез за ключами, оказалось, что он их не взял. Он позвонил, и открыла Салима — соседка, которая прописалась в бараке недавно и была всем недовольна. И при виде Доника она рассердилась, зачем он так поздно по улицам ходит, людям спать не дает, зачем звонит в дверь как чужой, пугает ее, Салиму.

Салима была низенькой, плотной женщиной с крашенными в оранжевый цвет волосами, она работала где-то продавщицей и всегда приносила большую сумку продуктов. К ней потом прихо-

дили родственники и делили эти продукты. Но кое-что оставалось. У Салимы всегда и все можно было купить. Но дорого.

Барбос юркнул мимо ее ног, в темный угол, в коридорные Помпеи, где стояли шкафы, оставшиеся еще от прошлых жильцов, и в них барахло, настолько никому не нужное, что даже выбрасывать его не хотелось.

Шкафы сами по себе поскрипывали, покачивались, шептались и порой, как казалось Донику, менялись местами или даже покидали квартиру, а на их место поселялись другие. Но никто, кроме Доника и Барбоса, не знал их в лицо.

Мать с Катькой — простые души, побежали в кино на индийскую драму о несчастной любви, а бабушка сидела у телевизора и смотрела парламентские дебаты.

— Вы рано вернулись, — сказала она Барбосу, который прыгнул к ней на колени и свернулся, спрятав нос подальше от света и волнений.

— Он космического корабля испугался, — сказал Доник.

— Уже спустились? — У бабушки было чувство юмора. Даже странно, почему она никому не передала его по наследству — ни матери, ни Катьке.

— В сквере, — честно сказал Доник, — на той стороне улицы.

— Большие? Зелененькие? Вчера по телевизору картинки показывали. У людей очень слабая фантазия.

— Я пошел мыться, — сказал Доник.

Стараниями Льва Абрамыча, третьего соседа по квартире, у них уже второй год как за фанерной перегородкой была установлена сидячая ванна. Доник увидел, что Салима на кухне разбирает белье, и понял, что если он не успеет занять ванную, то Салима кинется туда стирать, а это до глубокой ночи.

Войдя в ванную, Доник начал, раздеваясь, осматривать себя и одежду. Его не оставляло чувство, что он носит на себе пришельца. Никто никогда не думал, что пришельцы окажутся насекомыми, может, даже ядовитыми. И это еще хуже, чем самые страшные фантазии, — даже не расскажешь поклоннику инопланетян — обидится: «Ах, у меня чешется! Опять пришелец кусается!»

Подумав так, Доник даже засмеялся, хоть и было страшно.

А Салима, которая на секунду опоздала к двери в ванную, начала кричать, чтобы он выходил, сколько можно воду переводить, а у нее белье,

нести пора. Доник включил воду, чтобы вода шумела.

Доник разделся догола и стал себя осматривать, но ничего не нашел — ему нетрудно было себя обыскивать, потому что он был очень худой и небольшого размера. Когда он не нашел на себе следов от пришельцев, Доник стал просматривать одежду. Он не спешил, хоть Салима уже два раза стучала в дверь, требуя, чтобы он поскорее освобождал ванную. Он просматривал каждую складку, потому что допускал, что пришельцы могут быть размером с муравьев или еще меньше. Вода шла горячая, очки запотевали, Доник пустил холодную воду. Он не нашел пришельца в одежде, но это его не убедило. Еще два часа назад он смеялся над пришельцами и над людьми, которые в них верили. Теперь же он точно знал, что вечером в сквере на заводской окраине города Н. опустился космический корабль, затем взорвался, а часть пришельцев успела бежать. Можете сжечь Доника на костре или разрезать на части — он будет стоять на своем.

Не найдя пришельца, Доник покинул ванную, а Салима заметила, что он вышел с сухими волосами, и стала кричать, что некоторые люди ходят в ванную неизвестно зачем, лучше бы с девочками

гулял, в ванной мыться надо… И Доник сбежал от Салимы — нырнул к себе в комнату.

Катька и мать вернулись из кино, мать уткнулась в телевизор, а Катька пила чай, и Доник сел рядом. Катька вымахала в девицу — можно на конкурс красоты загонять — ноги от пупа, взгляд с поволокой, ничего не выражающий. Они с мамой похожи: только мать плотная и покороче. Но у матери всегда романы, и, если бы мать не была такой доброй и покладистой, наверное, они отыскали бы себе нового папу. А так, получив все, что могли, поклонники уходили восвояси, мать два дня рыдала в подушку, а бабушка ее утешала. Катька говорила, что, наученная маминым опытом, никогда не будет целоваться до свадьбы, но Доник ей не верил, он сам видел, как она целовалась в подъезде с одним взрослым грузином. Впрочем, в тот вечер это не играло роли, если не считать, что у мамы как раз завязывался новый роман и завтра, в субботу, «дядя» Геннадий должен был прийти в гости, как полагается у порядочных людей, а потому мать шепотом обсуждала с бабушкой, какой испечь пирог.

— Что с Барбосом? — спросила Катька. — Я его хотела гулять выгнать, а он рвется обратно домой. Психованный какой-то.

— Его пришельцы испугали, — сказал Доник.

— Какие пришельцы?

— Инопланетные.

— Да брось!

— Кем мне быть.

— А ты погляди на меня! В глаза гляди, в глаза!

Доник поглядел.

— Ты нарочно так честно глядишь, — сказала Катька, — а в самом деле врешь.

— Как хочешь. Хочешь верь, а хочешь нет.

Он допил чай и пошел в маленькую комнату, где они спали с Катькой, лег на свой диван, включил боковой свет и стал читать популярную книгу о тайнах Атлантиды.

Катька тут же прискакала.

— Нет, ты скажи! Какие они?

Катька верила в пришельцев свято, как в ангелов. Как-то мать ей сказала: «Мне бы тебя за фирму отдать, уедешь в Фээргэ, будешь на «Мерседесе». А Катька совершенно серьезно сказала: «Лучше за инопланетянина. Мне на Марс хочется». Для Катьки чем дальше от дома, тем больше дают в магазинах.

— Как вши, — сказал Доник. — Кем мне быть. Как тараканы.

— Ну ты даешь, — обиделась Катька. — Ну да-

ешь! А я думала, что в самом деле.

Катька стала разбирать свою постель, потому что ей надо было рано вставать — до техникума почти час ехать.

Прежде чем раздеться, Катька принесла коробку с синими туфлями, которые она достала позавчера и еще не насмотрелась. У нее есть привычка — сначала новой хорошей вещью надо любоваться, а потом, когда налюбуешься, можно пользоваться. Катька придвинула стул к кровати и поставила на него коробку с туфлями. Коробка, видно, нужна была, чтобы не сомневаться, что туфли новые. Донику было смешно, но вообще-то он к такому чудачеству привык.

— Мне интересно, — сказал он, — куда ты поставишь тачку, если ее купишь?

— Я в ней буду спать, — ответила Катька, у которой нет чувства юмора.

Катька разделась, не обращая внимания на Доника. Ему не всегда было приятно, что она не обращает на него внимания, что она его совсем не стесняется, — значит, он для нее дитя малое. В комнату заглянула мать, о чем-то стала шептаться с Катькой, но Доник, конечно, не прислушивался. Он достал из-под диванчика общую тетрадь, в которой вел дневник. Он старался не

пропустить ни дня, потому что когда-нибудь потом это может представлять интерес для истории. Но ручка куда-то закатилась. Он спросил Катьку, может, она брала его ручку? Катька озлилась, сказала, что у нее своя, фирменная, она ее даст, но чтобы вернул, а то ему ничего доверить нельзя.

Ручка была хорошая. Катька пошла мыться, слышно было, как она собачится в коридоре с Салимой, которая не хочет уступать ванную, потом в спор включился низкий прерывистый астматический голос Абрамыча. Видно, его тоже тянуло в ванную.

Доник записывал события вечера, и ему хотелось спать.

До конца он записать не смог, его сморил сон. Пришла Катька, растолкала — велела идти в ванную, не спать же одетым. Ручку она отобрала.

Когда утром Доник проснулся, Катька уже умчалась в техникум. Время до школы еще было. Умывшись и одевшись, Доник пошел в другую комнату, там бабушка уже приготовила завтрак.

— У сестер Волковых собака нашлась, — сказала бабушка.

— Собаки находят свой дом за сотни километров, — сказал Доник. — Я читал. У Джека Лондона.

— Я тоже читала, — сказала бабушка. Она была самой начитанной в семье. — Только Волковы никогда ее со двора не отпускали.

До выхода оставалось время, Доник вспомнил, что не сделал геометрию. Он достал тетрадь, бабушка сидела напротив и любовалась им. Любой бабушке приятно иметь умного внука.

— Тебе очки не надо менять? — спросила она у Доника. — Может, слабые?

— Не надо, — сказал Доник. Ручка была хорошая, фирменная. Доник сообразил, что ручка — Катькина. Неужели она расщедрилась и оставила ручку брату? Этого с ней еще не случалось.

Сделав геометрию, Доник пошел к себе в комнату собираться. Любимые ненадеванные синие туфли стояли на стуле. Доник закрыл коробку и засунул туфли под Катькину кровать.

Коробке что-то мешало. Доник заглянул туда — оказалось, что под диваном стоит еще одна коробка. И с такими же туфлями. «Ну, Катька, не ожидал, что ты торговлей занялась», — подумал Доник.

В школе ничего особенного не случилось, если не считать того, что Севидов неожиданно отдал ему венгерский космос — четыре марки и блок — за парагвайское искусство. И когда Доник по-

интересовался, с чего он такой добрый, Севидов начал заикаться, тужиться — он всегда так делает, если хочет выиграть время, потом сказал, что отец привез вторую серию. Это было вранье, но какое дело Донику до севидовских проблем.

Марья Сергеевна сказала Донику, что его выдвинули на олимпиаду по физике, так что придется поработать. Донику было приятно, что его выдвинули на олимпиаду, но он делал вид, что ему все равно, а то еще подумают, что он рад.

— Откуда у тебя такая ручка? — спросил Севидов на большой перемене. — Хочешь негашеного Циолковского?

— Не хочу, — сказал Доник. — Чужая ручка. Надо вернуть.

Когда Доник шел из школы домой, он проходил мимо дома сестер Волковых. В том месте между бараками остались по недосмотру несколько совсем старых одноэтажных домов, почти избушек. В одной из избушек и жили старые сестры Волковы. Из их двора доносился шум, женский крик, и Доник вспомнил, что к ним вернулась собака.

Калитка была приоткрыта, и Доник полюбопытствовал — сунул нос в щель. Сестры ругались, стоя посреди маленького, заросшего подорожником и крапивой двора. Между ними на траве

сидела их собачка Нелли, не то болонка, не то солонка. Собака слушала крики сестер, чуть наклонив голову, как будто ее позвали быть судьей в споре.

— А я тебе говорю, — кричала старшая, Марксина Сергеевна, — что это не наша Неллечка! У нашей Неллечки вся мордочка белая, а у этой только сбоку.

— Ты что говоришь, что несешь! — возражала ее сестра, причем ни та, ни другая на собаку не глядела. — Ты посмотри, как она на тебя смотрит!

Собака Нелли сказала: «Тяф!»

Это было смешно, потому что получилось почеловечески.

— А я фотографию принесу! — кричала младшая сестра. — Там морда видна.

Она побежала в дом, а вторая осталась с собакой и стала ее утешать.

— Это даже стыдно, какое недоверие, — говорила она. — Это даже мне стыдно.

Она стала гладить собаку, и собака прижалась к ее ноге.

Донику пора было уйти, но почему-то стало любопытно, чем кончится пустой спор.

У собаки и в самом деле лишь правая сторона

морды была белой, а слева шерсть была рыжей, как на верху головы и на спине. Но какой она была первоначально, Доник, конечно, не помнил — еще не хватало присматриваться к собаке сестер Волковых.

Старшая сестра скатилась с крыльца, размахивая фотографией.

— Я же говорила! Я же говорила — вся морда белая!

Она стала совать фотографию сестре, та смотрела, а Доник поглядел на собаку — ему вдруг стало грустно: такая была радость, вернулась собака, а они собственными руками от этой радости отказываются. Начинают сомневаться… а ведь пришла собака, и хорошо!

И тут Доник понял, что у собаки вся морда белая. Странно — сам же только что смотрел, и показалось, что морда только наполовину белая.

— Ну теперь ты не сомневаешься, что она чужая?

— Сомневаюсь, сомневаюсь, — злилась вторая сестра, — мало ли что на фотографии нарисовано! Может, там вовсе не наша Неллечка.

— Нет, — радостно объявила ее сестра, увидев наконец собаку, — я же говорила, что у нее вся морда белая.

— Нет, — обиделась первая сестра, — это я говорила, что она белая, а ты говорила, что у нее морда уполовиненная.

Они уже обе смотрели на собаку, и спор сам по себе утихал, потому что у собаки вся морда была белой, что и требовалось доказать.

— И чего ты все споришь и споришь, — сказала наконец сестра с фотографией в руке. — Все тебе нехорошо.

Собака поднялась и побежала к дому, виляя пушистым хвостиком.

Доник пошел дальше и стал думать, видел ли кто-нибудь, кроме него, гибель инопланетного корабля. Вернее всего, никто не видел. Доник давно уже заметил, что в иностранных фантастических рассказах и романах пришельцы обычно завоеватели или опасные существа, а в наших рассказах — они братья по разуму. Доник знал, что это объясняется тем, что мы живем в гуманистическом обществе, а Америка — это жестокая страна. Раньше, пока он был ребенком, он не задумывался, кто прав, а кто виноват, а теперь решил, что раньше у нас был Сталин и репрессии и люди были бесправны и не верили в Бога. И им очень хотелось на что-то надеяться. Вот они и надеялись на братьев по разуму. А цензура и

начальники такие книжки не запрещали, потому что им казалось, что по космосу летают не просто братья по разуму, а их собственные братья. А у американцев и англичан были различные взгляды и надежды, а их президенты и королевы не очень вмешивались в их жизнь. Так что необязательно было надеяться на пришельцев.

Барбос сидел на тротуаре — вышел встречать Доника, что ему не дозволялось. Но Доник не стал на него сердиться, потому что он понимал состояние Барбоса — Барбос, как и Доник, знал, что среди нас — пришельцы. А об этой опасности забывать нельзя.

— Пошли домой, — сказал Доник. — Перекусим.

Когда Доник делал уроки, вернулась Катька. Мрачная как туча. Сказала, чтобы брат тут же очистил половину их общего письменного стола — ей надо срочно написать письмо одному человеку.

Один человек служил в армии, и заставить Катьку написать ему письмо в нормальных условиях было невозможно.

Полгода не писала. А тут как увидела, что Доник работает, все в ее душе загорелось… Вынь да положь!

Доник не стал спорить.

Катька взяла одну из тетрадей Доника и не спрашиваясь вырвала оттуда двойной лист, из середины. Доник стиснул зубы и промолчал. Потому что если станешь спорить, то она назло тебе разбросает книги, сломает стол, разорвет учебники — она взрывоопасная.

Не встретив сопротивления, Катька поняла, что ей ничего не остается, как привести свою угрозу в исполнение и написать письмо. Она покопалась в сумке, вытащила ручку и поставила в верхнем правом углу страницы месяц и число. Потом уставилась на Доника злобным взглядом и спросила:

— Ты чем пишешь?

— Ручкой, — сказал Доник и вспомнил, что ручка у него чужая. Наверняка Катька уже забыла, что сама оставила ручку брату. Сейчас начнется пустой скандал.

— Откуда у тебя эта ручка? — спросила Катька.

— Ну возьми, возьми. — Доник протянул ей ручку. Можно ли готовиться к олимпиаде в таких условиях?

Катька протянула наманикюренную лапку, взяла ручку.

— А мне чем писать? — сказал Доник. — Дай мне свою, зачем тебе две?

Катька было согласилась: у нее теперь в каждой руке было по ручке. И Доник только тут заметил, что ручки были совершенно одинаковыми — обе фирменные, черные, с какой-то рекламной надписью. Катька такую ручку на той неделе выменяла у себя в группе на пару австрийских колготок, если не врет.

Катька тоже заметила, что намерена отдать брату фирменную ручку. Она замерла — и глаза ее с бешеной скоростью носились между ручками, стараясь решить задачу: какая ее?

— Ты что, шутишь, да? — спросила Катька наконец, поняв, что во всем виноват Доник.

— Честное слово, — сказал Доник, который сам безмерно удивился. — Я думал, у меня твоя. Что ты мне оставила.

— Да ты что! Я же ее на колготки выменяла.

— А эту?

— И эту.

— А не слишком много?

— Тебе рано знать! — сказала Катька, которая наконец-то решила для себя трудную проблему. Обе ручки перекочевали к ней в сумку, за ними — лист, вырванный из тетрадки. Никакого письма, значит, Борис не дождется, и обе ручки тоже останутся у Катьки. И уже сейчас, если ее

спросить, она искренне скажет, что получила за колготки две ручки. Две ручки — и дело с концом. И она уже сама в это верит.

Доник и тут спорить с Катькой не стал по причине полной безнадежности. Он полез к себе в сумку, отыскал там тридцатикопеечную, старую, почти без пасты, ручку, а чем она хуже?

Катька схватила сумку и пошла в другую комнату к телевизору — не хотела оставлять ручку в распоряжении брата — наверное, уже планировала, как одну из ручек снова променяет на колготки. Потом — ну совсем как ребенок — прибежала снова, вытащила из-под кровати коробку с туфлями и открыла, чтобы насладиться.

— Пошла бы куда-нибудь, — сказал Доник. — В кино, а?

— Мешаю?

— Еще как!

Тут Катька издала клич индейца на тропе войны. Доник даже подскочил от неожиданности. Катька сидела на полу, и перед ней стояли две совершенно одинаковые коробки. Обе открыты, в обеих — синие туфли. Катька растерянно пощупала одну туфлю, потом вытащила туфлю из другой коробки, приложила к первой и стала очень похожа на обезьянку, которая старается

составить две палки, чтобы достать банан.

Доник хотел пройтись по поводу ее раннего маразма, но тут она обратила к нему убийственный взгляд и спросила голосом директора школы:

— Это что за штучки?

— Ты что? — удивился Доник. — Какие штучки? Сама засунула, а на меня говоришь.

— Ты зачем надо мной издеваешься? — Катька готова была заплакать. — Ты зачем мне настроение портишь? Сначала с ручкой, а теперь с туфлями?

— Чесслово, я думал, что ты две пары купила, — честно сказал Доник. — Но если тебе не нужно, ты отдай обратно.

— Кому отдай?

— У кого взяла.

— Но я же одну пару взяла!

— Одну пару себе оставь, — сказал Доник, — и будет хорошо.

Катька не поняла этой логики и гневно заявила:

— Сейчас же убери одни туфли. Я не хочу из-за тебя в криминал попадать.

Доник хотел было засмеяться, но в этот момент взгляд его упал на пол, и он увидел, что там стоит только одна, и притом пустая, коробка из-под

туфель. Это было как в сказке.

— Какой криминал? Какие туфли? — спросил Доник, улыбаясь, хотя он сильно испугался. Но когда люди сильно пугаются, они часто начинают улыбаться. Человека засасывает в болото, он ручками машет и улыбается: извините, нечаянно!

Тут Катька тоже поглядела себе под ноги и сразу успокоилась. Ей так хотелось думать, что у нее двоилось в глазах, а теперь обошлось, что она сразу поверила в то, что второй коробки и не было.

— Я тебе когда-нибудь голову оторву, — сказала она Донику.

— За что? — Доник подошел к тому месту, где только что стояла вторая коробка. Ему показалось, что он увидел какое-то легкое движение — нечто быстрое и маленькое скользнуло под диван.

— Не трогай! — предупредила Катька. — Я тебе этого никогда не прощу.

Доник выпрямился.

— Покажи туфли, — сказал он.

Он в волшебство не верил, а верил своим глазам.

Катька туфлю ему не дала, но показала издали.

— Обрати внимание, — сказал Доник, — обе правые.

— Что? — Катька перепугалась. — Что ты говоришь! Ты не представляешь, сколько они стоят!

— Да не в стоимости дело!

Катька сблизила туфли и сказала с облегчением:

— Ты шутишь, да?

И Доник увидел, что туфли в ее руках — парные. Только что были правые, а уже стали — один правый, другой — левый, как положено.

— Я ничего не понимаю, — сказал Доник.

— А я понимаю, — сказала Катька, — что тебе надо поменьше своими физическими опытами заниматься. И тебе спокойнее, и людям.

— Нет, — сказал Доник, — дело не в этом. Но в чем — я еще не знаю.

— Не знаешь, думай! — предложила Катька. Она поставила коробку на трюмо, чтобы не выпускать из поля зрения.

Значит, у Катьки возникло настроение провести ревизию ее ценностей. Она открыла ящик под зеркалом, стала пересчитывать бутылочки и флакончики, нюхать, бормотать что-то. Иногда до Доника доносились ее слова:

«Совсем духов не осталось...», «А где помада? Я вас спрашиваю — где помада? Вот моя помадочка...»

Но больше Доник ее не слушал. Он быстро сделал завтрашний английский и открыл «Динамику» Моранди, перевод с итальянского, ему Виктор Аркадьевич на неделю дал. И сказал, что без этой книги на олимпиаде делать нечего. В этом была хитрость — оба переводчика Моранди были в жюри олимпиады. Другой бы не догадался, а хитроумный Виктор Аркадьевич всегда узнавал обстановку вокруг олимпиады и говорил, что порой это важнее, чем сами соревнования. Недаром из его школы человек восемнадцать были уже лауреатами.

Не глядя, Доник подвинул к себе листок бумаги, брошенный на столе Катькой, и принялся выписывать из Моранди — для себя, потому что знал, если выпишешь — лучше запоминается.

Откладывая ручку, он заметил, что по рассеянности снова взял Катькину ручку. Он отбросил ее, как маленькую гадюку, и тут вспомнил, что собирался засветло обследовать место высадки пришельцев.

Он поднялся, проходя мимо сидевшей перед зеркалом среди своих сокровищ Катьки, протянул ей ручку и сказал:

— Не разбрасывайся.

— Ты что! — возмутилась Катька. — Зачем в

сумку лазил?

— Я не лазил, — сказал Доник и поспешил прочь, чтобы не тратить время на перебранку.

— Только ненадолго, — сказала вслед бабушка, — скоро обедать.

Барбос увязался было за Доником, но Доник его не взял.

— Машин много, — сказал он коту, — задавят еще тебя.

Барбос смотрел на него так выразительно, что Доник пошутил:

— Я буду осторожен. И если мне предложат улететь на Альдебаран, я категорически откажусь.

При дневном свете сквер казался совсем другим. Куда меньше — мельче. Трава уже пожухла, и листва тополей стала почти серой — во всем чувствовалась осень. Сквер был неухоженным, хотя сюда многие ходили — утром на обеих лавочках сидели мамаши и бабки с колясками, а вечером сюда приходили собачники или любители распить. Мать уверяла, что когда-то сюда ходили целоваться — но Доник такого не застал.

Доник сразу прошел на то место, где погиб космический корабль: он думал, что какой-то след останется — примятая или выгоревшая трава. Нет, ничего такого не было. Через поляну по траве

шел ежик, спокойно шел, не таясь. Еще год назад Доник обязательно бы поймал ежика, притащил бы домой. А сейчас он только сказал ему:

— Шел бы куда подальше, попадешься малышам, замучают.

Он взял ежика, который вместо того, чтобы свернуться, спокойно лежал теплым животом на ладони и смотрел на Доника, и отнес его к густым кустам. Там отпустил. И подумал — какой красивый ежик! Вот вроде был глупое существо — колючки растут из спины, ноги короткие, а все равно красивый.

И тут Доник понял, что он не найдет на месте приземления никаких следов. Ведь взрыв был не обычный, а имплозивный.

Когда он вернулся домой, бабушка уже накрыла на стол, мать, которая пришла с работы чуть раньше обычного, уже вымылась и рассказывала бабушке, до чего докатился Ваганов из месткома. Доник пошел было мыть руки, но тут вошла Катька и сказала ему:

— Издеваешься, да?

— А что?

Катька держала в руке три совершенно одинаковые черные фирменные ручки с золотой надписью по-немецки.

— Зачем подсовываешь?

— Зачем мне подсовывать?

— А я говорю — ты нарочно, чтобы меня волновать!

— Ничего я тебе не подсовывал. Я вижу, что ты на столе забыла, вот и отдал. Зачем мне твои ручки?

— А зачем мне три? Может, их вообще миллион? Я у Багировой взяла, потому что она так и сказала — будет одна, одна на всю Москву, понял? На что мне три?

— Так отдай мне.

— Еще чего не хватало!

Катька тут же спрятала все три ручки в сумку, а Доник подумал, что надо будет расследовать загадку трех фирменных ручек. Но в тот вечер разгадать ее он не смог, надо было садиться за Моранди — но некуда спрятаться, потому что к Катьке пришли сразу две девицы: Варфоломеева — дура почище Катьки — и незнакомая спекулянтка шмотками. Причем денег у этих куриц нет, и они все время устраивают чейндж и базарят. На кухню тоже не пойдешь — там Салима устроила очередную стирку, а в большой комнате телевизор на полную громкость. Но лучше при телевизоре, чем в щебетанье интеллектуалок из

швейного техникума.

Доник уселся с книгой в угол, но с трудом понимал, что пишет Моранди.

Вдруг бабушка сказала:

— Вера, спасибо, что ты мне шерсть принесла.

— Ага, — сказала мать, которая уже впилась в телевизор.

Потом минут через десять, когда случилась какая-то пауза в действии, мать спросила:

— Какую шерсть?

Донику было забавно слушать, с какими перерывами идет разговор между мамой и бабушкой, но они этого не замечают.

— Синюю, — сказала бабушка еще минут через пять, кончив считать петли.

— А я не покупала, — сказала мать.

— Три мотка, — сказала бабушка. — Я же еще вчера просила тебя купить.

— Ага, — сказала мать, — я не покупала. Нет синей шерсти.

— А эти мотки — Доник, что ли, принес?

— Ах, оставь, — сказала мать, — ты мне смотреть мешаешь.

И тут Доник увидел ежика. Того самого, из сквера. Он не спеша топал через комнату, направляясь к Донику, а следом за ним, медленно

переставляя лапы, как зачарованный, двигался Барбос, который, видно, расценил появление ежика в комнате как личный подарок судьбы.

— Барбос! — крикнул Доник. — Фу!

Кот не обратил никакого внимания на его слова, но мать услышала и оторвалась от экрана — проследила направление взгляда Доника и, еще не поняв, что в комнате бродят ежи, завизжала на всю улицу.

Ежик остановился, Барбос отпрыгнул в сторону, потому что решил, что в квартиру ворвалась пантера, бабушка выронила вязание, подруги вбежали из соседней комнаты, Салима распахнула двери и закричала с порога:

— Какой право имеешь меня нервы дергать?

Испугавшись за ежика, Доник схватил его на руки. Ежик был тот, из сквера, — он не умел сворачиваться в шар.

Девушки окружили Доника, хотели приласкать ежика, им было смешно, что он поднялся на второй этаж и пришел в гости. Мать чувствовала себя неловко, что так закричала, и потому стала ругать Доника за то, что тот без спросу принес домой ежа. Бабушка поддержала ее, сказав, что ежи дома не живут и оставить его дома — это замучить животное, к тому же его Барбос растерзает.

— Хорошо, — сказал Доник, как бы признавая этим, что принес ежика сам. — Я его отнесу.

И он понес ежика к выходу. Салима шла за ним до двери и твердила, что от ежей этих и крыс бывает чума и СПИД.

Уже темнело. Доник прижимал к себе ежика, тот доверчиво лежал на руке, и от него исходило спокойствие и теплота. Даже жалко стало расставаться с таким хорошим и добрым ежом. Доник подумал, может, отдать его Карапетяну, который как раз вышел гулять со своими близнецами, но потом решил — нет, пускай ежик живет на свободе. А он к нему будет приходить…

Когда, перейдя улицу, Доник вошел в сквер и стал искать место поглуше, чтобы отпустить ежика, ему в голову пришла гениальная мысль: «Ежик каким-то образом связан с космическим кораблем!»

В этой мысли заключался не вопрос, не предположение, а утверждение.

С этой мыслью Доник зашел в кусты и отпустил ежика. Ежик и не собирался убегать, он стоял у его ног и ждал. Из кустов Донику была видна скамейка. На скамейке сидели две девочки, лет по пяти, они держали в руках по ежику. А рядом с ними сидел их дед, толстый старик в пиджаке,

обвисшем от груза медалей и юбилейных значков. Он тоскливо и монотонно вещал:

— Я помню, как мы стояли под Демьянском, а там леса густые, и в них водятся ежи. А жрать нечего. Сержант Ватрушка поймал трех ежей и изжарил. А наш ротный говорит — нельзя ежа жрать, отравишься. А Ватрушка изжарил и съел, и хоть бы что. Его через два дня убило осколком. Но животом совсем не страдал. От осколка погиб, я сам при этом присутствовал.

Доник посмотрел под ноги. Его ежик стоял внизу и ждал. Конечно, могло так случиться: попался выводок ежей — бывает. Но Доник был убежден, что все это не случайно.

— Пока, — сказал он ежику и медленно пошел к дому, но не домой, а только к дому. Он дошел до скамейки перед подъездом и сел на нее. Ситуация была неординарная, нестандартная, Доник обладал тайной, которую, кроме него, никто не знал. Тайна эта была невероятная, и от разгадки ее могла зависеть судьба всей Земли. Это трудно понять — человеку кажется всегда, что судьбы Земли и даже его района решаются в каких-то специальных учреждениях. Но если мы допустим, что единственный инопланетный корабль опустился именно в сквере по ту сторону Охот-

ничьей улицы вчера в десять вечера, то уже это событие настолько невероятное, что его последствия должны проявить себя невероятно.

Допустим, рассуждал Доник, что ежики — это и есть инопланетные пришельцы… Хотя вряд ли. Если бы из корабля вышло сто ежей, Доник бы их увидел — не такая уж была темнота. Да и что за идея изображать из себя ежей? Это самый невыгодный камуфляж. Если бы Донику предложили спуститься на Землю и принять форму какого-нибудь земного существа, неужели он выбрал бы ежа? Да ни в коем случае! Еж медленно передвигается, он лишен средств защиты, он слишком очевиден в городе… Нет! Постой-ка, а вдруг пришельцы в самом деле так похожи на ежей? Доник покачал головой. Он точно знал, что вчера вечером из корабля вылезли мелкие существа, подобные маленьким насекомым, — не ежи… и не ручки!

А почему он подумал о ручках?

Потому что с ручками нелады. Ручка должна быть одна. А их уже три. Вторая появилась, потому что она понадобилась Донику. А третья? Третья тоже, потому что она понадобилась Донику. А откуда они появились, эти ручки?

Оттуда же, откуда и ежи — ниоткуда.

Доник сидел в одиночестве и строил умозаключения, которые имели прямое отношение к судьбе Земли. Она сейчас в руках единственного человека, который осознает опасность, грозящую нашей планете. Теперь подумаем, не был ли он сегодня свидетелем других странных случаев. Был! Была история с собакой. Ведь сначала у нее половина морды была белой, а потом и вся морда. Эта собака подобно ежам появилась неизвестно откуда — потерялась и потом пришла. Все? Нет, не все! Доник радовался, как грибник, попавший на поляну, где растут во множестве подосиновики. Что вы скажете о мотках синей шерсти, которых не было в магазине и которые оказались у бабушки, хотя мать их не покупала? Или о туфлях?

Допустим, что есть существа и вещи, которые возникают ниоткуда и не возникали раньше, пока не приземлился космический корабль. Значит, это было вторжение?

А почему бы нет? Необязательно же марсианам приземляться на Землю в снарядах и сразу же пить кровь землян. Можно вторгнуться невзначай, мало-помалу втереться людям в доверие, притвориться ежиками, заморочить человечество… Вторжение вещей!

Если бы Доник придумывал фантастический

роман или фильм, он бы назвал его «Вторжение вещей!».

Стало прохладно. Зябкий ползучий ветер дергал за серые листья тополей. Надо что-то предпринимать, но совершенно неизвестно, с какого конца начать. Сейчас важно, чтобы пришельцы не догадались, что их зловещий план разгадан одним человеком четырнадцати лет, которому никто и ни за что не поверит, если он сейчас начнет предупреждать людей: «Опасайтесь пришельцев! Они среди вас в виде ежиков!»

Если они еще читают мысли… тогда положение безнадежно!

«А это можно проверить, — сказал сам себе Доник. — Надо подумать: сейчас я иду за бензином — я оболью бензином сквер, а потом подожгу его. И все пришельцы погибнут!»

Подумав так, Доник невольно внутренне сжался — так четко представил себе бушующее вокруг пламя.

Что же теперь предпримут пришельцы, чтобы уничтожить Доника — их главного и единственного врага?

Доник вскочил со скамейки и отошел к дому. Он прижался спиной к стене так, чтобы нельзя было зайти сзади. Он прищурился и стал ждать

нападения…

Ничего не произошло. Значит, подумал Доник с облегчением, пришельцы не читают мыслей.

И тут он услышал шорох. Через улицу, прочь от Доника бежал ежик.

Доник сразу осмелел — любое существо смелеет, когда видит, что враг бежит. Он оторвался от стены и пошел следом за ежиком-пришельцем. И тут же увидел, как с рябины, росшей у барака, спрыгнула на асфальт белка. Вот уж кого Доник отродясь не видел! Белка понеслась следом за ежиком.

«Ох, догоню! — мысленно угрожал им Доник. Вошел во вкус! — Догоню, оболью бензином и сожгу!»

Он пошел за зверьками, которые замерли на краю тротуара — почти касаясь друг друга.

И когда Донику оставалось до них два шага, они исчезли.

Растаяли в воздухе — раздался лишь легкий щелчок, как бывает, когда лопается воздушный шарик…

Доник добежал до того места — ничего не видно. Он присел на корточки, провел ладонью по асфальту — весь его страх улетучился. Под ладонью, которая ощущала шершавость асфальта,

что-то шевельнулось — как будто насекомое быстро пробежало по тыльной стороне кисти и исчезло.

Теперь Донику все было ясно.

Они умеют менять обличье — превращаются в вещи или существа, которые людям почему-то нужны или приятны. Смотри-ка, никто из них не превратился в скорпиона… Впрочем, никто не превратился и в человека. Может, человек для них слишком велик?

Один за другим они внедряются в каждый дом, в каждую комнату… Незаметная ручка, моток шерсти… И когда поступит сигнал — уже готовы выскочить изо всех нор и укрытий. Сдавайтесь, люди!

В этой стройной гипотезе не сходились концы с концами. В чем же ошибка?

Зачем им превращаться в ручки и ежиков, подумал Доник, если они могут дожидаться приказа о наступлении, затаившись по темным углам? Зачем им рисковать и высовываться раньше времени?

С кем бы посоветоваться? В такой критической ситуации человеку нельзя оставаться в одиночестве.

Кажется, есть у тебя и знакомые, и друзья, вроде

бы всегда есть с кем поговорить или поспорить… а вот началось космическое вторжение — и оказывается, что сообщить об этом, не рискуя показаться дураком, некому.

Дома нет человека, с которым можно обсудить судьбу Земли. В классе… в классе можно поговорить с Риной Осиповой. У нее голова устроена лучше, чем у ребят. Ее пришельцами не испугаешь.

Доник пошел на угол к автомату. Дома у него телефона не было, да если бы и был — он не стал бы звонить из дома.

Автомат по странной случайности оказался свободен и не сломан. Звонок у Рины отзвенел десять раз, но никто не подошел к телефону. Доник хотел было позвонить тогда Кольке Стахановичу, на крайний случай можно поговорить с ним. Но тут автомат щелкнул и сожрал монетку. Больше у Доника двушки не было. Теперь пришельцы могли заканчивать завоевание Земли совершенно спокойно, потому что Доник был нейтрализован.

Доник вышел из автоматной будки.

В двух шагах от нее стоял немного знакомый Донику алкаш Аполлон-Союз. Доник не знал, почему этого пожилого сутулого морщинистого мужчину так странно звали и как его настоящее

имя.

— Тебе нужна двушка, — сообщил алкаш Доник у и протянул ему сложенную ложечкой ладонь, в которой была целая горсть двушек. — Ты возьми и звони ей, не спеши, обязательно дозвонись. За мое здоровье.

— Спасибо, — сказал Доник, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице. — Ее нет дома.

— Все равно звони! — сказал Аполлон-Союз. — Пускай услышит и приедет, на скорую помощь.

Глаза у Аполлона-Союза были слишком блестящими.

— Не надо, спасибо, я домой пойду.

— Сначала пожертвуй мне пять минут, — сказал Аполлон-Союз. — Меня гнетет одиночество в день исполнения желаний.

— А как пожертвовать?

— Горе наше, людей конца двадцатого века, в том, что нам не перед кем исповедаться. И это хуже, чем одиночество. У меня сегодня праздник исполнения желаний. Но нужен ли он мне, если я не могу возвестить миру, что мои желания удовлетворены?

— А какие желания? — быстро спросил Доник.

— Ты еще молод задавать такие вопросы, —

сказал Аполлон-Союз. — Но в виде исключения я тебе откроюсь.

Алкаш распахнул обвислый, потертый пиджак с ветеранским, незаслуженным значком на лацкане, и Доник увидел, что из обоих внутренних карманов выглядывают горлышки бутылок.



— «Пшеничная», — сказал Аполлон-Союз. — Высший сорт. Могу позвать любого друга, откуда хочешь прибегут. Залейся.

— А откуда они у вас?

— Очкарик, я тебя буду звать Берией, ты другого не заслужил. А я тебе буду сознаваться. Так вот — хрен его знает откуда! Наверное, от верблюда. Еще час назад я был самым несчастным человеком в этом микрорайоне. Никуда не привезли, нигде не дают, и не на что купить! Ты такого чувства не испытывал ввиду чистоты твоего желудка. Я пошел топиться — кем мне быть, топиться, понял?! Сел и ботинки снял, чтобы не мешали топиться, — я люблю все делать культурно. Потом я пиджак снял, пиджак не виноват! — а в карманах у меня две, понимаешь, пустые бутылки для сдачи посуды. Значит, я все это положил на парапет и пошел через него лезть, чтобы свалиться в глубины безмолвия. И тут у меня появилось предчувствие. Словно голос с неба: «Уууу! Посмотри в пиджак! Вдруг у тебя бутылки уже полные?» Я голосу говорю: «Не дури! Что уже выпито, то полным не бывает…» — а голос: «Ууу! Гляди!» Я отложил потопление, смотрю в карман — а они полные до горлышка и запечатанные… Скажи, а Бог есть? Нет, ты мне честно скажи, значит, я

еще нужен человечеству, если мою бессмертную душу решили сохранить через посредство чуда? Знаешь, очкарик, я завтра в церкву пойду, пускай меня крестят. А?

— Значит, вы уверены, что сначала бутылки были пустыми, а потом наполнились?

— И запечатались, кем мне быть! — Аполлон-Союз рассмеялся. Он был в самом деле счастлив. — Ты меня правильно пойми, — сказал он. — Это я не чтобы сразу вылакать — это я для счастья. Я уже час как хожу, смотрю, но чтобы пить — ни за что! Ты меня понимаешь?

— А почему вас Аполлон-Союз называют? — спросил Доник.

— Потому что Союз-Аполлон в Калуге живет, — ответил алкаш.

— А у вас имя-отчество есть?

— Оскорбляешь! Есть, и не одно. Хочешь, зови меня Эдиком Стрельцовым.

— В общем, мне все равно. Не хотите говорить, не надо. Только я знаю, откуда у вас бутылки.

— А ты объясни, может, пойму.

— Вам ведь все равно.

— Честно говоря, не все равно. Я вычисляю: подарков мне никто делать не будет. Но и красть я их не крал. Потому докладывай. Любой вариант

будет рассмотрен нами уважительно, в обстановке консенсуса.

— Эти бутылки сделаны инопланетными пришельцами.

— Ну ты даешь, очкарь! Я думал — ты в норме.

— А я же вам не навязываю свою теорию, — сказал Доник, не опуская взгляда. — Только хочу объяснить, что они поступают логично. Может быть, и я на их месте начал бы вторжение точно таким образом.

Доник понимал, что Аполлон-Союз храбрится и готов поверить даже в черта. Иначе давно бы изматюгал Доника и ушел. А Донику тоже до смерти нужен был собеседник, союзник — нельзя быть одному хранителем такой тайны.

— Я вам не навязываюсь, — сказал Доник. — Не хотите, не верьте. Я сам еще вчера не верил. Глупости какие — пришельцы…

— Пришельцы-мришельцы, — сказал Аполлон-Союз. — Мать их.

— А вчера вечером я гулял и увидел, как их корабль вот здесь опустился, а они из него выбежали.

— Крупный?

— Корабль крупный, а десант — знаете, такое ощущение, словно насекомые. Я их не видел — но

слышал, как шуршат.

— Это бывает, — сказал Аполлон-Союз, — это лечат. Тебе рано, а нашего брата лечат. Значит, на глаза не попались, а на плечо лезли?

— Вы не в том смысле понимаете. Главное, что их корабль взорвался и они остались у нас навсегда. И теперь им, наверное, надо здесь устроиться.

— Беженцы из Карабаха?

— Может быть, беженцы. Они стали превращаться в вещи, разных небольших существ.

— Зачем?

— Чтобы проникнуть, я думаю, — сказал Доник. — Я сейчас двух видел — один был как ежик, а другой — белка.

— И сбежали, — сказал Аполлон-Союз. — А бутылки стоят!

— Сбежали, потому что я их испугал. Они же боятся, что их разоблачат.

— С какой целью боятся?

— Тогда мы начнем их извлекать и уничтожать. И вторжение сорвется.

— Да здравствует вторжение! — громко сказал Аполлон-Союз. — Кто угодно, вторгнись, чтобы курево было и колбаса! Надоело жить свободным!

— Тише!

— Какой тише? У нас сколько властей менялось, и мне все обещали, что я буду жить при нынешнем поколении и при коммунизме. И все врали. А тут приходят — и сразу несут бесплатную водку. Да здравствуют инопланетные пришельцы!

Тут сестры Волковы, которые проходили неподалеку, подпрыгнули со страху, а их собачки залаяли. Доник сказал:

— Тихо вы! Видите — доказательство проходит?

— Какое доказательство?

— Эти бабушки — они сестры Волковы…

— Знаю, в одном доме с ними прописан. А что?

— А то, что у них была собака…

— И сейчас есть собака.

— Сколько собак?

— Не скажу. Может быть, у меня двоится в глазах, а это врачи нам не советуют.

— У них две собаки. Одна сестра думает, что у настоящей вся морда белая, а другая думает, что только половина. Вы смотрите, собаки почти одинаковые…

— Мне не видать, я только хвост наблюдаю, — сказал Аполлон-Союз.

— Но вы же видите, что у них две собаки!

— Удивительно, — согласился наконец Аполлон-Союз, — что хозяйки не замечают.

— А они довольны. Они счастливы, — сказал Доник. — В этом принцип завоевания.

— Завоевания?

— Пришельцы хотят, чтобы людям казалось, что они счастливые, а потом завоюют.

— Никто и никогда еще не хотел мне счастья. Нет, про пришельцев, может, и не врешь, а про счастье врешь.

— Тогда предлагаю эксперимент, — сказал Доник.

— Какой еще эксперимент?

— Разбейте эти бутылки.

— Ты что?

— Если это пришельцы, они не допустят, чтобы у вас было такое горе, — правильно?

— А если это не пришельцы?

— Тогда откуда у вас бутылки?

— А я лунатик! Спер и не заметил.

— Значит, испугались?

— Еще бы не испугаться!

— Вот если бы у меня была бутылка, я бы обязательно рискнул!

— Риск — это славно, очкарь! Рискуй на свои бутылки!

— У вас вторая останется!

— Для человека употребляющего, к которым я себя причисляю, каждая разбитая бутылка — трагедия. И за себя, и за того парня.

— Давайте тогда я ее разобью…

— Знаешь, за что Отелло свою жену задушил? Молчишь? За то, что она бутылку разбила.

Аполлон-Союз расхохотался, лицо его покраснело.

— Я вам гарантирую, — сказал Доник. — Никакого сомнения. Даже смешно. Зато узнаете, хочет ли кто-нибудь вам счастья.

— Эх, счастье… А что, если не врешь? Птица счастья завтрашнего дня!

И вдруг этот пожилой, обтрепанный, бессмысленный человек начал топтаться на месте, широко разведя руки и поводя ими, словно изображая крылья. Кружась, он напевал, как бы подгоняя себя, и ему-то казалось, что он бодро и весело пляшет, может, даже вприсядку — он был совсем не пьяный, но вел себя как изрядно подгулявший человек, — так он разогревал себя, и Доник даже отступил от него: он не ожидал такой вспышки энергии. Наплясавшись, Аполлон-Союз распахнул пиджак, трясясь, вытащил за горлышки бутылки с водкой и начал крутить их

в руках, словно это были булавы, а он — жонглер. Но подкидывать он ничего не стал и приглушенно завопил:

— Иээх, где наша не пропадала! Смерть немецким захватчикам! — Видно, он вообразил себя защитником Севастополя, который выходит с бутылкой горючей смеси навстречу фашистским танкам, — раздался неожиданно оглушительный звон — обе бутылки грохнулись об асфальт — и вдребезги!

Издали залаяла собака, хлопнуло окно в доме, и женский голос закричал:

— Хулиганить бы постеснялись! Дети уже спят!

Аполлон-Союз стоял не опуская рук и глядел на благоухающую спиртом черную лужу на асфальте, на блеск осколков стекла, и Донику стало страшно — что он наделал! А вдруг пришельцев нет?

— Какие еще пришельцы? — сказал Аполлон-Союз трезво и страшно — он уже хотел убить Доника, потому что Доник лишил его бутылок. Лишил его нежданного водочного счастья…

— Ну, где другие? — спросил Аполлон-Союз и всхлипнул. — Где счастье?

— Я не думал, — сказал Доник. — Я думал, что

это пришельцы.

— Как же я так… поддался? Я ж никогда в жизни! Чтобы хоть рюмку разлить! Да ты что! А тут своими руками две бутылки? За что?

Аполлон-Союз опустился на корточки и стал гладить мокрый асфальт.

— Осторожно, — сказал Доник, которому было стыдно, что он заставил несчастного человека сделать глупость, — вы руки обрежете.

— Пускай обрежу, — сказал Аполлон-Союз. — Пускай до крови — водкой умоюсь… я сейчас лизать буду, вот посмотришь — лизать буду, не потому, что хочу, а чтобы у нее, у водочки, прощения выпросить!

Доник стал оттаскивать Аполлона-Союза от лужи, а тот клонился вперед и плакал.

Мимо прошел молодой парень, Доник хотел попросить его помочь, но парень сказал наставительно:

— Меньше принимать надо, папаша, сына испортишь!

И прошел мимо.

Доник все же тянул Аполлона, но тот сопротивлялся.

А тот молодой парень вернулся и спросил:

— Помочь надо, пацан?

Доник не успел ответить, потому что парень наклонился, взял с асфальта полную бутылку водки и протянул Донику:

— Возьми и мамке отдай — твой папаня уронил.

— Моя! — закричал Аполлон-Союз и выхватил бутылку. — Мой пузырь!

— Живите как хотите, я уеду навсегда! — сказал молодой парень.

Он уходил и в голос смеялся. Аполлон-Союз сидел на мостовой и прижимал обе бутылки к груди. И тоже смеялся. Потом Доник увидел еще одну бутылку, которая лежала в траве.

— Видите, даже прибавилось, — сказал Доник с укоризной.

— Спасибо, — сказал Аполлон-Союз с чувством, — вам, товарищи инопланетные пришельцы, за нашу счастливую старость. Этого мне за день не выпить.

— Вот видите, — Доник не скрывал радости, — я же говорил, что они все делают, чтобы мы были счастливы!

— Молодцы — адидасы, — сказал Аполлон-Союз. — Наши спонсоры. Надо в Верховный Совет сообразить, они же нас обеспечат — кому водку, кому сгущенное молоко, я правильно говорю?

Каждому по способностям, от каждого — кто сколько может.

Он смотрел бутылку на свет.

— Хрусталь, — сказал он.

Доник прошел по тому месту, где только что лежали осколки, — асфальт был сух, и все, что случилось несколько минут назад, казалось сном.

— Ты мой товарищ по разуму, можно сказать, друг, — сказал Аполлон бутылке. — Ты уж от нас не уезжай.

Он ловко сорвал зубами жестяную пробку с бутылки.

— Вы что? — удивился Доник.

— Пора начинать, — сказал Аполлон, — пора принимать вовнутрь.

— Как же так? Разве это для того, чтобы пить?

— Только так можно достичь счастья, — сказал Аполлон. — Путем приема внутрь. А ты как думал?

— Я думаю, что каждая такая бутылка — это в то же время пришелец…

— Закамуфлировался, во дает! — обрадовался Аполлон-Союз. — Нет, ты только подумай. Был в скафандре, стал мальчишкой, удивительным парнишкой, это очень хорошо, даже очень хорошо! Буратина ты моя!

Он взболтал жидкость, понюхал.

— Божья слеза, — сообщил он Донику.

— Не надо. — Доник осекся, хотя ощущение неумолимого бедствия не оставляло его. — Может, вы им отравитесь.

Аполлон пил, задрав голову.

— Я с вами поговорить хотел, посоветоваться, а вам это неинтересно, — сказал Доник.

Аполлон-Союз сделал еще несколько глотков и сказал, прижимая горлышко пальцем:

— Слабоват твой пришелец, сорока градусов не будет. Тридцать пять максимум. А ты иди, куда шел, а то я скоро стану опасным для человечества, потому что агрессивный. Тебя не узнаю — пришибу! Мотай отсюда!

Доник понял, что Аполлон-Союз прав — нечего ему здесь стоять и смотреть, как человек напивается.

Аполлон-Союз пошатнулся и с треском врезался в кусты — но не упал, а удержался, и треск продолжался, удаляясь, — значит, Аполлон-Союз пробивался в нужном ему направлении.

Доник пошел домой. Встреча с Аполлоном-Союзом могла показаться бессмысленной, но с научной стороны дала немало. Ведь был поставлен самый настоящий эксперимент — Аполлон

показал пришельцам, как он расстроен из-за того, что бутылки разбились. И тут же появились новые бутылки. Значит, теория Доника была правильной. Значит, пришельцы читают мысли и быстро на них реагируют. Осталось понять: вещи и существа, что выдаются людям для счастья, — это фантомы, пустая видимость или сами пришельцы. Если пришельцы, значит, Аполлон-Союз людоед? Представляете, какую репутацию заработает человечество в галактическом содружестве? Нас будут называть расой каннибалов… Планета Каннибалов! Ужас какой-то!

Доник даже оглянулся, будто боялся, что какой-нибудь прохожий подслушает эту мысль. Но прохожих не было. Люди занимались своими делами. Только Доник с ума сходил.

Вроде бы главная загадка пришельцев им раскрыта: они — оборотни. Поэтому выловить их будет нелегко. Но прежде чем начинать ловлю пришельцев, надо разобраться, зачем им засвечиваться. Сидели бы по углам — никто бы не заметил. А теперь они потеряли внезапность.

Впрочем, внезапность они еще не потеряли, если уберут Доника. А как его убрать? Можно сбить машиной, отравить… утопить, подослать наемного убийцу.

Донику стало не по себе. Он обернулся: сзади никого не было. Хотя это ничего еще не значило. Они подкрадываются незаметно. Доник пошел быстрее. Еще быстрее.

Потом припустил к бараку, запыхавшись, вбежал по лестнице и прижал ладонь к звонку. Звонок заверещал, но Доник не отпустил кнопку.

Открыла бабушка.

— Ты что? Бежишь как кот от собаки.

— Побежишь, — сказал Доник, — если за тобой привидения гоняются.

Бабушка, видно, решила, что Доник так шутит, и спросила:

— Ужинать будешь?

Вся семья была в сборе перед телевизором. Чего и следовало ожидать.

Доник от ужина отказался, попросил чаю.

— Как твои пришельцы? — спросила Катька, не ожидая ответа, потому что была увлечена телевизионными приключениями.

— Надо что-то делать. И срочно, — сказал Доник.

— А ты поделись, — сказала бабушка, — легче станет.

И Доник поведал своему семейству не только о

прилете пришельцев, но и о драматической истории Аполлона-Союза. Но никто не удивился и не испугался. Бабушка взяла уже связанную спинку свитера и долго принюхивалась к тому месту, что было связано из таинственных мотков.

— А зачем нюхаешь? — спросил Доник.

— Затем нюхаю, что запах другой, — сказала бабушка.

Мать сказала:

— Потише, смотреть мешаете.

— Дай понюхать, — сказала Катька.

— Осторожней, не отравись, — сказала мать. — Они там, может, всякую отраву в шерсть добавляют.

— Пахнет дикими прериями, — сказала Катька, которая только что читала роман «Анжелика в Новом Свете».

— Они рассудили, — сказала бабушка, — что любимую вещь я буду беречь. Может, они это уже на других планетах испытали.

— Можно подумать, что ты на других планетах бывала, — сказала Катька.

— Для этого не нужно бывать. Для этого можно прожить жизнь. Только подольше, чем ты, и с толком.

— Ничего себе с толком! — возмутилась Кать-

ка. — Всю жизнь по баракам! Это же не жизнь. Ты даже в Болгарии не была, а о других планетах рассуждаешь.

— А как ты бы хотела жить? — спросила бабушка с обидой в голосе.

— Я бы хотела за фирму выйти, — сказала Катька.

— Что еще за фирма такая?

— Сначала я поступлю на конкурс красоты!

Бабушка с внучкой ввергались в пустой спор, и Доник поспешил вмешаться:

— Помолчали бы! Нас же пришельцы слушают!

— Они слушают? — мама только сейчас об этом догадалась. — Какая гадость! Им никто не давал права.

— Конечно, не давал, — сказал Доник. — Только они не спрашивали.

— А ну, идите отсюда! — закричала мать. — Сейчас же! Чтобы и духу вашего не было.

— А кого ты конкретно гонишь? — спросил Доник, а Катька захихикала.

— Она знает, что гонит, — сказала бабушка. — Признавайся, кто в кухонный стол флакон французских духов подложил?

— Это я сама забыла, — сказала мать.

— Когда же ты себе по восемьдесят рублей духи покупала, а потом в кухонном столе забывала?

— Это мне подарили, — ответила мать, которая в это уже почти верила. — Подарил один мужчина, который просил никому не показывать.

— Что же за мужчина? — не выдержала Катька. — Водопроводчик Колька? Он свою жену испугался!

Мать рассердилась, выбежала из комнаты в коридор, а бабушка крикнула ей вслед:

— Погоди, Вера, ничего в этом плохого нет!

— Если бы меня заподозрили, что я такие подарки принимаю, меня бы со свету сжили! — заявила Катька. — А матери можно, да?

— Ты бы пошла, попросила у Веры прощения, — сказала бабушка. — Иди, иди, ничего твоей гордыне не станется.

Доник взял с обеденного стола «Теоретическую физику» Гордона-Смита, новенькую, в синем переплете, он о такой и не мечтал.

— Давно лежит? — спросил он бабушку.

Катька все же встала, пошла в коридор за матерью.

— А это не ты положил? — удивилась бабушка.

— Наполеон положил, — сказал Доник.

Бабушка взяла книгу и стала разглядывать.

— Я только не понимаю, — сказала она, — книга настоящая, ты как думаешь?

— Совершенно настоящая.

— Значит, они ее скопировали, — сказала бабушка. — С другой. А где они другую взяли?

— Может, у меня в голове?

— А она у тебя в голове была?

— Нет, вся не была, я ее всю не читал.

— Значит, они ее нашли и копию сделали, — сказала бабушка. — И это меня беспокоит. Пока они копии здесь делают — прямо в комнате, ну ладно, я еще понимаю. Но когда они неизвестно с чего копируют, значит, они уже всю Землю освоили?

— Я тебя понимаю, — сказал Доник. — Получается, что и в библиотеке были и передали по своим каналам связи формацию, а здесь ее получили.

— Значит, они все умеют.

— Тебе страшно, баб?

— А чего бояться? — сказала бабушка. — Может, неудобно, что кто-то сидит, смотрит на нас с тобой, думает и молчит. Но раз он нам с тобой не гадит, то я молчу. А если старается нам лучше сделать, тем более молчу. Кто мне добро делал? По пальцам можно перечесть. Добро — ценность

редкая. Дай уж мне на их добро хоть злом не отвечать. Разве хуже, чем мы живем, жить возможно?

Пришел Барбос. Он втиснулся из коридора в щель приоткрытой двери, кончик его хвоста подрагивал — он чувствовал себя охотником.

И было отчего — в зубах он нес мышь.

Счастье охотника светилось в глазах кота.

— Что, — спросил Доник у Барбоса, — тебе тоже сделали подарок? Ты теперь тоже счастливый ходишь?

Барбос сделал движение хвостом и положил придушенную мышь у ног бабушки — он делал ей большой подарок.

— Убери! — сказала бабушка. — Сейчас Вера придет, такой крик поднимется…

Барбос понял, взял мышь и унес ее под диван.

— Тоже пришелец? — спросил Доник.

— А разве Барбосу счастье не полагается?

— Как мы привыкнем, — рассуждал вслух Доник, — они тут же обернутся автоматчиками…

— И что? — спросила бабушка. Перед ней на столе появился еще совсем-совсем целый моток синей шерсти. Бабушка осмотрела его и кинула в корзинку с вязаньем.

— И уничтожат.

— Хорошая шерсть, — сказала бабушка. — Натуральная.

Послышался звонок в дверь.

Один звонок — общий.

— Откроют, не бегай, — сказала бабушка.

Но Донику не сиделось, он выглянул в коридор. Дверь открыла Катька. В дверях стоял бледный, даже зеленоватый Аполлон-Союз. За ним еще какие-то люди, такие стоят у винного отдела.

— Здесь пацан живет? — спросил Аполлон-Союз. — Очкарик!

Язык плохо слушался Аполлона, и тот старался выговаривать слова медленно и внятно.

— Я здесь! — Доник вышел в коридор. Он сразу понял, что разыскивают его.

— То-то что здесь, а ты не таись! — сказал строго Аполлон-Союз. — Ты что наделал, а?

— Я ничего не делал. — Доник вдруг испугался. Он пришельцев так не боялся, как этого человека, от которого исходила глухая злоба.

Все, кто был в коридоре и на лестничной площадке, смотрели на Доника — кто с испугом, кто с тревогой. Салима не могла скрыть злорадства. И даже губы ее уже зашевелились, чтобы сказать: «Я же предупреждала!»

— Я чуть Богу душу из-за тебя не отдал. Пол-ули-

цы изблевал. Водка-то была отравленная! — сказал Аполлон-Союз. От злобы он весь подобрался, сосредоточился. — Ты зачем продался? Ты мне ответь и всему народу — кому продался?

— Вы чего к мальчику пристали? — пискнула бабушка, и Доник вдруг увидел ее чужими глазами и понял, какая она маленькая, субтильная, одним пальцем можно перешибить.

— Молчать! — зарычал Аполлон-Союз. — Всем молчать по стойке… Пей, говорит, водку! Отравитель!

— Я вам говорил, что не надо. А вы сказали, что в ней сорока градусов не будет.

— Провокатор, вот он кто, — сказал Коля-водопроводчик, что пришел с Аполлоном, — душить таких нужно уже в колыбели.

— Я же товарищей угостил, — Аполлон-Союз широко провел рукой, но рука ударилась о вешалку. Аполлон-Союз длинно выругался.

— Вы не умеете себя вести, — сказал Лев Абрамович из дальней комнаты.

— Вот именно, — сказал кто-то темный от двери. В квартиру вливалось человеческое месиво, что пасется возле винного магазина.

— Теперь я заражен радиацией и мне жить осталось несколько часов, если не найдем спо-

соба отвезти меня в свободно конвертируемую страну, понял?

— С чего вы решили? — спросила бабушка.

— У него в бутылке был пришелец, — сказал Доник бабушке. — Он водку стал пить — наверное, пришелец не знал, что водку пьют… и погиб.

— Ах не знал! Нет, знал! Предупреждаю, сам погибну, как в Чернобыле четвертый реактор, но тебя с твоими пришельцами уничтожу!

— Да ты придуши его, милиция возражать не будет, — сказал один из собутыльников.

— Вот я сейчас вызову милицию, тогда посмотрим, кто хулиган! — сказала бабушка. — Вера, звони по ноль-два!

Мать сделала движение к двери, но остановилась, потому что дверь была перекрыта незваными гостями.

— Постой, — сказал Аполлон-Союз. — Руки не распускай. Пускай твой очкарь честно скажет, как их уничтожить!

— И чтобы обменяли водку на настоящую! — послышалось из-за его спины. Аполлон-Союз брыкнул назад ногой, и послышался вопль:

— Ты чего?!

— Говори! Ты знаешь!

— Честное слово, я не больше вас знаю, — отве-

тил Доник. — Мы же с вами вместе эксперимент ставили.

— Он вообще очень скрытный ребенок, — сказал Лев Абрамович. — От него добром трудно добиться.

— А мы катаньем добьемся, — сказал Аполлон-Союз. — Будешь говорить или нет?

— Вы же знаете, — сказал Доник, — что они стараются сделать человека счастливым. Они как-то чувствуют, что ему нужно для счастья… и делают.

— А что тебе сделали? — быстро спросил Аполлон-Союз.

— Мне? Книжку по физике, переводную, — сказал Доник.

— Книжку! Ха-ха, — сказал пьяный голос с лестничной площадки.

— Ладно, верю, — сказал Аполлон. — Давай ее сюда.

— Зачем?

— А ну давай!

Катька испугалась — мгновенно метнулась в комнату, принесла книжку Аполлону. Она была как птица — уводила хищника от гнезда, а в гнезде у нее туфли, духи, наверное, что-нибудь еще…

— И ты думаешь, если его возненавидеть, он

слиняет? — спросил Алоллон-Союз. Доник пожал плечами. Чего отвечать — Аполлон-Союз уже делал так с бутылками. Может быть, пришельцы внушали людям счастье, но сами могли существовать до тех пор, пока в ответ получали счастливое чувство…

Доник не хотел встречаться взглядом с Аполлоном, который как бы притягивал к своим тусклым водянистым глазам чужие глаза, чтобы подчинять их.

— Может, они хотят, чтобы люди стали как они? — вырвалось у Доника… И эти слова прозвучали как раз в тот момент, когда в коридоре было тихо.

— Эти слова мы уже слышали, молодой человек. И не стали умнее, — сказал Лев Абрамович.

— Почему вы все время говорите, что они плохие? — спросила бабушка. — Они ничего плохого не сделали.

— А это? — Аполлон рванул рубаху на груди — кожа под рубашкой была зеленой. — Может, это теперь навсегда?

— Ой! Лягушка! — закричала Салима. — Уходи от нас, прошу тебя.

— Молчать! — сказал Аполлон-Союз. — Я объявляю войну всем агрессорам и сволочам, которые

хотят завоевать нашу славную родину! И пускай они знают: со мной шутки плохи — за мной стоит весь русский народ!

Собутыльники Аполлона закричали «ура!», затопотали, захлопали в ладоши, и Доник понял, что их немало, — лестничная площадка была забита народом.

— Вставай, страна огромная! — запел кто-то хрипло.

— Вставай на смертный бой! — подхватил другой голос.

— Стоп, стоп, стоп! — оборвал пение Аполлон-Союз. — Рассказываю, как истреблять эту сволочь! Сначала мы на нее смотрим и грозим: сейчас я тебя растопчу!

Он поднял к глазам книгу Гордона-Смита, и Донику стало жутко жаль эту книжку, больше ему ее уже не купить… Но он не посмел ничего сказать…

С легким щелчком, который был слышен, потому что все молчали, книжка исчезла.

Это воздух, понял Доник. Воздух заполнил пространство, только что занятое книгой. Аполлон-Союз подставил ладонь, что-то ловил, не поймал, опустился на колени на пол и стал искать на полу.

— Ты что? — наклонился над ним один из собутыльников.

— Я его ищу для уничтожения! — сказал Аполлон-Союз. — Пока он в собственном облике. Да отойдите подальше — далеко он не уйдет.

И тут Доник, который смотрел вниз, увидел пришельца — это был полупрозрачный шарик размером с божью коровку. Доник, сообразив, сделал движение навстречу шарику, что катился к нему, но тот, не почувствовав этого, сделал последнюю попытку угодить людям и не нашел ничего лучше, как превратиться в бутылку — бутылка водки покатилась по полу к ноге Доника. Из-за спины Аполлона раздался клич вожделения, а Аполлон захохотал, театрально подхватил бутылку, и она тотчас исчезла, уничтоженная его ненавистью. На этот раз Аполлон-Союз уже не выпустил пришельца — он держал его двумя пальцами, показывая всем.

— Я их, колорадских жуков, уже штук двадцать сегодня трахнул! — торжествовал Аполлон-Союз. — Не выйдет ваш план! Мы всех их истребим!

— Какой гадкий! — сказала Салима, приглядевшись. — Наверно, воняет.

— Может, сообщить куда надо? — спросил Лев

Абрамович.

— А они комиссию пришлют и пять лет будут изучать, пока эти гады нас всех не перетравят. Нет уж — русский человек должен сам себя защищать! А то со всех сторон лезут, масоны проклятые. — И с этими словами Аполлон-Союз неожиданно ловким движением сжал горошинку ногтями. Раздался тонкий короткий писк. — Вот и все дела, — сказал Аполлон, вытирая руки о пиджак.

Все смотрели на него как на полководца, ожидая приказов. И он это понял. Обвел всех строгим взглядом и приказал:

— Чтобы к утру по всем квартирам выявить этих клопов. Если до утра не сделаем — кранты. Они вас используют! Я уже ребят послал за оружием. Будем вооружаться, понятно? Ну? Чего молчите? Понятно?

— Разумеется, мы понимаем всю серьезность момента, — сказал тогда Лев Абрамович. — Но я полагаю, что компетентные организации должны быть поставлены в курс дела.

— Ты только попытайся, сионист, — сказал Аполлон. — Ты только попытайся. Лучше ползай на коленках, ищи, куда к тебе враги забрались. Ты об этом думай. Ну, где твой прячется?

— Я не имею представления!

— Не имеешь? Граждане, он не имеет представления! Значит, он — шпион этих самых пришельцев. Шпион и разведчик. И будет казнен. Нет, не дрожи, не падай в обморок, сейчас я тебя не трону. Но если ты до утра не найдешь и не ликвидируешь своих клопов, то я приду и ликвидирую клопов и тебя заодно, понял?

— Понял.

— Тогда старайся. Думай, где у тебя враг!

— У него новые часы! — сказала быстро Салима. — Он мне хвастался. Откуда новые часы?

— Вот видишь, сионист, как народ помогает нам, органам порядка? Показывай часы!

— Я их купил!

— Ну-ка, «Сейко» купил? И сколько заплатил? Молчишь? И правильно делаешь. А мы все вместе: мы ненавидим эти часы! Ну: ненавидим!

На глазах у всех часы щелкнули и исчезли — лишь божья коровка бежит по ладони Аполлона, а тот хохочет — жизнь его, такая бессмысленная и никому не нужная еще утром, стала важной, руководящей — теперь он впервые за много лет получил возможность и моральное право распоряжаться, казнить, миловать и наводить порядок!

— Щелк! — лишь теплая розовая жидкость стекает по пальцам.

— Именно так! — Аполлон-Союз указал пальцем на ухо Катьки и сказал: — А ну снимай этого пришельца!

— Это мое, — сказала Катька.

— Врешь!

— Врет! — помогла сразу Салима. — Совсем недавно не было.

— Да это еще мое, моя мама мне подарила! — возмутилась бабушка.

— Знаем мы этих мам. Смотри, я ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу… — Он протянул руку и дернул за сережку. Катька ахнула. Сережка была в руке Аполлона-Союза, а из Катькиного уха потекла кровь. Доник, не соображая, что делает, кинулся на Аполлона-Союза с криком:

— Уйди, гад! Уйди, фашист!

Аполлон-Союз с неожиданной резвостью подставил колено — Доник налетел на колено, дыхание сорвалось, он упал бы, если бы его не успел подхватить Лев Абрамович, который стал его уговаривать:

— Мальчик, не надо, потерпи, обязательно надо потерпеть, они сейчас уйдут, они всегда уходят, в конце концов они уходят…

Доник пытался освободиться от мягких, дрожащих пальцев Льва Абрамовича, поэтому он не уловил момента, когда у бабушки оказался в руке пистолет. Большой черный пистолет. Бабушка поднимала его, словно отталкивала от себя, и вдруг стало тихо, будто ни одного человека вокруг. И бабушка произнесла очень тихо, почти шепотом:

— Тебе же сказали, чтобы ты ушел. Сколько надо повторять? Ну!

И это последнее слово прозвучало отдельно и слишком громко — хоть уши затыкай, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

И сразу тишина исчезла и наполнилась, как компот ягодами, разными голосами.

— Убивают! — кричала Салима.

— Я ухожу, ухожу… ты чего, я ухожу. — Это говорил Аполлон-Союз.

— Милицию надо позвать! — Это неизвестно кто закричал.

— Тетка, не стреляй, мы пошутили! — Это тоже незнакомый голос.

— Мама, осторожнее, он выстрелит!

— Пустите. — В этом голосе Доник узнал собственный голос. Лев Абрамович отпустил его.

Доник кинулся не к бабушке, а к дверям, в ко-

торых толклись, отступая, Аполлон-Союз и его свита.

— Давайте, — сказал он, выталкивая их. — Скорее, разве вы не видите…

Только оказавшись на лестнице, защищенный от бабушки косяком двери, Аполлон-Союз крикнул:

— Нас не запугаешь! Чтобы завтра ни одного!

Бабушка царственно отстранила пытавшегося помешать ей Льва Абрамовича и вышла на лестничную площадку.

По лестнице, сшибая друг друга, горохом, мешочным обвалом понеслись незваные гости. Они матерились, кричали, они были в панике, как стадо перепуганных коз.



— Ну, бабушка, — сказал Доник, — я от тебя не ожидал.

— А я ожидала? — спросила бабушка.

— Откуда у тебя пушка?

Остальные выглядывали из квартиры в открытую дверь, но на лестничной площадке были только бабушка и Доник.

— Какая пушка?

Доник поглядел на бабушку — в руке у нее была мухобойка — проволочная палочка с хлопушкой на конце. Бабушка тоже смотрела на свою руку.

— Лучше допустить, — сказал Лев Абрамович, — что ничего не было. И мы ничего не видели. Это снимает массу тревожных проблем.

Они вернулись в квартиру. Салима закрыла дверь на цепочку.

Мама принесла пластырь и заклеила Катьке ранку.

Все прошли на кухню — центр квартиры, нейтральную территорию. Кто сел на табуретку, кто стоял.

Это был военный совет.

— Я был не прав, — сказал Лев Абрамович. — Ничего не снято. Все проблемы остаются.

— А я думала, что ты часы «Сейку» украл. А оказывается, шпионы дали, — сказала Салима

радостно. — А теперь отобрали. Нехорошо, а?

— А вы лучше, Салима Ибрагимовна, — сказал Лев Абрамович, — проведите ревизию своего хозяйства. Нет ли в нем чего лишнего.

— Откуда у меня лишнее? Мы не воруем, мы все заработали.

— Теперь ничего нельзя гарантировать. Разве Лидия Сергеевна подозревала, что у нее есть такой большой пистолет?

— А у меня его и нет, — сказала бабушка.

— Вот именно. Ничего нет. Хорошо еще, что вы не стали стрелять.

— А что с меня, со старухи, возьмешь, — сказала бабушка и положила на стол мухобойку.

Лев Абрамович двумя пальцами взял мухобойку и перенес в раковину.

— Начинаем проверку на шпионов? — спросил он, глядя на Салиму.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Салима.

— И кофточка? — ехидно спросила Катька.

— Какая кофточка?

— Какая на тебе.

— Магазин купила. — Салима сразу стала хуже говорить по-русски. — Вчера купила, зачем спрашиваешь.

Она сделала попытку скрыться в своей комнате, но тут Лев Абрамович с наслаждением отомстил ей.

— Вы ее, конечно, можете оставить себе, — сказал он. — Это ваша кофточка, и мы разве что можем сказать? Но я вам не советую ее носить в свете сегодняшней обстановки, если это не кофточка, а только шпион. Вы представляете, какие будут последствия — она вас ночью задушит, как в произведениях Николая Васильевича Гоголя, а утром придет тот серьезный гражданин и из соображений дезинфекции все у вас сожжет.

— Нет! — закричала Салима. Она прикрыла грудь пухлыми ладошками, но вдруг кофточка исчезла. И Салима оказалась в лифчике, который был ей мал. Она тонко заверещала и побежала почему-то не к себе, а спряталась в уборной. Тогда наступила разрядка, и все начали смеяться.

Потом Лев Абрамович ушел к себе. Он сказал на прощание:

— Я осторожный человек, вы же меня понимаете, и русский народ трудно сдвинуть с места на что-нибудь хорошее, но когда вы хотите его немного напугать, чтобы он бегал за шпионами, сионистами или белыми воронами, он уже всегда готовый, потому что думает, что если поймать

всех белых ворон, то будет колбаса и полное изобилие. И я не хочу быть соратником иностранной разведки, хоть вы мне будете говорить, что какая это к черту разведка, если они прилетели из космоса на аварийной летающей тарелочке. Но мы с вами не знаем, кто для нас страшнее — наши собственные борцы против шпионов или эти шпионы, которые так спешат сделать нам подарки. Скажите, зачем мне, старому бухгалтеру, японские часы «Сейко»? Я тоже не понимаю. Спокойной ночи, и обещаю вам, что я найду все подарки судьбы, которые я не заслуживаю, и как только найду, я их начну так ненавидеть, что они сами спрыгнут со второго этажа.

Лев Абрамович невесело засмеялся и пошел к себе.

И они остались вчетвером.

Женщины уселись в большой комнате у телевизора, а Доник прошел в маленькую, но не стал там зажигать света. Он подошел к окну. И увидел, как толпа людей, черная и плотная, в которой вспыхивают порой красные огоньки — когда кто-то затягивается сигаретой, — вытекает из подъезда дома напротив и полукругом охватывает две женские фигурки, замершие под фонарем. Доник понял, что это — сестры Волко-

вы, каждая держит по собачке на руках, а толпа сдвигается все теснее… и вдруг одновременно — Доник увидел это так явственно, словно стоял в метре, — собачки исчезли — обе исчезли, и старушки засуетились, забегали — и слышен был смех, а люди в толпе начали подпрыгивать, чтобы раздавить пришельцев…

Доник отошел от окна.

В соседней комнате был слышен голос матери:

— Мама, ты не понимаешь, у меня дети. А это массовый психоз. И я не знаю, когда он кончится. Мы обязаны сами все очистить. Не будем же мы из-за каких-то жалких вещей рисковать самым дорогим…

Мама умеет себя уговорить. Теперь дети — тяжелая артиллерия, будто единственный выбор: дети — вещи. А ведь выбор совсем другой. И бабушка, конечно, это заметила.

— Меня не это тревожит, — сказала она. — У меня такое ощущение, Вера, что ко мне приблудился щенок и я его продаю барышникам, чтобы из него сделали шапку.

— Мама, ну что ты несешь! При чем тут барышник! Ты же сама говорила — неизвестно, какие у них цели! Может, сначала внедриться, потом разложить нас морально и уничтожить.

— Я все это слышала…

— Ради Катьки и Доника я пойду на все! — Мать перешла в наступление. И Доник понимал, что бабушка долго не продержится.

Катька молчала. Сейчас она придет и начнет решать проблему — оставлять себе туфли или нет… интересно, будут ли они хитрить и утаивать что-нибудь от Аполлона? Если будут, то они глупые — Аполлон-Союз со своими соратниками наверняка к утру разработают систему… Но и пришельцы будут дураками, если до утра останутся в своем облике.

— Дураки, — сказал Доник вслух. Он подумал, что если они могут угадывать мысли, то, наверное, услышат и слова. — Вам надо отсюда рвать когти. И подальше… правда, вы не знаете куда, вам трудно без людей — вам нужно, чтобы было с кем вместе… я так понимаю? Вы не можете существовать в ненависти, в нелюбви, во вражде — просто не можете существовать.

— Да, — ответила комната. Не какое-нибудь ее место, а вся комната.

— В вашем мире состояние счастья — эта самое обычное и единственно возможное состояние? — спросил Доник.

— Да.

Комната замолчала.

Вошла Катька.

— Ты чего без света? — спросила она.

Доник задернул занавески.

— У Волковых собачек убили, — сказал он.

— Ну уж не убили! — сказала Катька. — И вовсе не собачек.

«И ты мне не союзник», — подумал Доник.

Доник перешел в большую комнату и дождался, пока мать вышла.

— Бабушка, — сказал он, — дай мне рублей десять.

— Зачем?

— Мы с Барбосом гулять пойдем.

— Далеко?

— Я смотрел на сестер Волковых, — сказал Доник, — у них собачек убили, и вспомнил о тете Дусе. В Пушкине.

— Ты прав, — сказала бабушка, — у нее большой участок, и никто к ней не сунется.

— Я думаю, им надо переждать, пока за ними прилетят, чтобы их не убили.

— А они тебя поймут?

— Ты молодец, бабушка, — сказал Доник. — Другая бы начала кудахтать — десять часов вечера, а ты электричкой, за город, это так опасно!

— Лучше возьми такси, я тебе тридцатку дам. У меня есть. Тебе надо утром вернуться, чтобы они не догадались, что ты уезжал.

— Ладно, — сказал Доник. Он взял деньги. И вовремя, потому что вернулась мать. — Мы пошли гулять, — сказал он. — Где Барбос?

Барбос выскочил из-за дивана. Он держал в зубах мышку.

— Дурак, — зашипел на него Доник, и мышка исчезла, а на шее у Барбоса возник тонкий ошейник.

— Ты далеко не отходи, — сказала мать, включаясь в экран телевизора, словно всей истории с пришельцами и не было. Доник посмотрел на трюмо — флакон с духами исчез. Значит, пришельцы принимают меры. Даже интересно — какие меры?

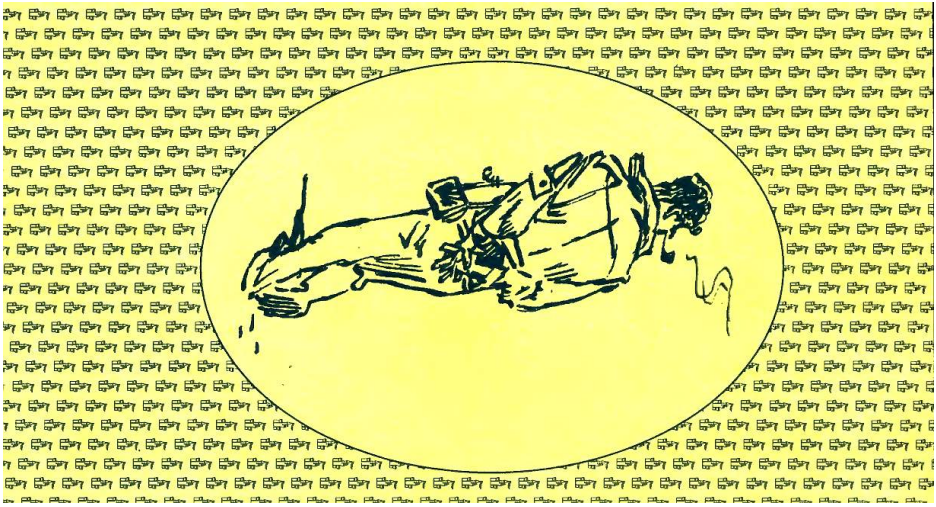
Барбос первым побежал через дорогу, Доник за ним.

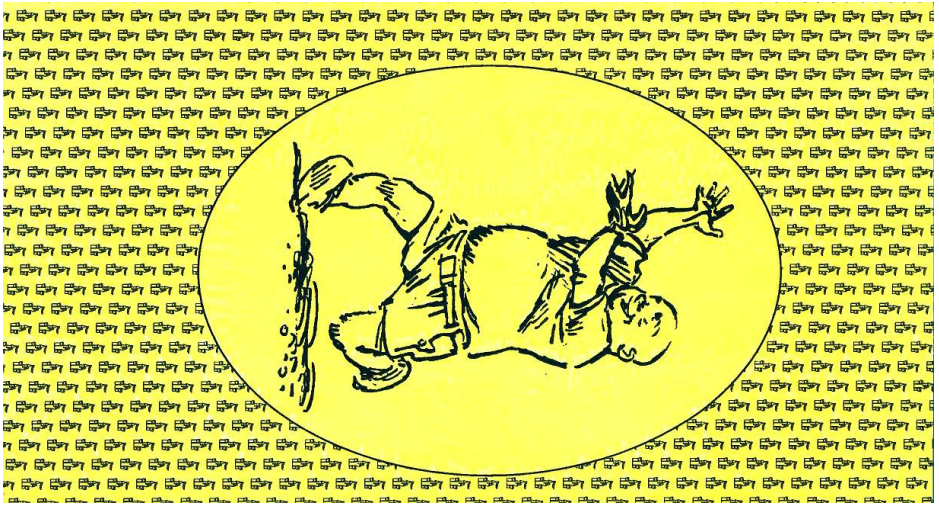
Когда он прошел уже половину сквера, он остановился, стараясь понять, идут ли с ним пришельцы. И тогда он услышал легкое трепетание крыльев — над ним, над головой, совсем низко, кружила стая птиц — воробьев, ласточек, стрижей, синиц — не время в десять вечера собираться в стаю таким разным птицам…

Тогда Доник пошел из города, к тихой пригородной платформе, где останавливается поздняя электричка. Над ним неслась стая птиц, а сзади не спеша трусили штук десять Барбосов — не ссорились, не обращали друг на дружку внимания — гуляли с хозяином.









ISBN 5-7632-0865-X

ЗАМОК ЧУДЕС

КИР БУЛЫЧЕВ